

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1907.

№ IX.

МАЙ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.	Стр.
Опытъ исправленія церковно-славянскаго текста въ Акаенствѣ Пресвятой Богородицѣ <i>М. Доброуравова</i>	285—295
Уроки первой Французской революціи (Изъ переписки друзей). (Продолженіе). <i>Сообщеніе Прот. Т. Буткевича</i>	296—329
Теорія боговдохновенности Библии въ александрійской школѣ. (Продолженіе). <i>Д. Леонардова</i>	330—348
Христіанство и наше „освободительное движеніе“. <i>Священ. Иоанни Дмитревскаго</i>	349—357
Русская духовно-академическая философія, какъ предшественница славянофильства и университетской философіи въ Россіи. (Продолженіе). <i>Александра Никольскаго</i>	358—384

II. ОТДѢЛЪ ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОІИ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Высочайшія награды.—Высочайшее утвержденіе, въ 25-й день апрѣля 1907 года, положенія о составѣ предстоящаго чрезвычайнаго собора русской церкви и порядкѣ производствъ дѣлъ на ономъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1906 годъ (31 годъ существованія). Опечатка.—II. Идеаль пастырства и мірскія чаянія современнаго духовенства. *Сельскаго священника І. Горина*.—Къ вопросу о помощи голодающему населенію. *Священники Максима Грекова*.—Миссіонерскій листокъ. Въ гостяхъ у баптистовъ. *К.*—Библиографическая замѣтка. *Священника Николая Загородскаго*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 385—426).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ зд. Присут. мѣсть.

1907.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ богословско философскій. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ. Сюда же съ апологетическою цѣлю будутъ входить изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и посканій лучшихъ людей древняго міра.

2. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семипаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Нечковской, Петровскія лавки, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 р. 50 к. за каждый годъ; по 6 р. за 1890—1897 г., по 7 р. за 1897—1902 годы. За 1903 г.—9 р. и 1904 г. 8 р., за 1905 г. 9 р. и 1906 г. 10 р.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 140 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Бретано. Съ французскаго перевода Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественскаго. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благодѣтельными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Пістєи вооѣмен.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI.

Опытъ исправленія церковно-славянскаго текста въ Акаѣистѣ Пресвятой Богородицѣ.

Акаѣистъ Пресвятой Богородицѣ составленъ и введенъ въ употребленіе въ Церкви по случаю чудеснаго избавленія Константинополя отъ Персовъ и Аваровъ (скиѣовъ), обложившихъ его съ суши и моря въ 626 году, при греческомъ императорѣ Иракліи и патриархѣ Сергіи (объ этомъ см. Синаксарь въ Субботу акаѣиста). Составителемъ акаѣиста нѣкоторые считаютъ патриарха Сергія. Такъ, въ одной древней рукописи, принадлежащей библиотекѣ св. Марка, въ началѣ акаѣиста Пресв. Богородицѣ сдѣлана надпись: Твореніе Сергія, патриарха Константинопольскаго; но другіе приписываютъ составленіе его блаженному Георгію Писидійскому, діакону Хартофилаксу Константинопольской Церкви, жившему въ половинѣ 7 вѣка и описавшему современныя ему событія прозой и стихами. (См. Трифѣиовъ *хатавохтиѣонъ... ѣу Адѣуаисъ*, 1901 ѣтос. 305 стр.).

По своему содержанію акаѣистъ Пресвятой Богородицѣ является хвалебною пѣснью въ честь Ея, написанною отъ имени города Константинополя. Повторяя многократно пріѣтствіе Архангела Гавріила Богоматери „радуйся“, блаженный составитель акаѣиста изображаетъ величественными наименованіями разнообразныя совершенства Ея, Ея величіе и многочисленныя благодѣянія роду человѣческому и особенно

всѣмъ вѣрующимъ. „Высота мыслей, сила выражений и глубина чувства, проникающія это превосходное произведение церковнаго краснорѣчія, по истинѣ достойны того, чтобы воспѣвать его съ особеннымъ благоговѣнiемъ, подобно древнимъ православнымъ христiанамъ, которые во время пѣнiя акаѣиста не позволяли себѣ садиться, но усердно внимали ему стоя,... отчего онъ и получилъ самое наименованiе акаѣиста, т. е. пѣнiя несѣдальнаго (*ἀκάθιστος ὕμνος*)“.

По своему внѣшнему составу акаѣистъ Пресв. Богородицѣ заслуживаетъ полнаго вниманiя. Онъ заключаетъ въ себѣ 13 кондаковъ и 12 икосовъ, или 25 пѣснопѣнiй, расположенныхъ, вмѣсто акростиха, по порядку буквъ греческаго алфавита. Начальный кондакъ, стоящiй внѣ этого акростиха—алфавита, написанъ по-гречески ямбическими рифмованными стихами; въ каждомъ икосѣ заключается 12 воззванiй, начинающихся съ χαῖρε—радуйся; въ большинствѣ рядомъ стоящихъ воззванiй можно замѣтить созвучiя или въ окончанiяхъ или въ срединѣ строкъ, а иногда и въ срединѣ и въ концѣ; напр.

χαῖρε δι' ἧς ἡ χαρὰ—ἐκλάμψει,

χαῖρε δι' ἧς ἡ ἀρὰ—ἐκλείψει

или χαῖρε βελῆς—ἀπορρήτῃ μύστικ,

χαῖρε σιγῆς—θεομένων πιστῆς.

Кромѣ того, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ нами воззванiй, въ каждомъ двустипхи, при параллелизмѣ мыслей, содержится еще и одинаковое количество слоговъ.

„Исправляя церковно-славянскiй текстъ акаѣиста Пресвятой Богородицѣ, мы имѣли подѣ руками во 1-хъ) *Τριῶδιον κατανυκτικόν, περιέχον ἀπάσαν ἀκολούθῃαν τῆς ἀγίας καὶ μεγάλης τεσσαρακοστῆς ἐν Ἀθῆναις... 1901.* и во 2-хъ) 2-е изданiе Богослужебныхъ каноновъ—Довягина.

АКАѦИСТЪ ВОЖЕИ МАТЕРИ.

К О Н Д А К Ъ 1.

Мы, раби твои, Богородице, избавльшеса отъ бѣдъ, воспѣваемъ Тебѣ, неопѣдимой военачальницѣ, пѣсни побѣдныя, благодарственныя: Ты же, яко имѣющая державу непреоборимую, отъ всякихъ бѣдъ освободи насъ, да взываемъ Тебѣ: радуйся, Невѣсто неневѣстная ¹⁾.

И К О С Ъ 1.

Ангель первостоятель посланъ бысть съ небесе рещи Богородицѣ: „радуйся“! и, созерцая Тя, Господи, воплощающимся, при семъ безплотномъ воззваніи, изумѣваше и стояше, возглашая Ей тако:

Радуйся, ибо чрезъ Тя радость возсіяетъ; радуйся, ибо чрезъ Тя проклятіе исчезнетъ.

Радуйся, воззваніе падшаго Адама; радуйся, избавленіе Евы отъ слезъ.

Радуйся, выото, недостижимая мыслями человѣческими; радуйся, глубоко, неудобосозѣрцаемая очами ангельскими.

Радуйся, ибо Ты еси свѣдѣлице Царя; радуйся, ибо Ты носишь Носящаго все.

Радуйся, звѣздо, являющая (міру) Солнце; радуйся, чрево Божіа воплощенія.

Радуйся, ибо чрезъ Тя обновляется тварь; радуйся, ибо чрезъ Тя мы поклоняемся Творцу.

Радуйся, Невѣсто неневѣстная.

К О Н Д А К Ъ 2.

Святая, видящи себе въ чистотѣ, глаголетъ Гавріилу со дерзновеніемъ: странное твое слово является неудобопріятнымъ души моеи: како бо глаголеши ты о рожденіи ²⁾ отъ безсѣмяннаго зачатія, взывая Аллалуіа?

¹⁾ Мы раби Твои... воспісуемъ... по-гречески эти слова передаются отъ лица города (Константинополя): вмѣсто „мы раби“... тамъ сказано: „я, городъ Твой... воспіваю...“

²⁾ Букв. о чревоношеніи, беременности.

ИКОСЪ 2.

Дѣва, хотящи уразумѣти невѣдомое таинство, воззва къ служителю (его): рцы Ми, како возможно есть родитися сыну изъ пѣдръ чистыхъ? Онъ же со страхомъ рече Ей, взывая тако:

Радуйся, посвященная въ тайны неизреченнаго (Божія) совѣта; радуйся, увѣровавшая въ требующую молчанія (тайну).

Радуйся, начало чудесъ Христовыхъ; радуйся, вершина Его догматовъ.

Радуйся, лѣствице небесная, по нейже сниде Богъ; радуйся, мосте, преводящій земнородныхъ на небо.

Радуйся, чудо, о немже много глаголють ангели; радуйся, пораженіе, о немже много плачуть бѣси.

Радуйся, неизреченно родившая Свѣтъ; радуйся, никому не открывшая: како?

Радуйся, превосходящая разумѣніе премудрыхъ; радуйся, озаряющая умы вѣрныхъ.

Радуйся, Невѣсто ненеѣстная.

КОНДАКЪ 3.

Тогда сила Вышняго осѣни къ зачатію непознавшую брака и показа благоплодное чрево Ея, яко ниву пріятную всѣмъ, кои хотятъ пожинати спасеніе, воспѣвающе тако: Аллилуія.

ИКОСЪ 3.

Дѣва, имѣющи во чревѣ Своемъ Бога; принде ко Елисавети: младенецъ же сея, тотчасъ узнавъ Ея цѣлованіе, радовашеся, и възградіемъ, яко пѣснями, взываше Богородицѣ:

Радуйся, вѣтвь неувядаемыхъ отрасли; радуйся, стяжаніе плода безсмертнаго.

Радуйся, воздѣлавшая челоѡколюбиваго Земледѣлателя; радуйся, родившая Насадителя жизни нашея.

Радуйся, ниво, возвращающая многоплодіе щедротъ; радуйся, трапезо, содержащая обиліе милостей.

Радуйся, ибо чрезъ Тя рацвѣтаетъ рай сладости ¹⁾); радуйся, ибо Ты уготовляеши пристанище душамъ.

Радуйся, приемлемый (Господомъ) епшамъ молитвы; радуйся, очищеніе всего міра.

Радуйся, благоволеніе Божіе къ смертнымъ; радуйся, дерзновеніе смертныхъ предъ Богомъ.

Радуйся, Невѣсто неневѣстная.

К О Н Д А К Ъ 4.

Имѣя внутри себя бурю сомнительныхъ помышленій, цѣломудренный Іосифъ смутися, смотря на Тя безбрачную и помышляя Тя, Непорочная, бракоокраденною; узнавъ же о зачатіи Твоемъ отъ Духа Святаго, рече: Аллилуіа.

И К О С Ъ 4.

Пастыріе слышаша Ангеловъ, воспѣвающихъ пришествіе Христа во плоти и, пришедше къ Нему, яко къ Пастырю, видятъ Его, яко Агнца непорочнаго, упасшагося во чревѣ Маріи; воспѣвающе сію они глаголаша:

Радуйся, Мати Агнца и Пастыря; радуйся, дворе овецъ словесныхъ.

Радуйся, защищеніе отъ невидимыхъ враговъ; радуйся, открытіе райскихъ дверей.

Радуйся, ибо небесное сорадуется землѣ; радуйся, ибо земное ликуетъ съ небеснымъ.

Радуйся, немолчная уста апостоловъ; радуйся, непобѣдимое дерзновеніе стратотерпцевъ.

Радуйся, крѣпкое утвержденіе вѣры; радуйся, свѣтлое познаніе благодати.

Радуйся, ибо чрезъ Тя обнаженъ адъ; радуйся, ибо чрезъ Тя мы облекохомся славою.

Радуйся, Невѣсто неневѣстная.

¹⁾ Сладости по греч. τροφής—въ церк. переводѣ пишный; вѣроятно, церковные переводники вмѣсто τροφής читали τροφής.

КОНДАКЪ 5.

Волсви, увидѣвше Богодвижимую звѣзду, послѣдоваша ея сіянію и, держащесе ся, яко свѣгильника, искаху державнаго Царя и, достигше Недостижимаго, возрадовашася и зываша: Аллилуіа.

ИКОСЪ 5.

Сынове Хадейстіи увидѣша на рукахъ Дѣвы Того, Иже созда (Своею) рукою человѣки, и, помышляюще, яко сей есть Владыка, аще и пріятъ образъ раба, поспѣшиша почитити Его дарми и воззвати Благословеннѣй:

Радуйся, мати незаходяція Звѣзды; радуйся, заре дне таинственнаго.

Радуйся, угасившая печь заблужденія; радуйся, просвѣщающая посвященныхъ въ тайны Троицы.

Радуйся, извергшая изъ начальства мучителя безчеловѣчнаго; радуйся, явившая Господа, человѣколюбца—Христа.

Радуйся, избавляющая отъ грубаго идолослуженія; радуйся, спасающая отъ нечистыхъ дѣлъ.

Радуйся, угасившая поклоненіе огню; радуйся, избавляющая отъ пламене страстей.

Радуйся, наставляющая вѣрныхъ цѣломудрію; радуйся, всѣхъ народовъ веселіе.

Радуйся, Невѣсто неневѣстная.

КОНДАКЪ 6.

Волсви, содѣлавшіися богоносными проповѣдники, возвратишася въ Вавилонъ, исполнивше пророчество о Тебѣ, и проповѣдавше всѣмъ, яко Ты еси Христось, оставиша Ирода неразумнаго и невѣдущаго пѣти: Аллилуіа.

ИКОСЪ 6.

Озаривъ Египеть свѣтомъ истины, Ты, Спасе, изгналь еси (оттуду) тьму лжи: ибо идоли его, не устояша предъ Твоею силою и падоша: избавльшіися же отъ нихъ зываху Богородицѣ:

Радуйся, исправленіе людей; радуйся, низпаденіе бѣсовъ.

Радуйся, поправшая силу обольщенія; радуйся, обличившая лжу идоловъ.

Радуйся, море, потопившее невидимаго Фараона; радуйся, камению, напоившій жаждущыя жизни.

Радуйся, огненный столпе, путеводай пребывающыя во тьмѣ; радуйся, покрове міра, ширшій облака.

Радуйся, пище, преемнице манны; радуйся, служительница святыхъ сладости.

Радуйся, земле обѣтованная; радуйся, изъ Тебе бо течеть медъ и млеко.

Радуйся, Невѣсто неневѣстная.

К О Н Д А К Ъ 7.

Егда надлежаше Симеону преставитися отъ нынѣшняго звѣка лукаваго, Ты данъ бысть ему яко младенець, но познанъ имъ, яко совершенный Богъ: сего ради (Симеонъ) удивися Твоей премудрости неизреченнѣй, взывая: Аллилуіа.

И К О С Ъ 7.

Творецъ явися и показа намъ, созданіямъ Его, новую тварь, происшедъ изъ безсѣменнаго чрева (Дѣвы) и сохранивъ его, якоже бѣ, нетлѣннымъ, дабы мы, видяще чудо, воспѣвали Ю, взывающе:

Радуйся, цвѣте нетлѣнія; радуйся, вѣнче воздержанія.

Радуйся, озаряющая первообразъ воскресенія; радуйся, являющая жизнь ангельскую.

Радуйся, древо свѣтлоплодонное, отъ негоже питаются вѣрніи; радуйся, древо благосѣнолиственное, подъ нимже укрываются мнози.

Радуйся, носившая во, чревѣ избавителя плѣнныхъ; радуйся, родившая наставника заблудшымъ.

Радуйся, сялоняющая (на милость) Праведнаго Судію; радуйся, (доставляющая) прощеніе многихъ прегрѣшеній ¹⁾.

¹⁾ Въмѣсто прегрѣшеній *παισμάτων*—въ Тріоди постной, изданной въ Лейпцахъ (1901 г) читается *παιδόντων*—согрѣшающихъ.

Радуйся, одеждо дерзновенія для нагихъ; радуйся любви, превосходящая всякое желаніе.

Радуйся, Невѣсто неневѣстная.

К О Н Д А К Ъ 8.

Видѣвше дивное рождество, устрашимся отъ (суетнаго) міра и вознесемъ умомъ на небеса: сего бо ради Всевышній Богъ явился на земли (яко) смиренный человѣкъ, желая возвести на высоту зывающія Ему: Аллилуіа.

И К О С Ъ 8.

Неописуемое Слово все бысть долу, но и горѣ пребысть всецѣло: ибо (тогда) бысть не измѣненіе мѣста Божествомъ, но Его снисхожденіе и рожденіе отъ Дѣвы, пріявшія Бога и слышавшія сіе:

Радуйся, вмѣстилище невмѣстимаго Бога; радуйся, дверь священнаго таинства.

Радуйся, ученіе сомнительное для невѣрующихъ; радуйся, несомнѣнная похвало для вѣрующихъ.

Радуйся, всевятая колесница Сѣдящаго на херувимѣхъ; радуйся, преславное жилище Сѣдящаго на серафимѣхъ.

Радуйся, соединившая противное во едино; радуйся, сочетавшая дѣвство и рождество.

Радуйся, ибо чрезъ Тя разрѣшился преступленіе (Адамово); радуйся, ибо чрезъ Тя отверзся рай.

Радуйся, ключъ царствія Христова; радуйся, надеждо (наша) на вѣчная блага.

Радуйся, Невѣсто неневѣстная.

К О Н Д А К Ъ 9.

Всѣ чини ангельстїи удивившася великому дѣлу Твоего вочеловѣченія: ибо неприступнаго, (яко) Бога, они видѣша доступнымъ для всѣхъ человѣкъ, пребывающимъ съ ними и слышащимъ отъ всѣхъ: Аллилуіа.

ИКОСЪ 9.

Витій многоглаголивыхъ мы видимъ безгласными, яко рыбы, предъ Тобою, Богородице: ибо они недоумѣвають уяснити, како Ты и дѣвою пребываеши, и возмогла еси родити; мы же, дивящися (сей) тайнѣ, съ вѣрою взываемъ:

Радуйся, вмѣстилище Божія Премудрости; радуйся, сокровищнице Его промышленія.

Радуйся, являющая любомудрыя немудрыми; радуйся, показующая искусныхъ въ словѣ безсловесными.

Радуйся, ибо хитрїи совопросницы явишася неразумными; радуйся, ибо лишшася силы творцы басней.

Радуйся, расторгающая аеинская хитросплетенія; радуйся, наполняющая мрежи рыбаей.

Радуйся, извлекающая изъ глубины невѣдѣнїя; радуйся просвѣщающая многихъ вѣдѣнїемъ.

Радуйся, кораблю для хотящихъ спастися; радуйся, пристанище для пловцевъ жизни.

Радуйся, Невѣсто неневѣстная.

КОНДАКЪ 10.

Создатель всего, желая спасти мїръ, прииде въ него, якоже Самъ возвѣсти, и, бывъ Пастыремъ яко Богъ, насъ ради явися чловѣкомъ подобнымъ намъ; ибо подобное подобнымъ призва Онъ и, яко Богъ, слышитъ: Аллилуїа.

ИКОСЪ 10.

Богородице Дѣво, Ты еси огражденіе дѣвамъ и всѣмъ прибѣгающимъ къ Тебѣ: ибо Творецъ небесе и земли содѣла Тя таковою, вселився во чревѣ Твоемъ и научивъ всѣхъ возглашати Тебѣ:

Радуйся, столпе дѣвства; радуйся, дверь спасенія.

Радуйся, виновнице душевнаго обновленія; радуйся, подательнице Божественныя благодати.

Радуйся, ибо Ты обновила еси зачатя постыдно; радуйся, ибо Ты вразумила еси лишенныя ума.

Радуйся, содѣлавшая безсильнымъ растлителя мыслей;
радуйся, рождшая Святеля чистоты.

Радуйся, чертоже безсѣменнаго уневѣщенія; радуйся,
сочетавшая вѣрныхъ со Господомъ.

Радуйся, добрая питательница (младыхъ) дѣвъ; радуйся,
Водительнице невѣсть-душъ святыхъ (ко Господу).

Радуйся, Невѣсто ненеувѣстная.

К О Н Д А К Ъ 11.

Царю Святыи! Всякое пѣснопѣніе является малымъ въ сравненіи со множествомъ великихъ щедротъ Твоихъ; аще бо принесемъ Тебѣ пѣсни, равночисленные песку морскому, (и тогда) не совершимъ ничего достойнаго (тѣхъ благъ), яже даль еси намъ, взывающимъ Тебѣ: Аллилуіа.

И К О С Ъ 11.

Яко свѣтоносную свѣцу, явившуюся пребывающимъ во тмѣ, мы зримъ Святую Дѣву: ибо Она, возжигаючи неувещественный огонь, путеводитъ всѣхъ къ Божественному вѣдѣнію, аки заря, просвѣщающая умъ и почитаемая симъ воззваніемъ:

Радуйся, луче разумнаго Солнца; радуйся, сіяніе незаходимаго Свѣта.

Радуйся, молнія, озаряющая души; радуйся, яко громъ, устрашающая враги.

Радуйся, ибо Ты испускаеши (изъ Себе) многосвѣтлое освѣщеніе; радуйся, ибо Ты источаеши (изъ Себе) многоводную ¹⁾ рѣку.

Радуйся, живописующая образъ купели; радуйся, отъемлющая скверну грѣха.

Радуйся; бане, омывающая совѣсть; радуйся, чаше, почерпающая веселіе.

Радуйся; воня Христова благоуханія; радуйся, жизни таинственнаго пира.

Радуйся, Невѣсто ненеувѣстная.

¹⁾ Многоводную — въ церк. текстѣ многотекущію, по-гречески въ изд. Ловятина и Аѳинскомъ 1901 г. πολύρροτον, вѣроятно, опечатка вмѣсто πολύρροτος. Πολύρροτος (отъ πολὺς и ῥέω εἶρω говорю, (отъ πολὺς и ῥέω — εἶρω говорю), значить тотъ, о комъ много говорятъ; πολύρροτος же (отъ πολὺς и ῥέω теку) значить быстро или обильно текущій, многоводный.

К О Н Д А К Ъ 12.

Восхотѣвъ даровати благодать (прощенія) древнихъ долговъ, Разрѣшитель долговъ всѣхъ челоувѣкъ Своєю волею прииде къ удалившимся отъ Его благодати и, раздравъ рукописаніе (нашихъ прегрѣшеній), тако слышитъ отъ всѣхъ: Аллилуіа.

И К О С Ъ 12.

Богородице, воспѣвающе Рожденнаго Тобое, мѣ вси хвалимъ Тя, яко одушевленный храмъ: ибо Господь, держащій все Своєю рукою, вселился во чревѣ Твоемъ, освятилъ, прославилъ (Тя) и научилъ есть всѣхъ звать Тебѣ:

Радуйся, селеніе Бога и Слова; радуйся, высшая святаго святыхъ.

Радуйся, кивоте, позлащенный Духомъ; радуйся, неистощимое сокровище жизни.

Радуйся, драгоцѣнный вѣнче благочестивыхъ царей; радуйся, добротная похвало іереевъ благоговѣйныхъ.

Радуйся, непоколебимый столпе Церкви; радуйся, верушима стѣно царства.

Радуйся, ибо чрезъ Тя воздвизаются знаменія побѣды; радуйся, ибо чрезъ Тя ниспровергаются врази.

Радуйся, врачеваніе моего тѣла; радуйся, спасеніе души моея.

Радуйся, Невѣсто неневѣстная.

К О Н Д А К Ъ 13.

О всепѣтая Мати, рождающая Святѣйшее всѣхъ святыхъ Слово! Приими нынѣшнее приношеніе (наше), избави всѣхъ (насъ) отъ всякія напасти и спаси отъ будущія муки зывающихъ Тебѣ: Аллилуіа.

М. Доброурадова

УРОКИ ПЕРВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ДРУЗЕЙ).

(Продолженіе *).

ПИСЬМО III.

... Я писалъ уже тебѣ въ первомъ письмѣ, что существуетъ мнѣніе, раздѣляемое нѣкоторыми писателями, будто условія нашей соціальной и государственной жизни оказываются во всемъ аналогичными съ условіями государственной жизни во Франціи предъ началомъ первой французской революціи. Это мнѣніе въ настоящее время энергично пропагандируется у насъ нашими „освободителями“, возбуждающими и поддерживающими наше революціонное движеніе. Особенно указываютъ на малоземелье и безземелье у нашихъ крестьянъ и на бѣдственное положеніе нашихъ рабочихъ.

Интересно провѣрить, насколько это мнѣніе вѣрно, потому что если дѣйствительно условія нашей соціальной и государственной жизни аналогичны съ таковыми же условіями жизни во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, то революція у насъ неизбежна, какъ неизбежною была признаваема и революція во Франціи.

Революціонеры наши клеветуютъ (въ „Народномъ Календарѣ“ на 1907 г.) на бывшего члена нашей первой государственной думы благоразумнаго князя Волконскаго, будто на одномъ изъ думскихъ засѣданій онъ доказывалъ ту мысль, что наши крестьяне малоземельемъ не страдаютъ... Я усердно посѣщалъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1907 г. № 8.

въ прошломъ году засѣданія разогнанной государственной думы, интересовался рѣчами князя Волконскаго,—но ничего такого, что приписываютъ ему наши революціонеры, я отъ него не слышалъ. Лучшая изъ его рѣчей по аграрному вопросу была произнесена имъ 18-го мая 1906 года. И вотъ какое основное положеніе было высказано княземъ Волконскимъ: „у нашихъ земледѣльцевъ больше земли, чѣмъ у земледѣльца любой другой страны Европы; тамъ отъ этого недостатка не страдаютъ,—не страдаютъ потому, что тамъ земля приноситъ дохода больше, чѣмъ у насъ“. Затѣмъ князь Волконскій утверждалъ, что крестьянскій надѣлъ у насъ не вездѣ одинаковъ, потому что, при освобожденіи крестьянъ отъ крепостной зависимости, сами крестьяне брали на себя у бывшихъ своихъ помѣщиковъ неодинаковое количество десятинъ пахотной земли въ выкупной надѣлъ: въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи брали, напр., по 10—12 десятинъ на человѣка, въ Балашовскомъ уѣздѣ—по 5-ти десятинъ, въ другихъ по 6-ти, а въ Курской губерніи—только по 2 $\frac{1}{2}$ десятины земли на человѣка. Съ того времени населеніе въ Россіи значительно увеличилось (прибавилось 40 человѣкъ на 100), а потому надѣлы земли, конечно, уменьшились. Итакъ, князь Волконскій вовсе не говорилъ того, что наши крестьяне малоземельемъ не страдаютъ, а онъ утверждалъ только, что у нашихъ крестьянъ больше земли, чѣмъ у крестьянъ любой западно-европейской страны, не исключая, конечно, и Франціи.

Хотя думцы, въ родѣ Жылкина, Аладьина, Аникина, Онипко и др., не дали князю даже окончить его рѣчь; но мнѣ она показалась безусловно правдивою,—и я сейчасъ укажу основанія, почему я такъ думаю.

Наша Россійская имперія занимаетъ пространство земли, равняющееся одной шестой части поверхности всей суши земного шара и почти въ два съ половиною раза больше поверхности суши всего европейскаго материка. Если не считать пространства, занимаемаго морями и рѣками, то все количество земли нашего государства равняется 18,986,581 квадратной верстѣ или 1,974,599,224 казеннымъ десятинамъ; во Франціи же, какъ мы видѣли, предъ началомъ первой революціи въ

концѣ XVIII столѣтія всей земли было только 51,000,000 гектаровъ, т. е., у насъ земли больше чѣмъ во Франціи на двѣ слишкомъ тысячи милліоновъ гектаровъ.

Правда, у насъ за то больше и число жителей, чѣмъ было во Франціи во время первой революціи.

По послѣдней народной переписи, народонаселеніе Россіи равняется 144,184,600 человѣкамъ; во Франціи, какъ мы видѣли, въ концѣ XVIII вѣка всѣхъ жителей было только 25,000,000 человѣкъ, т. е., количество населенія у насъ больше почти на 120 милліоновъ человѣкъ.

Теперь,—если все пространство земли, занимаемое Россіей раздѣлить на количество ея жителей, то мы увидимъ, что на каждаго человѣка, не исключая и малолѣтнихъ дѣтей, въ Россіи приходится по 14-ти казенныхъ десятинъ земли; во Франціи же, предъ началомъ революціи, при равномерномъ распредѣленіи земли между населеніемъ, приходилось бы на человѣка только по два гектара, т. е. по одной нашей десятипѣ и по 994 квадратныхъ сажня.

Впрочемъ,—нужно сказать правду,—эти теоретическія вычисленія сами по себѣ почти ничего не даютъ намъ для точной оцѣнки дѣйствительнаго положенія вещей. Такъ, напр., по математическимъ вычисленіямъ, какъ мы видѣли, у насъ будто-бы на каждаго человѣка, не исключая и малолѣтнихъ дѣтей, приходится по 14 десятинъ земли; а въ дѣйствительности, распредѣленіе земли между населеніемъ у насъ весьма разнообразно: есть у насъ множество лицъ, которыя не имѣютъ въ своемъ распоряженіи и одного сажня земли; за то есть такіе богачи, которые владѣютъ десятками тысячъ десятинъ земли. Кромѣ того, въ общее число земель, указанное нами выше, вошли вѣдь и земли неудобныя для хлѣбопашества—тундры, пески, болота, солончаки, лѣса и луга. Поэтому обратимся лучше прямо къ дѣйствительности—къ фактическому землевладѣнію и землепользованію. При этомъ, мы не будемъ принимать во вниманіе даже и всей Сибири, такъ какъ о малоземельѣ въ этой части Россіи еще никто никогда не говорилъ, хотя Сибирь и занимаетъ 14,000,000 квадратныхъ верстъ или 1,456,000,000 казенныхъ десятинъ земли, при на-

именѣе плотномъ населеніи страны. Не будемъ имѣть мы въ виду ни царства польскаго, ни Кавказа, ни великаго княжества Финляндскаго. Для насъ важнѣе ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ кровныхъ русскихъ людей.

Что же оказывается? Оказывается, что всего пространства земли въ Европейской Россіи—4,225,160,4 квадратныхъ верстѣ. На немъ проживаетъ населенія городскаго—11,830,546 человѣкъ, сельскаго—82,384,869 человѣкъ, а всего—94,215,415 человѣкъ. Такимъ образомъ, въ Европейской Россіи на одну квадратную версту приходится почти по 20 (19,₇) человѣкъ.

Всѣхъ сельскихъ поселеній въ Европейской Россіи по переписи 1894 года было 502,653, а всѣхъ дворовъ—10,626,028.

Въ 1903 году числилось земель: 1) во владѣніи частныхъ лицъ, не исключая и крестьянъ, какъ частновладѣльцевъ,—95,680,625 казенныхъ десятинъ; 2) общинныхъ крестьянскихъ надѣловъ—125,873,547 десятинъ, т. е., нѣсколько болѣе, чѣмъ по 1½ десятины на cadaго человѣка; 3) земель казенныхъ и удѣльныхъ—150,555,338 десятинъ, и, наконецъ, 4) земель, принадлежащихъ—правительственнымъ, общественнымъ, церковнымъ, учебнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ—10,016,216 десятинъ.

Если мы обратимъ вниманіе на процентное отношеніе землевладѣнія къ общему количеству земли въ Европейской Россіи, то мы увидимъ, что 1) частновладѣльческихъ земель здѣсь только 25%; 2) крестьянской надѣльной—33%; 3) удѣльной, кабинетской и государственной—39,₄%; наконецъ, 4) земель прочихъ учреждений (церквей, монастырей, учебныхъ заведеній, различныхъ пріютовъ, богадѣленъ и т. п.) 2,₀%. Въ частности на правахъ собственности въ Европейской Россіи владѣютъ землею: дворяне—въ количествѣ 65,297,858 десятинъ,—что равняется 68,₃% всего количества земли; купцы—12,858,815 десятинъ или 13,₄%; крестьяне—12,577,867 десятинъ или 13,₁%; мѣщане—2,747,572 десятинъ или 2,₀%; наконецъ, остальные владѣльцы—духовенство, нѣмецкіе и французскіе колонисты, заводы, школы, пріюты, богадѣльни и другія благотворительныя учрежденія—2,186,320 десятинъ или 2,₀%.

Кстати сказать: въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ за-

замѣчается въ значительной степени уменьшеніе частнаго землевладѣнія и дворянъ и купцовъ и увеличеніе такого у крестьянъ и мѣщанъ,—что само собою говоритъ о томъ,—что положеніе крестьянъ въ Россіи не ухудшается, а улучшается.

Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія еще и на то обстоятельство, что крестьяне владѣютъ—говоря вообще—лучшими и болѣе плодородными землями, чѣмъ другіе землевладѣльцы (во Франціи предъ революціею было какъ разъ наоборотъ). Такъ, напр., въ Архангельской губерніи, гдѣ земля наименѣе удобна для хлѣбопашества, крестьянскихъ надѣловъ считается только $\frac{1}{2}\%$, за то въ Курской губерніи они равняются $62\frac{1}{4}\%$, въ Воронежской— $66\frac{1}{10}\%$, въ Саратовской— $51\frac{3}{8}\%$, въ Харьковской— $58\frac{1}{7}\%$ и т. д. Частныя владѣнія крестьянъ въ Пермской губерніи, неудобной для хлѣбопашества, равняются только $1\frac{1}{10}\%$, въ Минской, гдѣ много болотъ и другой неудобной земли,— $1\frac{1}{4}\%$, за то въ Ярославской частновладѣльческихъ крестьянскихъ земель— $35\frac{1}{8}\%$, въ Тверской— $37\frac{1}{8}\%$, въ Рязанской— $18\frac{1}{2}\%$, въ Самарской— $23\frac{1}{3}\%$, въ Таврической— $26\frac{1}{4}\%$, въ Екатеринославской— $23\frac{1}{7}\%$, въ Харьковской— $13\frac{1}{4}\%$ и т. д.

Количество земель, принадлежащихъ казнѣ и удѣламъ, не должно казаться соблазнительнымъ, если принять во вниманіе, что эти земли въ наибольшемъ своемъ количествѣ (напр., свыше 60-ти десятинъ на 100 десятинъ всей площади) находятся въ такихъ губерніяхъ, въ которыхъ климатъ и почва признаются наименѣе годными для хлѣбопашества, какъ, напр., въ Архангельской губерніи казенныхъ и удѣльныхъ земель—71,441,940 десятинъ или $99\frac{1}{4}\%$ всей земли въ этой губерніи; въ Олонецкой—8,549,231 десятина или 71% ; въ Вятской—5,541,228 десятинъ или $39\frac{1}{7}\%$; въ Пермской—12,464,451 десятина или $41\frac{1}{10}\%$. Наоборотъ въ черноземныхъ и наиболѣе плодородныхъ губерніяхъ количество удѣльныхъ и казенныхъ земель весьма незначительно; напр., въ Полтавской губерніи ихъ всего только— $0\frac{1}{10}\%$, въ Эстляндской губерніи— $0\frac{1}{2}\%$, въ Курской— $1\frac{1}{2}\%$, въ Тульской— $1\frac{1}{2}\%$, въ Вессарабской— $2\frac{1}{3}\%$, въ Екатеринославской— $2\frac{1}{10}\%$, въ Харьковской— $3\frac{1}{4}\%$ и т. д. Вообще же замѣчается, что на долю крестьянъ

вынажи почти однѣ пашни и очень мало лѣсовъ и луговъ; у помѣщиковъ же—дворянъ и купцовъ,—а также и въ удѣльномъ вѣдомствѣ, наоборотъ, остались преимущественно лѣса, луга, озера, а также и неудобныя земли—пески, солончаки, болота и т. п., напр., въ губерніяхъ—Архангельской, Олонецкой, Петербургской, Новгородской, Псковской, Витебской, Минской, Могилевской и др.

Что касается урожайности посѣвовъ, то, по статистическимъ свѣдѣніямъ за восемнадцать лѣтъ, частновладѣльческія имѣнія въ этомъ отношеніи стоятъ значительно выше крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Такъ средняя урожайность ржи (опять-таки только въ Европейской Россіи и за время отъ 1883 г. по 1900 г.) въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ равняется 6-ти четвертямъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (и именно—въ десяти уѣздахъ) она поднималась даже до $8\frac{3}{4}$ четвертей; на надѣльныхъ же крестьянскихъ земляхъ средняя урожайность ржи равняется вообще 5-ти четвертямъ, хотя въ 28-ми уѣздахъ она достигала до $7\frac{3}{4}$ четвертей. Средняя же урожайность овса за то-же время въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ равнялась $8\frac{1}{2}$ четвертямъ, въ надѣльныхъ крестьянскихъ земляхъ—только $7\frac{1}{4}$ четвертямъ. То же самое нужно сказать и о средней урожайности всѣхъ другихъ хлѣбовъ—ячменя, проса, гречихи, кукурузы, картофеля и т. п. Причинами того, что частновладѣльческія земли приносятъ у насъ больше дохода, чѣмъ надѣльныя земли крестьянъ, нужно признать, конечно, удобреніе и хорошую обработку полей у частновладѣльцевъ, обладающихъ большимъ капиталомъ, чѣмъ крестьяне, лучшими земледѣльческими орудіями и болѣе сильнымъ рабочимъ скотомъ.

Чистаго сбора продовольственныхъ хлѣбовъ (за вычетомъ сѣмянъ), по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ за шесть лѣтъ, съ 1895 г. по 1900 г., на долю каждаго крестьянина, не исключая и малолѣтнихъ дѣтей, въ Европейской Россіи приходится $23\frac{1}{4}$ пуда, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ указанные годы онъ достигалъ отъ 40 до 135 пудовъ; такъ это было, напр., въ уѣздахъ: Кирсановскомъ, Балашовскомъ, Сердобскомъ, Петровскомъ, Пензенскомъ, Аккерманскомъ, Измаильскомъ, Бендерскомъ, Сорокскомъ, Бѣлецкомъ, Херсонскомъ,

Одесскомъ, Тираспольскомъ, Ананьевскомъ, Елисаветградскомъ, Феодосійскомъ, Симферопольскомъ, Евпаторійскомъ, Перекопскомъ, Днѣпровскомъ, Мелитопольскомъ, Бердянскомъ, Мариупольскомъ, Александровскомъ, Павлоградскомъ, Хоперскомъ и Константиноградскомъ.

Что касается *рабочаго скота*, необходимаго для успѣшнаго занятія хлѣбопашествомъ, то статистическія данныя за восемнадцать лѣтъ (1883—1900 г.г.) представляютъ намъ слѣдующія основанія для сужденія о его количествѣ и распредѣленіи въ Европейской Россіи. Изъ ста головъ общаго числа лошадей на долю крестьянъ, въ среднемъ выводѣ, приходится 85 штукъ; а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ число лошадей, принадлежащихъ крестьянамъ доходитъ до 95 и даже до 99 штукъ изъ той же сотни рабочихъ лошадей. На сто человѣкъ крестьянъ (не исключая изъ этого числа и дѣтей) рабочихъ лошадей приходится 24, но въ нѣкоторыхъ уѣздахъ количество ихъ возрастаетъ и до 48 штукъ. На сто десятинъ посѣва кормовыхъ хлѣбовъ, рабочихъ лошадей приходится 28 штукъ, но въ нѣкоторыхъ уѣздахъ—отъ 45 до 89 штукъ; на одинъ крестьянскій дворъ—1,5 лошадей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—3,5 и даже 5 штукъ лошадей.

Количество и пропорціональное распредѣленіе *крупнаго рогатаго скота*, необходимаго въ сельскомъ хозяйствѣ, за то же время, по статистическимъ даннымъ, мы можемъ представлять себѣ въ такомъ видѣ. Изъ ста головъ общаго числа рогатаго, крупнаго скота въ среднемъ выводѣ крестьянамъ принадлежитъ—81,7 штукъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ несравненно больше—отъ 95 и даже до 99 штукъ (напр., въ губерніяхъ: Вятской, Пермской и Вологодской). На сто человѣкъ—крестьянъ, пользующихся надѣльною общественною землею, приходится 40 штукъ; впрочемъ, есть губерніи, гдѣ это количество доходитъ до 55 и даже до 106 штукъ скота (въ губерніяхъ Астраханской, Оренбургской, Минской и др.). На сто десятинъ посѣва, рогатаго скота можно полагать 46 штукъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—до 80 и даже до 211 головъ. На крестьянскій дворъ такого скота приходится—2,3 штуки, хотя въ нѣкоторыхъ уѣздахъ можно полагать и значительно больше—отъ

4 до 8 штукъ (въ губерніяхъ Оренбургской, Астраханской, Эстляндской, Курляндской и Лифляндской):

Мѣстныя цѣны на хлѣба въ среднемъ выводѣ по статистическимъ свѣдѣніямъ за 1888—1900 г.г. представляются въ слѣдующемъ видѣ: цѣна на рожь: осенью—63 коп. за пудъ, весною—66 коп. за пудъ; цѣна овса: осенью—58 к. за пудъ, весною—57 коп. за пудъ; цѣна яровой пшеницы—81 коп. за пудъ; цѣна ячменя—58 коп. за пудъ.

Мѣстныя цѣны на скотъ въ среднемъ выводѣ за тотъ же періодъ времени опредѣляются въ такомъ размѣрѣ: рабочая лошадь осенью стоила 37 рублей, весною—48 рублей; цѣна дойной коровы: осенью—24 рубля, весною—30 рублей; цѣна пары рабочихъ воловъ: осенью—отъ 25 до 150 рублей, весною—отъ 46 рублей до 165 рублей; цѣна вола на убой: осенью—отъ 11 до 80 рублей, весною—отъ 19 до 87 рублей; цѣна простой свиньи: осенью—отъ 25 до 39 рублей, весною—отъ 32 до 40 рублей и т. д.

Поденная плата пѣшему рабочему (т. е., поденщику—чернорабочему безъ лошади и воловъ) на его харчахъ за тотъ же періодъ времени (1888—1900 г.г.), по статистическимъ даннымъ, въ среднемъ выводѣ, можетъ быть опредѣлена нами въ такомъ размѣрѣ: а) *въ періодъ посява хлѣбовъ*—43 коп. въ день (частнѣе, плата чернорабочаго въ это время была такова: въ 44 уѣздахъ—отъ 30 до 35 к. въ день; въ 198 уѣздахъ—отъ 30 до 40 коп. въ день; въ 116 уѣздахъ—отъ 40 до 50 копѣекъ въ день; въ 90 уѣздахъ—отъ 50 до 60 коп. въ день; въ 39 уѣздахъ—отъ 60 до 70 коп. въ день; въ пяти уѣздахъ—отъ 70 до 80 коп. въ день и въ двухъ уѣздахъ—отъ 80 до 90 копѣекъ въ день); б) *въ періодъ сѣнокоса* рабочему платили по 57 коп. въ день, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣна рабочаго въ это время достигала и до 1 р. 20 коп. въ день; в) *въ періодъ уборки хлѣбовъ* поденная плата рабочему была 62 коп.; но въ 25-ти уѣздахъ платили и по 1 р. 50 к. въ день.

Что касается матеріальнаго положенія фабричныхъ рабочихъ и мастеровыхъ въ Россіи, то мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ руками такихъ точныхъ и обстоятельныхъ дан-

ныхъ, какими мы располагаемъ относительно оцѣнки матеріальнаго положенія нашихъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ полное основаніе утверждать, ссылаясь на отчеты нашихъ казенныхъ заводовъ, что знающіе рабочіе и хорошіе мастера получаютъ отъ 1 р. 20 к. до 2 р. 50 коп. въ день (столько именно получаютъ у насъ преподаватели гимназій, духовныхъ семинарій и другихъ средне-учебныхъ заведеній); впрочемъ, если мастеровые работаютъ не на мѣсячномъ жалованьѣ и не поденно, а „издѣльно“, по установленной расцѣнкѣ, то, при усердіи, они могутъ зарабатывать и больше указанной платы. Кромѣ того, есть мастера (напр., хорошіе машинисты, техники), которые во многихъ частныхъ заводахъ и фабрикахъ получаютъ отъ 1200 до 1500 рублей годового жалованья при готовой квартирѣ, а иногда и съ особою прибавкою въ видѣ наградныхъ, процентныхъ и т. п. Во Франціи же предъ революціею, какъ мы видѣли, рабочій не получалъ болѣе 26 су или—на наши деньги—25 коп. въ день; а въ годъ, если только не было дѣлаемо у него никакихъ вычетовъ за прогульные дни и праздники, онъ могъ получить только... *девятью* рублей!..

И такъ, приведенныхъ выше данныхъ, намъ кажется, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что положеніе нашихъ крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ въ настоящее время далеко не то, какимъ историки представляютъ намъ положеніе французскихъ крестьянъ и рабочихъ въ концѣ XVIII вѣка, т. е., предъ началомъ первой французской революціи.

Дальнѣйшія сравненія только подтверждаютъ сказанное.

Что у насъ теперь—слава Богу!—крѣпостныхъ крестьянъ нѣтъ, это извѣстно всѣмъ. Актъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости у насъ совершенъ безъ всякой революціи, одною властію монарха, какъ тою же самою властію совершены у насъ и многія другія соціальные реформы.

Отношеніе дворянъ и духовенства къ крестьянамъ у насъ опять-таки не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что было во Франціи предъ революціею. Если не считать нашихъ *личныхъ* дворянъ, получившихъ дворянское достоинство по своему образованію или по службѣ, то наше дворянство окажется и не-

многочисленнымъ, и незначительнымъ по своему вліянію на соціальный строй нашей государственной жизни. Своими имѣніями наши знатные дворяне почти никогда не управляютъ сами непосредственно; крестьяне часто даже и не видятъ никогда такихъ помѣщиковъ въ ихъ владѣніяхъ. Пріѣздъ барина въ свое имѣніе изъ Петербурга или Парижа для крестьянъ составляетъ цѣлое событіе. Никакихъ юридическихъ обязанностей въ отношеніи къ дворянамъ нашъ законодатель на крестьянъ не возлагаетъ. Предъ судомъ и закономъ никакихъ особенныхъ правъ и преимуществъ наши дворяне не имѣютъ; даже—напротивъ—за нѣкоторыя преступленія (напр., за воровство и мошенничество) нашъ законъ дворянъ караетъ далеко строже, чѣмъ крестьянъ или мѣщанъ.

„Права охоты“, которымъ такъ тяготились французскіе крестьяне предъ революціею, у насъ нѣтъ; а если-бы какой-нибудь дворянинъ—охотникъ изъ-за своей охоты испортилъ крестьянину его ниву или огородъ, то даромъ ему это-бы никогда не прошло.

Духовенство наше также несправедливо было бы обвинять въ томъ, что оно, подобно французскому, предъ великою французскою революціею, лежитъ тяжелымъ бременемъ на государствѣ или народѣ, разстраивая благосостояніе того и другого. Никакихъ десятинъ ни отъ кого оно не получаетъ. Изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе православной Церкви и органовъ ея управленія въ Россіи ежегодно выдается всего только 29 милліоновъ рублей. Но на эти деньги, кромѣ православнаго духовенства—чернаго и бѣлаго, содержится еще 246 больницъ при церквахъ и монастыряхъ съ 4594 кроватями, 998 богадѣленъ съ 13893 призрѣваемыми и свыше 45.000 церковно-приходскихъ школъ. Священнику изъ указанныхъ суммъ государственнаго казначейства выдается жалованье въ размѣрѣ отъ 100 до 300 рублей въ годъ, а псаломщикамъ—вчетверо менѣе. Но и не всѣ священники, а тѣмъ болѣе—не всѣ діаконъ и псаломщики получаютъ у насъ казенное жалованье. Городскіе священники и духовенство болѣе или менѣе достаточныхъ сель его не получаютъ совсѣмъ. Впрочемъ, кромѣ указанной суммы, получаемой нѣкоторыми

священниками и псаломщиками изъ государственнаго казначейства, русское православное духовенство пользуется еще *добровольными* даяніями отъ прихожанъ,—что собственно и составляетъ его главное содержаніе. Но каковы эти даянія и какъ тяготится ими наше духовенство, это прекрасно изобразилъ еще поэтъ Н. А. Некрасовъ (котораго нельзя упрекнуть въ незнаніи народной жизни)—въ своей поэмѣ „*Кому ни Руси жить хорошо*“. Вообще же нужно сказать, что матеріальное положеніе православнаго духовенства въ Россіи никогда и ни для кого не представлялось завиднымъ. Указываютъ обыкновенно на церковную землю. Монастырскихъ и церковныхъ земель въ настоящее время числится всего—на-всего до 1,700,000 десятинъ (у французскаго духовенства было 10,000,000 гектаровъ). При равномерномъ распредѣленіи на cadaго изъ нашихъ священно и-церковно-служителей, не принимая во вниманіе ихъ сыновей, пришлось бы не болѣе, какъ по $2\frac{7}{8}$ десятины... Кто видѣлъ наше сельское духовенство въ средней Россіи, тотъ согласится съ нами, что оно и нынѣ, какъ при Посошковѣ, еще не далеко ушло отъ простыхъ крестьянъ: „*мужикъ за соху и попъ за соху*“...

И такъ изъ всего сказаннаго нами выше, легко усмотрѣть, почему не слѣдуетъ раздѣлять мнѣнія нѣкоторыхъ писателей, будто бы социальное и матеріальное положеніе крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ въ Россіи вполне аналогично съ тѣмъ, въ какомъ положеніи находились крестьяне и рабочіе во Франціи предъ началомъ первой французской революціи. Но если во Франціи дѣйствительною причиною революціи нельзя считать вообще бѣдственнаго матеріальнаго положенія французскаго населенія, какъ увѣряетъ насъ Карно, Тьеръ, Блосъ и другіе историки, то тѣмъ болѣе, таковое положеніе населенія не можетъ быть признано дѣйствительною причиною революціоннаго движенія, происходящаго нынѣ у насъ.

Впрочемъ, если уже кому желательно находить аналогію между тѣмъ, что происходило во Франціи и что совершается нынѣ у насъ, то такую аналогію можно усматривать лишь въ томъ, что какъ во Франціи, такъ и въ Россіи революціонное движеніе возбудили первоначально не крестьяне и не рабочіе,

а воспользовавшіеся безсиліемъ и бездѣйствиемъ власти и сбившіеся съ толку интеллигенты, вышедшіе изъ дворянскаго и духовнаго сословія,—и что если уже теперь въ революціонномъ движеніи въ Россіи принимаютъ непосредственное участіе крестьяне и рабочіе, то только потому, что они вовлечены въ него агитаторами уже послѣ того, какъ оно началось, и вовлечены—большею частію обманомъ и ложью.

Да! Наши русскіе крестьяне и рабочіе—не виновники революціи, а ея несчастныя жертвы, какъ и крестьяне французскіе... Но объ этомъ рѣчь будетъ у насъ дальше.

А пока—прощай!

Твой другъ Стр—евъ.

П И С Ь М О У.

... Умышленно или неумышленно, но сильно погрѣшаютъ тѣ писатели, которые всю отвѣтственность за революцію конца XVIII вѣка во Франціи вваливаютъ на тогдашнее французское правительство и въ особенности на короля Франціи—Людовика XVI-го. Неумѣнье и неспособность правительства, его злоупотребленія и халатность, его пренебреженіе и равнодушіе къ нуждамъ рабочаго и земледѣльческаго классовъ, его бюрократическія традиціи и продажное чиновничество, его неподвижность и бездѣятельность, его невниманіе къ самымъ жгучимъ запросамъ жизни,—вотъ что,—говорятъ,—вызвало во Франціи революцію и было причиною тѣхъ кровопролитій и звѣрскихъ злодѣяній, которыми она сопровождалась нѣсколько лѣтъ.

Я далекъ отъ того, чтобы оправдывать поведеніе лицъ, въ рукахъ которыхъ находилась судьба Франціи предъ первою революціею. Я вовсе не намѣренъ идеализировать тогдашнее французское правительство или брать на себя защиту тогдашнихъ французскихъ министровъ. Я очень хорошо знаю всѣ недостатки тогдашняго французскаго правительства и имѣлъ возможность ясно увидѣть его ошибки, повлекшія за собою для Франціи весьма тяжкія и роковыя послѣдствія. Но при всемъ томъ, я считалъ бы крайнею несправедливостію всю вину за

первую французскую революцію взваливать на одно только тогдашнее французское правительство, а тѣмъ болѣе на тогдашняго короля Франціи. Я останавливаю свое вниманіе, главнымъ образомъ, на послѣднемъ, такъ какъ отъ него зависѣли: и выборъ министровъ, и законодательство, и направленіе политики.

Во время первой французской революціи во главѣ правительства Франціи стоялъ злосчастный король *Людовикъ XVI-й*, внукъ Людовика XV-го.

Что же это былъ за человекъ и можно-ли, дѣйствительно, признавать его главнымъ, если не единственнымъ, виновникомъ первой французской революціи?

Личность его, по моему убѣжденію, не легко поддается характеристикѣ и его едва ли вѣрно понимаютъ даже лучшіе историки Франціи и—частнѣе—французской революціи. Къ сожалѣнію, я не знаю такихъ историковъ французской революціи, которые бы отличались полнымъ безпристрастіемъ и научною объективностію. У всѣхъ извѣстныхъ мнѣ историковъ французской революціи слишкомъ ясно высказываются симпатіи къ революціи и республикѣ; они говорятъ о своемъ предметѣ съ особенною любовію и это не позволяетъ имъ произнести безпристрастный судъ о французскихъ короляхъ, монархическомъ образѣ правленія, роялистахъ и всѣхъ противникахъ революціоннаго движенія. По этой-то причинѣ не встрѣчается совершенно объективной характеристики и короля Людовика XVI-го. Вотъ предъ нами книга *Карно*—„Исторія французской революціи“. Его отецъ имѣлъ весьма важное значеніе въ исторіи французской революціи, какъ государственный дѣятель—республиканецъ; онъ самъ—авторъ книги—послѣ февральской революціи былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія; его сынъ—извѣстный президентъ французской республики, убитый своими же передовыми республиканцами. Къ революціи и республикѣ онъ открыто высказываетъ свои симпатіи; первую французскую революцію онъ признаетъ такимъ благотворнымъ, хотя и насильственнымъ переворотомъ государственной жизни во Франціи, который послужилъ источникомъ неисчислимыхъ благодѣяній для всего міра человѣческаго.

Теперь посмотримъ, какой отзывъ о французскомъ королѣ Людовикѣ XVI-мъ даетъ этотъ не безпристрастный историкъ первой французской революціи и осмѣливается ли онъ обвинять его, какъ виновника революціи и всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые пережиты были тогда его отечествомъ. „*Чистая нравственность молодого короля,*—говоритъ онъ,—*обѣщала совсѣмъ иное царствованіе, и восшествіе его на престолъ было встрѣчено съ большими надеждами. Людовикъ XVI никогда не зналъ бурныхъ порывовъ юношескихъ страстей, но за то онъ не зналъ и великодушныхъ стремленій молодости. У него была заурядная, безсильная натура, узкимъ и ханжескимъ воспитаніемъ порабощенная кастовымъ предразсудкамъ и клерикальному направленію. Понятно, что онъ относился враждебно къ идеямъ современной философіи и къ поползновеніямъ на политическую свободу. Но у него было искреннее милосердіе, которое внушало ему участіе къ страданіямъ ближнихъ и располагало его охотно обращаться къ мѣрамъ матеріальныхъ улучшеній“.*

И такъ, вотъ то свидѣтельское показаніе, которое предъ судомъ исторіи даетъ не безпристрастный Карно о подсудимомъ королѣ Франціи Людовикѣ XVI-мъ. Кто же на основаніи этого показанія произнесетъ роковой приговоръ надъ злосчастнымъ королемъ? Кто можетъ, безъ укора научной совѣсти, сказать, что Людовикъ XVI былъ виновникомъ революціи? Карно умолчалъ о многомъ, что служитъ къ чести короля, умерщвленнаго его отечествомъ. Карно характеризуетъ намъ Людовика, только какъ человѣка, и ни слова не говоритъ намъ о немъ, какъ о государѣ. Изъ словъ Карно мы узнаемъ, что король Людовикъ XVI былъ человѣкъ высокой нравственности, вель жизнь безукоризненную; не зналъ бурныхъ порывовъ страстей, т. е., руководствовался въ своей жизни разсудочнымъ хладнокровіемъ и благоразуміемъ; отличался всегда искреннимъ милосердіемъ и участіемъ къ страданіямъ ближнихъ, всегда готовъ былъ заботиться о матеріальныхъ улучшеніяхъ жизни своихъ подданныхъ. Не зная даже ничего болѣе объ этомъ человѣкѣ и руководствуясь въ своемъ сужденіи только тѣмъ, что сказалъ о немъ Карно, мы можемъ съ спокойною совѣстію произнести лишь такой приговоръ: при Людовикѣ XVI-мъ ре-

волюція во Франціи произойти могла; но самъ Людовикъ никогда не могъ быть виновникомъ революціи, ибо ему было противно все существенное въ революціяхъ: насиліе, смерть, кровопролитіе...

Оставимъ однако-же французскихъ историковъ и обратимся къ нѣмецкимъ. О событіяхъ исторіи чужого народа легче говорить безпристрастно, чѣмъ о событіяхъ изъ жизни своего народа. Но и между нѣмецкими учеными нѣтъ, къ сожалѣнію совершенно безпристрастныхъ историковъ. Какъ-то случилось такъ, что исторію французской революціи писали только тѣ нѣмецкіе ученые, которые сами симпатизировали одностороннему политическому либерализму, демократизму, республикѣ. Если не считать Шюссера, написавшаго „Исторію XVIII вѣка“, въ которой онъ, между прочимъ, въ одномъ изъ восьми томовъ говоритъ и о первой французской революціи, и Зибеля съ его крайне односторонними философскими и историческими воззрѣніями, то лучшимъ нѣмецкимъ историкомъ французской революціи нужно признать *Вильгельма Блоса*, хотя и этотъ писатель смотритъ на революціонный переворотъ, произведенный во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, только съ *твоей* стороны, а потому и не является историкомъ вполне объективнымъ и научно-безпристрастнымъ.

Теперь выслушаемъ, какой отзывъ дѣлаетъ онъ о королѣ Людовикѣ XVI-мъ

„Послѣ развратнаго Людовика XV-го,—говоритъ онъ,—на престолъ вступилъ *добродѣтельный*, но очень ограниченный и слабый Людовикъ XVI, будто нарочно брошенный ироніей всемірной исторіи въ бурю революціи лишь для того, чтобы она смела его“. Въ другомъ мѣстѣ онъ характеризуетъ Людовика XVI-го такимъ образомъ: „Людовику XV-му наследовалъ внукъ его, Людовикъ XVI. Молодой король уже по внѣшнему виду (!) не производилъ выгоднаго впечатлѣнія: онъ держалъ себя неловко и неувѣренно (?). Самой большей его страстью была охота: судьбы государства нисколько не заботили короля. Король былъ поглощенъ своими охотами на оленей, сернъ, зайцевъ и барсуковъ; ему надо было собственноручно убить 10,000 штукъ дичи въ годъ. Охота была для этого короля

столь важнымъ дѣломъ, что мѣсто собранія генеральныхъ штатовъ, которыхъ хотѣли держать подальше отъ возбужденнаго Парижа, онъ назначилъ у самой столицы, въ Версали,—собственно, какъ онъ самъ говорилъ, ради охоты. Онъ велъ дневникъ, и тѣ дни, когда не было охоты, онъ отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ словомъ: „ничего“. 14-го іюля 1789 года—день взятія Бастиліи—отмѣчено тамъ также: „ничего“. Это—взятіе-то Бастиліи—было—„ничего“?! Заяць, собственноручно убитый королемъ, былъ бы для исторіи хоть „что-нибудь“. Благосостояніе народа, быть можетъ, меньше всего интересовало его. Онъ былъ далеко не такъ добръ и простодушенъ, какимъ его часто изображаютъ: его трагическая судьба представляетъ его въ особомъ свѣтѣ, непохожемъ на тотъ, въ которомъ онъ явился бы намъ, если-бы онъ остался на высотѣ абсолютной королевской власти. Онъ былъ лишень всякой самостоятельности: характеръ его былъ такъ слабъ, что имъ управляли окружавшіе его и въ особенности его супруга. *Во время революціи ему пришлось понести кару за многое, въ чемъ онъ былъ неповиненъ*, но такъ какъ онъ, въ качествѣ монарха, былъ главнымъ представителемъ старой Франціи, то и громы революціи должны были разразиться надъ его головой“.

Какъ мы видѣли, Блосъ, называя короля человѣкомъ слабохарактернымъ и лишеннымъ всякой самостоятельности, утверждаетъ, будто онъ находился подъ особенно сильнымъ вліяніемъ своей супруги, которая и управляла имъ. Такъ какъ такое же мнѣніе высказываютъ и другіе писатели, то прежде чѣмъ составлять свое сужденіе о характерѣ короля по изображенію Блоса, мы выслушаемъ его отзывъ и о королевѣ. Вотъ онъ что говоритъ объ ней: „Королева Марія—Антуанета, дочь императрицы Маріи—Терезіи австрійской и сестра императора Іосифа II, по натурѣ была сильнѣе своего мужа и господствовала надъ нимъ. Она была красива, не смотря на свою отвисшую, габсбургскую нижнюю губу,—остроумна и мила. Но въ ней воплотилось все высокомеріе стараго времени. Этой гордой женщиной, воспитанной во всѣхъ предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ противъ народа (?!), были противны всякія, даже малѣйшія уступки духу новаго времени; дѣло

дошло до того, что эта „австриячка“ стала очень ненавистной народу. Ее считали безнравственной, о ней рассказывали массу романтическихъ исторій: правда ли это или нѣтъ,—мы судить не можемъ, потому что хронику скандаловъ того болтливаго времени невозможно считать заслуживающимъ довѣрія историческимъ матеріаломъ. Но легкомысленная королева въ тѣ времена была бы явленіемъ вполне понятнымъ во Франціи... Бракъ Людовика XVI-го съ Маріей-Антуанетой былъ заключенъ по политическимъ соображеніямъ, что во время революціи только облегчило внимательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Франціи“. Такова-то, по словамъ Блоса, была супруга Людовика XVI-го, французская королева Марія—Антуанета.

Теперь мы должны возвратиться къ отзыву Блоса о самомъ Людовикѣ XVI-мъ и рѣшить вопросъ, насколько этотъ отзывъ безпристрастенъ и даетъ ли онъ намъ право утверждать, что вся вина за первую французскую революцію должна падать только на одного этого несчастнаго государя.

Для внимательнаго читателя ясно видно, что отзывъ Блоса не безпристрастенъ и не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ. Прежде всего бросается въ глаза, что ученый нѣмецкій историкъ былъ занятъ больше внѣшностью короля, чѣмъ установленіемъ существенныхъ чертъ его характера. Въ полномъ согласіи со всѣми историками французской революціи онъ утверждаетъ, что Людовикъ XVI былъ человѣкъ добродѣтельный; но тутъ же сейчасъ въ противорѣчіе самому себѣ говоритъ о немъ, что онъ былъ далеко не такъ добръ, какъ его часто изображаютъ, при чемъ въ подтвержденіе этого увѣренія не приводитъ ни одного факта. Далѣе онъ, какъ мы покажемъ ниже, на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ памятниковъ, прямо клеветаетъ на Людовика XVI-го, будто-бы меньше всего его интересовало благосостояніе французскаго народа и будто-бы судьбы государства его нисколько не беспокоили. Блосъ утверждаетъ, будто-бы Людовикомъ, по причинѣ его слабохарактерности, управляла его супруга. Не отвергаемъ, что Марія Антуанета, какъ умная и энергичная женщина, могла имѣть вліяніе на своего мужа; но странно, что въ своей

книгѣ, обнимающей 436 страницъ весьма убористаго шрифта, Блосъ не указалъ ни одного факта, который бы подтверждалъ его слова. Наконецъ, не можетъ не отмѣтить и того противорѣчія, въ которое Блосъ впадаетъ съ отзывомъ Карно. Карно говоритъ, что Людовикъ XVI *никогда* не зналъ бурныхъ порывовъ юношескихъ страстей; а Блосъ наоборотъ старается увѣрить своихъ читателей, что Людовикъ только и жилъ страстью къ охотѣ, что ради ея онъ будто-бы бросилъ на произволъ судьбы и свое королевство. Кому-же вѣрить?—Прибавимъ только, что мнѣніе Карно вполне раздѣляетъ и другой французскій историкъ первой революціи—*Мише*. При этомъ обращаемъ вниманіе еще на то, съ какою энергіею Блосъ нападаетъ на страсть бѣднаго короля къ охотѣ; онъ даже издѣвается надъ нимъ. Правда, нашъ Петръ Великій утверждалъ, что царямъ несвойственно заниматься охотою, трата на нее дорогое время; но Петръ Великій судилъ о людяхъ по себѣ,— съ обыкновенной же точки зрѣнія трудно понять, почему коронованнымъ особамъ несвойственно то, что дозвоительно ихъ подданнымъ.

Какъ же, съ точки зрѣнія Блоса, слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ: слѣдуетъ ли Людовика XVI-го считать виновникомъ революціи?—Отвѣчаемъ его собственными словами: во время революціи королю пришлось понести кару за многое, въ чемъ онъ былъ неповиненъ. Этотъ отвѣтъ вполне гармонируетъ и съ нашимъ мнѣніемъ, именно,—что при Людовикѣ XVI революція произойти могла, но что онъ никогда не могъ быть ея виновникомъ.

Оставимъ, впрочемъ, на время и Карно, и Блоса; съ ихъ отзывами о королѣ Людовикѣ XVI-мъ мы встрѣтимся еще разъ.

Теперь намъ нужно самимъ дать безпристрастный отвѣтъ на поставленный нами вопросъ: что за человекъ былъ французскій король Людовикъ XVI и можно ли на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ утверждать, что въ томъ или иномъ отношеніи онъ былъ виновникомъ первой французской революціи?

Личность короля Людовика XVI представляетъ богатый психологическій матеріалъ для изученія и полна глубокаго

трагизма. Многія стороны его характера не успѣли еще отлиться въ твердую форму и обрисоваться на ясномъ фонѣ исторіи; другія—представлены намъ современниками въ извращенномъ видѣ; то было время болтливое и не критическое, какъ утверждаетъ Блосъ. Страсти бушевали, противники находились въ непримиримой враждѣ, клеветали другъ на друга и вели борьбу съ безпредѣльнымъ раздраженіемъ. Историческіе памятники такого времени требуютъ самой серьезной критики,—въ противномъ случаѣ нельзя избѣжать партійности. Вотъ почему въ мемуарахъ современниковъ мы встрѣчаемъ отзывы о королѣ Людовикѣ XVI до такой степени противорѣчивые, что примирить ихъ нѣтъ никакой возможности.

По моему мнѣнію, король французскій былъ человекъ, имѣвшій свои достоинства и свои недостатки; но недостатки его не были такъ велики, чтобы могли возбудить революціонное движеніе.

Къ отрицательнымъ чертамъ его характера нужно отнести, безъ сомнѣнія, то, что въ дѣтствѣ онъ не получилъ надлежащаго воспитанія для предстоящаго ему служенія, на престолъ взошелъ очень молодымъ и совершенно неопытнымъ въ политической дѣятельности, по природѣ былъ слабохарактеренъ и крайне нерѣшителенъ, вслѣдствіе чего иногда онъ могъ казаться человекѣмъ весьма ограниченнымъ и боязливымъ до трусости. Неудивительно послѣ этого, что въ своей жизни онъ часто находился подъ самыми разнообразными и совершенно противоположными вліяніями: сегодня онъ дѣлалъ шагъ впередъ, а завтра—два назадъ. То онъ увѣрялъ всѣхъ окружающихъ его въ своемъ твердомъ намѣреніи, подобно своимъ предкамъ, оставаться всегда вѣрнымъ монархическому абсолютизму, то онъ высказывалъ радость, что именно на его долю выпало счастье—даровать французскому народу либеральную конституцію. „Глубоко сознаю я,—сказалъ онъ, подписавъ декретъ о созваніи нотаблей,—какое счастье быть королемъ свободной націи!“ и отъ радости онъ не спалъ всю ночь. Одинъ современникъ рассказываетъ намъ слѣдующій весьма характеристическій анекдотъ. Въ самый день открытія Учредительнаго Собранія Людовикъ XVI обратился съ вопросомъ

къ одному офицеру, дежурившему у него во дворцѣ: „Господинъ офицеръ! вы принадлежите къ какой партіи?“—Я—роялистъ, ваше величество“,—отвѣчалъ офицеръ.—„А я—жирондистъ“!—замѣтилъ король. Это, конечно, анекдотъ,—но онъ бы не дошелъ до насъ, если-бы не былъ остроуменъ и правдоподобенъ... Когда революція уже началась, а особенно когда она вошла въ полный разгаръ, Людовикъ видимо терялся и не зналъ, что дѣлать. Онъ подписывалъ всякій декретъ законодательнаго собранія, какой ему подносили, какъ бы онъ ни противорѣчилъ его собственнымъ убѣжденіямъ и интересамъ, лишь бы онъ только послужилъ къ успокоенію страны, какъ его въ томъ увѣрили. Революціонерамъ онъ дѣлалъ уступку за уступкой. 11-го іюня 1791 года Учредительное Собраніе сдѣлало постановленіе о томъ, что армія больше не зависитъ отъ короля. И что-же? Людовикъ утвердилъ даже и это постановленіе. Двѣ тысячи офицеровъ, преданныхъ королю, возмутились такимъ поведеніемъ его и ушли изъ Франціи. Полковникъ Вирье, убѣжденный роялистъ, переломилъ послѣ этого свою шпагу и, покидая собраніе, сказалъ: „Я хотѣлъ противодѣйствовать правительству лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Но каково мое горестное удивленіе, когда я вижу, что приходится защищать короля и прежде всего—противъ него самого“! А какъ легко было успокоить неопытнаго и растерявшагося короля, показываетъ намъ слѣдующій фактъ, повторяющійся всѣми, безъ исключенія, историками французской революціи. Когда 14-го іюля 1789 года взята была Бастилія, въ ней было найдено только семь узниковъ. Но за то сколько погибло въ этотъ день человѣческихъ жизней! Были убиты губернаторъ и комендантъ Бастиліи. Народъ возсталъ. Въ домѣ инвалидовъ бунтовщики захватили 30,000 ружей, множество сабель, шпагъ и даже пушекъ. Всѣ улицы Парижа были обагрены кровію. На площадяхъ лежали трупы. Гвардія перешла на сторону бунтовщиковъ. Къ королю прибѣжалъ оберъ-гардеробмейстеръ и членъ генеральныхъ штатовъ герцогъ *де Лянкуръ*. Въ яркихъ краскахъ онъ представилъ ему, что дѣлается въ Парижѣ и какъ не надежно войско.—„Такъ вѣдь это — бунтъ“! вскричалъ король.—„Нѣтъ, ваше величество,

это—только революція“! замѣтилъ герцогъ. Людовикъ успокоился и даже отправился лично въ національное собраніе, гдѣ его встрѣтили шумными рукоплесканіями.

При всемъ томъ Людовикъ XVI обладалъ и *положительными* достоинствами, составляющими признакъ великихъ характеровъ. Онъ былъ человѣкъ набожный и въ высшей степени религіозный; онъ былъ истинный сынъ своей церкви и не стѣснялся открыто выражать свое благоговѣнное уваженіе и покорность папѣ, какъ главѣ католичества. Его частная жизнь въ нравственномъ отношеніи была безупречна. Были распространяемы сплетни и болтали всякій вздоръ о королѣ; но мы видѣли, что даже враждебный королю историкъ отказывается вѣрить этой болтовнѣ. О королѣ же никто не рѣшался сказать ничего такого, что могло бы запятнать его нравственный обликъ. Добродѣтели короля—скромность, кротость, мягкосердіе, состраданіе къ ближнимъ и всегдашняя готовность помочь имъ, уваженіе въ людяхъ ихъ достоинства, вѣжливость къ подданнымъ, любовь ко Франціи и французскому народу—были общеизвѣстны и потому каждый историкъ съ правомъ могъ бы сказать, что такихъ людей, какъ Людовикъ XVI, во Франціи въ то время было очень и очень немного. Кромѣ того, опъ, какъ оказывается на дѣлѣ, обладалъ твердымъ и сильнымъ характеромъ и такую непреклонною волею, что въ тяжкія минуты испытаній могъ показать себя и мужественнымъ, и рѣшительнымъ. Наконецъ, мы имѣемъ подъ руками достаточно данныхъ, ясно доказывающихъ, что Людовикъ XVI обладалъ и политической мудростію.

Что-бы не быть голословными, мы укажемъ нѣкоторые факты, подтверждающіе сказанное нами.

Мужественнымъ и твердымъ Людовикъ показалъ себя въ особенности во время производства суда надъ нимъ и предъ своею мученическою кончиною.

Судъ надъ несчастнымъ королемъ Франціи Людовикомъ XVI—по глубокому убѣжденію всѣхъ честныхъ писателей—былъ возмутительнѣйшимъ злодѣяніемъ, какое только знаетъ исторія новѣйшихъ европейскихъ государствъ. Онъ былъ крайне несправедливъ уже потому, что озвѣрѣлые бунтовщики въ

одно и то-же время были и обвинителями, и судьями, и свидѣтелями. Поэтому Жозефъ-де-Местеръ, указывая на этотъ „судъ“, могъ съ полнымъ основаніемъ высказать французамъ слѣдующій упрекъ: „Никогда еще столь великое злодѣяніе не имѣло такъ много сообщниковъ!“ Король зналъ, что онъ виновенъ лишь въ томъ, что благодаря своему происхожденію, онъ былъ королемъ Франціи; а потому онъ держалъ себя на судѣ съ полнымъ достоинствомъ и сановитостью. Вотъ какъ рассказываютъ объ этомъ болѣе, чѣмъ безпристрастные историки, сочувствующіе революціи, а не королю—Карно, Минье, Оларъ и Блосъ. Конвентъ рѣшилъ потребовать короля въ свое засѣданіе на судъ, при чемъ Сенъ-Жюсть и Робеспьеръ заявили, что Людовикъ XVI долженъ быть судимъ не какъ король и не какъ гражданинъ, а какъ врагъ, „т. е. (поясняетъ историкъ Оларъ), что его слѣдуетъ не судить правильнымъ судомъ, а убить“. Сантерръ и мэръ Шамбонъ объявили этотъ декретъ конвента королю, при чемъ называли послѣдняго уже не королемъ, а просто Людовикомъ Капетомъ. Король протестовалъ противъ такого поведенія посланниковъ конвента и сказалъ: „Это—лишь продолженіе того, что я выстрадалъ за эти четыре мѣсяца. Я пойду съ вами, но—не потому, что-бы я признавалъ надъ собою власть конвента, а потому что въ рукахъ моихъ враговъ—сила!“ Такимъ языкомъ не можетъ говорить человѣкъ трусливый и чуждый самообладанія.

Такъ какъ враги короля уже напередъ, раньше всякаго суда рѣшили отнять у него жизнь, то чтобы обвинить его они обращались даже къ провокаціи, или приписывая ему, въ видѣ уликъ, такіе документы, которые ему никогда не принадлежали и по всей вѣроятности подложные, или же ставя ему въ вину интриги, которыя были ведены его приближенными. Зная это, король или отрицалъ, или говорилъ, что не помнитъ, или не признавалъ предъявленныхъ ему документовъ, или ссылаясь на конституцію. Вообще же,—замѣчаетъ Оларъ,—„онъ говорилъ лаконически и обнаруживалъ полное спокойствіе“ Апеллировать къ народу ему не позволили. Смертный приговоръ, объявленный ему министромъ юстиціи, онъ выслушалъ совершенно спокойно; ни одна жижка не дрогнула въ это время.

на его лицѣ. Прощаніе съ женою и сыномъ наканунѣ казни было въ высшей степени трогательно и героично; оно было бы достойно пера Шекспира. Когда король благословлялъ своего сына, навзрыдъ рыдали даже тюремщики; а король спокойно произносилъ свою молитву. Послѣ этого, обратившись къ своему бывшему министру и защитнику на судѣ—Малербу, онъ просилъ его исполнить его послѣднюю просьбу, именно—передать конвенту, что въ теченіе всей своей жизни онъ постоянно желалъ лишь блага своему народу и никакой другой цѣли не преслѣдовалъ. „Въ продолженіе двухъ часовъ я стараюсь припомнить,—сказалъ Людовикъ XVI,—заслужилъ ли я во время моего царствованія хотя малѣйшій упрекъ отъ моихъ подданныхъ. И вотъ, господинъ, Малербъ, клянусь вамъ отъ всего моего сердца, какъ человѣкъ, который скоро предстанетъ предъ Богомъ,—я постоянно желалъ счастья народу, и никогда у меня не было ни одной мысли, противной его благу“. Позже мы увидимъ, что, говоря это, король былъ правъ. При посредствѣ Малерба, онъ упрасилъ правительство прислать къ нему въ Тамплъ (Тюремный замокъ) его духовника Эджеворта для молитвы и напутствованія его св. таинствами. Ночь предъ казнію Людовикъ спалъ спокойно. На другой день, въ пять часовъ утра, по его просьбѣ, его разбудили и онъ сдѣлалъ свои послѣднія распоряженія. Вопреки обѣщанію, данному наканунѣ женѣ и сыну, онъ къ нимъ не пошелъ. Это испытаніе было бы для него слишкомъ тяжело. Въмѣсто того онъ сталъ готовиться къ смерти. Пригласивъ духовника, онъ исповѣдывался у него и причастился. Затѣмъ начальнику тюрьмы онъ поручилъ передать женѣ и сыну его послѣднія слова и все, что ему позволено было завѣщать,—обручальное кольцо, фамильную печать и прядь своихъ волосъ. „Уже раздавался барабанный бой,—разсказываетъ Минье далѣе,—слышался шумъ отъ передвиженія пушекъ и отъ смутныхъ голосовъ. Наконецъ пріѣхалъ Сантерръ.—„Вы пріѣхали за мною“,—сказалъ Людовикъ:—„прошу у васъ одну минуту“. Вручивъ свое завѣщаніе муниципальному офицеру, онъ взялъ шляпу и твердымъ голосомъ сказалъ: „Вѣдемъ!“ Это было 21 января 1793 года въ девять часовъ утра. Людо-

викъ сѣлъ въ карету мэра; рядомъ съ нимъ помѣстился его духовникъ Эджевортъ, а на переднемъ сидѣніи—два жандарма. Отъ тюрьмы до площади революціи, раньше называвшейся площадью Людовика XVI-го, карета ѣхала цѣлый часъ, среди длинныхъ шпалеровъ національной гвардіи, молча стоявшей подъ ружьемъ. Парижъ былъ безмолвенъ и угрюмъ, никто не высказывалъ ни одобренія, ни осужденія происходившему. На пути къ мѣсту казни Людовикъ, сидя въ каретѣ, спокойно читалъ молитвы на исходъ души. На мѣсто казни Людовикъ прибылъ ровно въ 10 часовъ. Твердымъ шагомъ,—по словамъ того же историка Минье,—онъ взошелъ по ступенямъ эшафота, на колѣняхъ принялъ благословеніе священника, который, осѣняя его крестнымъ знаменіемъ сказалъ ему: „взыди на небо, сынъ святого Людовика“! Многотысячная толпа, окружавшая эшафотъ, затаила дыханіе; только роялисты бѣгали по площади и приглашали своихъ единомышленниковъ спасти короля. Людовикъ хотѣлъ самъ, безъ насилія, вложить въ тильотицу свою голову и страшно противился палачамъ, которые рѣшили снять съ него сюртукъ и связать ему руки.. На минуту умолкли барабанщики національной гвардіи; король воспользовался этимъ моментомъ, взошелъ на край эшафота и громкимъ голосомъ сказалъ: „Французы! Я умираю неповиннымъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя возводятъ на меня; я прощаю своихъ враговъ—виновниковъ моей смерти и молю Бога, чтобы моя кровь спасла счастье Франціи“!... Въ этотъ мигъ генераль Берюйе велѣлъ ударить въ барабаны; палачи схватили короля, и въ 10 часовъ 20 минутъ голова его покатилась по подмосткамъ эшафота... И такъ, Людовикъ XVI умеръ мужественно и съ удивительною твердостью, какъ истинный герой. Смерть его была лучше его жизни. Его враги и въ томъ числѣ самъ Робеспьеръ, какъ увидимъ дальше, не имѣли мужества умереть такъ, какъ умеръ злодѣйски умерщвленный ими король...

Свой печальныйъ рассказъ о злосчастной судьбѣ французскаго короля Людовика XVI, при которомъ произошла первая французская революція, знакомый намъ уже историкъ Блосъ, заканчиваетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Такъ кончилъ жизнь этотъ

король, котораго одни преувеличенно восхваляли, а другіе преувеличенно порицали. Его ошибки (какія?) были велики; но еще больше была та историческая вина, которою его предки обременили династію. Онъ понесъ кару за себя (?),—но еще больше за другихъ. Разъ судьба бросила его въ ту страшную бурю, которая должна была поглотить его, то онъ могъ явиться лишь во всей своей слабости, какъ онъ и явился. Въ иное время, можетъ быть о немъ, можно было бы сказать немного хорошаго, но также—и немного дурного“.

Не знаю, какое впечатлѣніе производитъ это замѣчаніе Блоса о Людовикѣ XVI на другихъ читателей, а мнѣ оно не правится. Только новѣйшіе ученые, подобно Блосу, ставящіе политику выше науки, способны утверждать, будто-бы *безпристрастная* исторія можетъ произносить объ одномъ и томъ-же историческомъ лицѣ или дѣйствиіи въ одну эпоху—одно сужденіе, въ другую—другое. Такъ поступаютъ только люди льстивые и двосудные.

Впрочемъ, не лучшее сужденіе высказываетъ и французскій историкъ Карно. Разсказавъ также о казни Людовика XVI-го, онъ заканчиваетъ свое повѣствованіе такими словами: „Людовикъ умеръ съ чисто-христіанскою покорностію... Вражда, возбужденная Людовикомъ XVI-мъ, *не смотря на многія мичныя его качества*, легко объяснима. Какъ послѣдній представитель стараго строя, онъ роковымъ образомъ унаслѣдовалъ всю ненависть, накопившуюся вѣками противъ него“.

Что сказать объ этомъ замѣчаніи? Прежде всего,—оно не вполне понятно читателю. Карно говоритъ сначала о враждѣ, которую *возбудилъ* Людовикъ XVI. Къ кому или противъ кого? По всей вѣроятности, къ себѣ самому со стороны французскаго народа. Но затѣмъ оказывается, что Людовикъ вовсе не возбуждалъ никакой вражды и къ себѣ самому, а что онъ *получилъ въ наследство* ненависть противъ стараго порядка... Во всякомъ случаѣ въ приведенномъ нами замѣчаніи, Карно не доказываетъ того, что Людовикъ XVI лично былъ виновникомъ французской революціи. Онъ, очевидно, хотѣлъ указать лишь хотя какое-нибудь оправданіе для своего народа противъ обвиненія его въ самомъ гнусномъ злодѣяніи. Но

нашелъ ли онъ такое оправданіе? Увы! нѣтъ. Пусть предки и заслужили даже ненависть со стороны народа; но справедливо ли ненавидѣть и даже злодѣйски умерщвлять за это ихъ потомка, ни въ чемъ неповиннаго? Да и судъ надъ злосчастнымъ королемъ не былъ ли, собственно, лишь сплошною пародіею надъ правосудіемъ?.. Не честнѣе ли поступилъ кровожадный Робеспьеръ, когда сказалъ, что Людовика нужно не судить, а прямо убить? Нѣтъ, кровь невинно казненнаго короля и до сихъ поръ не смыта съ рукъ французскаго народа.

Здѣсь мѣсто указать факты, ясно свидѣтельствующіе о томъ, что Людовикъ XVI не чуждъ былъ и политической мудрости, которая побуждаетъ правителей къ созиданію, а не къ разрушенію, къ реформамъ и преобразованіямъ, а не къ революціи и государственнымъ переворотамъ при помощи кровопролитія и насилія. Но для этого мы должны сдѣлать небольшое отступленіе въ сторону, ибо намъ нужно сравнить дѣйствія Людовика XVI съ дѣйствіями его предшественниковъ.

Всѣ историки французскаго народа вполнѣ согласны между собою въ томъ, что правленіе предшественниковъ Людовика XVI, именно—правленіе Людовика XIV и XV—было чрезвычайно тяжело и почти невыносимо для Франціи. Людовикъ XIV искалъ вѣшняго блеска и личной славы. Но неудачныя войны истощали богатства страны. Займы и усиленные налоги были тяжелы для населенія; торговля и промышленность приходили въ упадокъ; рабочіе оставались безъ работы; населеніе страдало отъ неурожаевъ и голода; дороговизна на свѣтные продукты усиливалась; военная повинность отнимала у народа лучшія рабочія силы. Этого мало. „Въ его царствованіе,—говоритъ историкъ его времени,—началось то господство женщинъ при дворѣ, которое лишило Францію всякаго уваженія за-границей и причинило ей невыразимыя бѣдствія. Можно сказать, что Франція болѣе пятидесяти лѣтъ управлялась по прихотямъ куртизанокъ, и направленіе политики мѣнялось, смотря потому, предавались ли эти куртизанки ханжеству или разврату. Двадцатипяти-милліонное населеніе должно было гнуть шею въ угоду разнымъ Мэнтеновъ, Помпадуръ, Дюбарри, которыя могли свергать правительства, если только имъ не нравились поклоны первыхъ министровъ“.

Послѣ смерти Людовика XIV-го на престолъ вступилъ пятилѣтній ребенокъ. Его именовъ Франціею правилъ герцогъ Орлеанскій—Филиппъ—съ званіемъ регента. Это былъ человекъ развратный, легкомысленный, вѣчно пьяный и чрезвычайно корыстный. Онъ окончательно подорвалъ благосостояніе Франціи своею „биржевою спекуляціею“ и „мошенническими финансовыми операціями пресловутаго Ло“. Однажды, по какой-то случайности, не будучи пьянымъ, но окруженный все-таки своими распутными сожительницами, Филиппъ сказалъ горькую правду по адресу Франціи: „Несчастное государство! кто управляетъ тобою“!

Но въ наибольшей упадокъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи благосостояніе Франціи пришло въ царствованіе развратнѣйшаго короля ея, Людовика XV-го. „Въ царствованіе Людовика XV-го, говоритъ Блосъ,—безнравственность двора дошла до крайнихъ предѣловъ, и государственные доходы расточались на разныхъ фаворитовъ и куртизанокъ самымъ безумнымъ образомъ. Мы не станемъ описывать знаменитаго сераля, такъ называемаго „парка оленей“, который устроила для короля его отцвѣтшая любовница, Помпадуръ, чтобы сохранить его расположеніе. Самаго глубокаго нравственнаго паденія правленіе Людовика XV-го достигло тогда, когда въ послѣдніе годы царствованія этого короля имъ овладела развратная Дюбарри и до самой смерти его оказывала большое вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Интересно было бы сосчитать суммы, въ которыя обошлись Франціи королевскія содержанки въ царствованіе этихъ двухъ Людовиковъ: онѣ громадны до неслѣдственности“. Не лучшими красками обрисовываетъ царствованіе Людовика XV-го и французскій историкъ—*Карно*. „Въ его лицѣ,—говоритъ онъ,—монархія спускается еще ступенью ниже... Правятъ куртизанки, онѣ объявляютъ войны и заключаютъ миръ; онѣ раздаютъ должности и милости; судьи, поставленные ими, позорятъ тогу; ихъ военачальники проигрываютъ сраженія, ихъ финансисты утопаютъ въ золотѣ на счетъ обанкроченнаго государства и разореннаго народа“.

И такъ, вотъ каковы были предшественники злосчастнаго

Людовика XVI-го! Имъ дѣла не было до благосостоянія Франціи и благоденствія французскаго народа! Они не заботились о томъ, какое послѣдство они оставляютъ своимъ потомкамъ! Они знали лишь самихъ себя. „Лишь бы на насъ хватило, а послѣ насъ хоть пожаръ“! Вотъ гдѣ дѣйствительные виновники революціи! И однако-же въ царствованіе ихъ революціи не было! Напротивъ ихъ воля была священна для народа, а ихъ власть достигла до наивысшаго пункта абсолютизма. Людовикъ XIV, дѣйствительно, имѣлъ полное основаніе говорить: „государство это—я“!

Послѣ сказаннаго понятно, въ какомъ смыслѣ историки французской революціи, говоря намъ о позорномъ умерщвленіи Людовика XVI-го, находятъ возможнымъ утверждать, что онъ понесъ наказаніе за чужую вину. Недовольство французскаго народа могло начаться, и дѣйствительно началось, еще въ правленіе Людовика XIV-го, если только не раньше его; но, развиваясь постепенно, оно лишь въ царствованіе Людовика XVI-го достигло того напряженія, которое закончилось взрывомъ революціи и государственнымъ переворотомъ, прекратившимъ во Франціи самое существованіе монархіи. Значитъ злосчастный французскій король Людовикъ XVI виновенъ только въ томъ, что онъ дожилъ до этого времени и что онъ не родился полустолѣтіемъ раньше, чѣмъ онъ, дѣйствительно, родился.

И въ самомъ дѣлѣ,—другой вины за нимъ не было.

Людовикъ XVI былъ совершенно непохожъ на своихъ предшественниковъ и во многомъ стоялъ выше ихъ. Правда, онъ не былъ выдающимся политикомъ; онъ любилъ жить больше жизнію частнаго человѣка; онъ чувствовалъ себя хорошо только въ своей семьѣ. Но нельзя не повѣрить и его предсмертнымъ словамъ,—именно,—что въ теченіе всей своей жизни онъ постоянно желалъ лишь блага своему народу и никакой другой цѣли онъ не преслѣдовалъ. Онъ не былъ ни властолюбивымъ, ни честолюбивымъ, ни тщеславнымъ. Онъ не искалъ, какъ Людовикъ XIV, славы завоевателя и не домогался вліянія на ходъ жизни и политику сосѣднихъ государствъ. Но благосостояніе Франціи (вопреки выше приведен-

ному утвержденію историка Блоса) его, дѣйствительно, озабочивало съ самаго начала его царствованія. Наслѣдство, полученное имъ отъ предковъ, какъ мы знаемъ уже, было незavidно: на немъ было больше процентовъ, чѣмъ сколько оно могло давать доходовъ. Франція и въ собственномъ смыслѣ была обременена непомерными долгами: еще во времена Людовика XIV-го, въ 1714 году, на Франціи числилось долговъ 3,500 милліоновъ; къ царствованію Людовика XVI-го государственный долгъ возросъ уже до трехъ милліардовъ. Одни проценты по долговымъ обязательствамъ требовали громаднхъ расходовъ. Но что особенно было тяжело для тогдашней Франціи, такъ это то, что такая задолженность государства лишала страну возможности содѣйствовать естественному развитію промышленности и торговли. Кромѣ того, непосильные налоги все больше и больше истощали благосостояніе народа. О народномъ просвѣщеніи никто не заботился. Объ умноженіи школъ и рѣчи не было. Повсюду царили произволь и взяточничество королевскихъ чиновниковъ; даже судьи торговали своею совѣстію и правосудіемъ. Наконецъ, крѣпостное право и малоземелье крестьянъ также не могли не бросаться въ глаза всякому, кто интересовался тогдашнею жизнью французскаго народа.

Къ чести Людовика XVI-го нужно сказать, что онъ ясно видѣлъ всѣ эти язвы на тогдашнемъ организмѣ французскаго государства. Онъ созналъ съ полною опредѣленностію и глубокимъ убѣжденіемъ, что управлять страню въ духѣ его предшественниковъ уже болѣе нельзя и что необходимы коренныя соціальныя реформы, которыя бы вывели Францію на путь ея естественнаго развитія и усовершенствованія. Съ этою цѣлію онъ рѣшился прежде всего составить такое правительство, которое бы его поняло и которое было бы въ состояніи осуществить его намѣренія относительно задуманныхъ реформъ. И нужно отдать справедливость Людовику XVI-му: онъ умѣлъ находить людей и избирать изъ нихъ своихъ сотрудниковъ. Министромъ-президентомъ онъ назначилъ графа де-Морепа, министромъ иностранныхъ дѣлъ—маркиза де-Верженна, министромъ внутреннихъ дѣлъ—Ламуаньона де-Малерба и министромъ фи-

нансовъ—знаменитаго финансиста—философа Тюрго. Всѣ эти лица были убѣжденными сторонниками реформъ, задуманныхъ королемъ, и его наилучшими и энергичными помощниками, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и—иниціаторами.

При помощи названныхъ министровъ, молодой, 22-лѣтній король съ удивительнымъ мужествомъ и рѣдкою твердостью прежде всего уничтожилъ крѣпостную зависимость крестьянъ и даровалъ французскому народу „право труда“ или—что тоже—уничтожилъ цехи и званіе мастера, равно какъ и другія стѣсненія свободы торговли и промысловъ. „Мы считаемъ своею обязанностію,—писалъ юный король въ одномъ изъ своихъ декретовъ,—обеспечить всѣмъ нашимъ подданнымъ полное и неограниченное пользованіе ихъ правами; особенно обязаны мы охранять тотъ классъ людей, который не имѣетъ иной собственности, кромѣ своего труда и прилежанія, и который поэтому больше всего имѣетъ нужду и право черпать въ полномъ размѣрѣ изъ этого единственнаго источника всѣ средства для своего существованія. Съ болью видѣли мы многочисленные и разнообразныя нарушенія, которымъ подвергалось это естественное и всеобщее право путемъ различныхъ ограниченій; ограниченія эти хотя имѣютъ за себя давность, но они не могутъ быть узаконены ни временемъ, ни господствующими взглядами, ни даже авторитетомъ, который ихъ, по видимому, освятилъ“.

Кромѣ того, королемъ было обращено серьезное вниманіе на государственный бюджетъ съ цѣлію сдѣлать въ немъ возможныя сокращенія, особенно—по содержанію королевскаго двора; былъ выработанъ даже смѣлый планъ политическаго переустройства въ французскомъ королевствѣ съ цѣлюю системою различныхъ представительныхъ собраній или муниципалитетовъ: провинціальныхъ, окружныхъ, городскихъ и сельскихъ; составленъ былъ проектъ, который въ наше время былъ бы названъ законопроектъомъ всеобщаго обученія; предположено было отмѣнить налогъ на соль, которымъ, какъ мы знаемъ, особенно тяготилось сельское населеніе Франціи,—равно какъ и всѣ таможенные сборы; были отмѣнены пошлины на иностранныя книги, уничтоженъ надзоръ тайной полиціи надъ

салонами, преступными были объявлены взятки, которыя откупщики давали министрамъ при возобновленіи срока откупа; дарованы были французскому народу свобода слова и свобода печати, свободная торговля хлѣбомъ и виномъ, неприкосновенность частныхъ писемъ и т. д. Король—принципiальный противникъ деспотизма—отвергалъ значеніе насилія даже и въ проведеніи социальныхъ реформъ.—„Дайте мнѣ пять лѣтъ деспотической власти,—сказалъ Тюрго,—и Франція будетъ свободна“.—По этому поводу король писалъ другому своему министру Малербу: „Тюрго слишкомъ увлекается своимъ желаніемъ добра; деспотизмъ непригоденъ ни къ чему, хотя бы онъ и принудилъ людей къ счастью“... Тѣмъ не менѣе и самому королю пришлось вступить въ трудную борьбу и съ парламентомъ, и съ дворянствомъ, при осуществленіи задуманныхъ реформъ. И народъ былъ только справедливъ, когда хотѣлъ провозгласить короля Людовика XVI—этого мнимаго виновника революціи—*Возстановителемъ свободы Франціи*.

То не вина, конечно, Людовика XVI-го, что стихійная волна революціи не дала ему возможности со всею полнотою осуществить его лучшія намѣренія и его заботы о благосостояніи Франціи...

Справедливый отзывъ о французскомъ королѣ Людовикѣ XVI-мъ, по нашему мнѣнію, далъ историкъ французской революціи *Мише*, когда, рассказавъ о трагической кончинѣ его, онъ заключилъ свою рѣчь словами: „Такъ погибъ, тридцати девяти лѣтъ отъ роду, послѣ шестнадцати съ половиною лѣтъ царствованія, проведеннаго въ исканіи добра, лучшій, но слабѣйшій (?) изъ монарховъ. Предки оставили ему въ наследство революцію. Болѣе, чѣмъ кто-либо изъ нихъ онъ былъ способенъ предупредить или завершить ее; онъ могъ быть королемъ—реформаторомъ, пока революція не разразилась, или конституціоннымъ королемъ по окончаніи ея. Онъ, можетъ быть, единственный государь, который, *не имѣя никакихъ страстей*, не имѣлъ и страсти властолюбія, и который соединялъ оба качества, характеризующія хорошихъ королей: *страсть Божій и любовь къ народу*. Онъ погибъ жертвою страстей, которыхъ не раздѣлялъ,—страстей его двора, которыя ему

были чужды, и страстей толпы, которыхъ онъ не раздражалъ. Немного королей, оставившихъ по себѣ такую добрую память. Исторія скажетъ о немъ, что, при большей твердости характера, онъ былъ бы королемъ единственнымъ въ своемъ родѣ“.

Послѣ этого еще разъ можно указать на то, какъ несправедливы тѣ писатели, которые утверждаютъ, будто истинною причиною первой французской революціи была неспособность Людовика XVI-го управлять странюю и злоупотребленія, допущенныя его правительствомъ.

Впрочемъ, мы слишкомъ мало говорили, утверждая, что Людовикъ XVI не былъ виновникомъ первой французской революціи; мы имѣемъ основаніе предполагать, что король обладалъ даже возможностью оказать надлежащее сопротивление революціи, чтобы подавить ее и спасти монархію. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ современниковъ Людовика XVI, въ томъ числѣ даже и императоръ Наполеонъ, говорятъ съ увѣренностію: не было момента, въ который бы король не могъ остановить революціоннаго движенія; но онъ этого не сдѣлалъ или по слабости характера и малодушію, какъ думаютъ одни, или по любви къ народу, гуманности, великодушію, отвращенію къ кровопролігю, какъ думаютъ другіе. Вотъ что рассказываютъ (Срв. Н. Л и Г. Бутли. Разложеніе королевской династіи. Спб. 1906, стр. 99—100) о самомъ рѣшительномъ для короля моментѣ во время французской революціи. „9-го августа 1792 года, въ 12 часовъ ночи, раздались зловѣщіе звуки набата, призывающіе къ возстанію. Для приверженцевъ короля они были сигналомъ, что насталъ часъ оказать ему послѣднюю службу. Все, что осталось вѣрнымъ ему, собралось въ Тюльери. Если бы Людовикъ XVI хотѣлъ защищаться, онъ могъ бы еще спасти себя и монархію: вокругъ него собралось около 200 дворянъ, до 3000 гвардіи и 950 швейцарцевъ. Эти войска привѣтствовали его крикомъ; „Да здравствуетъ Людовикъ XVI! Онъ—нашъ король! Намъ не нужно другого! Долой якобинцевъ! Пусть онъ станетъ во главѣ насъ и мы будемъ защищать его до послѣдней капли крови!“ Но этотъ самоотверженный призывъ не встрѣтилъ отклика въ душѣ потерявшагося

короля: блѣдный, растерянный, онъ ходилъ среди своихъ защитниковъ, не находя въ себѣ мужества рѣшиться на сопротивленіе. Нерѣшительность, непониманіе значенія минуты, пагубное, ложно направленное мягкосердечіе, подсказывавшее щадить своихъ враговъ во чтобы то ни стало, не проливать крови, ослѣпленіе, обманчиво внушавшее, что противъ звѣря умѣстны кротость, благородство и умѣренность,—вотъ что въ эту роковую минуту погубило короля. „Дворецъ былъ атакованъ самыми послѣдними отбросами населенія,—говорить *Наполеонъ*—очевидецъ этого печальнаго событія,—одного залпа, сдѣланнаго во время было-бы достаточно, чтобы расцѣять эту наглуго, не дисциплинированную орду“. Въмѣсто этого, гвардейцевъ въ теченіе цѣлаго часа убѣждаютъ „быть умѣренными, не стрѣлять первыми, избѣгать пролитія крови“... Еще ни одной капли крови не пролито, еще не раздалось ни одного выстрѣла,—ждутъ приказанія короля. Но вся готовность умереть за него, всѣ лучшія чувства его вѣрныхъ слугъ остаются непонятыми; онъ даетъ убѣдить себя тѣмъ, для которыхъ, быть можетъ, все было бы потеряно, если-бы вдругъ гордая кровь Генриха IV-го заговорила въ его потомкѣ и если-бы, мужественно воспрянувъ духомъ, онъ далъ отпоръ врагамъ, посягавшимъ на его королевское достоинство. Но потерявшійся король былъ далекъ отъ сознанія своихъ королевскихъ обязанностей. Чтобы избѣгнуть пролитія крови, онъ соглашается покинуть Тюльери со своею семьею и частью гвардіи и переѣхать въ національное собраніе. Онъ оставляетъ на произволъ судьбы вѣрныхъ слугъ, оскорбленныхъ и обманутыхъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ и не знающихъ, что предпринять. Отъѣздъ короля не устранилъ кровопролитія: толпа, хлынувшая во дворецъ, была встрѣчена съ мужествомъ отчаянія; побѣда была на сторонѣ монархистовъ; но въ это время явился посланный короля съ приказаніемъ—прекратить огонь... И такъ, Людовикъ XVI заплатилъ трагическою смертію за то, что не имѣлъ мужества отстаивать своихъ правъ, за то, что, оглушенный крикливыми требованіями самозванныхъ выразителей якобы народной воли, онъ принималъ ихъ притязанія за голосъ Франціи. 10-го августа 1792 года онъ потерялъ тронъ и сво-

боду, потому что не хотѣлъ проливать крови враговъ государства; но эта кротость привела на плаху самого короля, его самоотверженныхъ слугъ и залила кровью Францію“...

Историкъ нашъ Н. М. Карамзинъ, окончивъ свое повѣствованіе о царствованіи нашего великаго князя Іоанна II Іоанновича Кроткаго, сдѣлалъ совершенно справедливое замѣчаніе, что кротость, доброта и смиреніе суть великія христіанскія добродѣтели для всякаго человѣка, какъ отдѣльнаго лица, но не для князей и народоправителей; у князей эти свойства могутъ быть источникомъ даже народныхъ бѣдствій и государственныхъ неурядицъ,—что и подтвердили такіе народоправители, какъ Людовикъ XVI во Франціи или Іоаннъ Кроткій—у насъ, въ Россіи.

Послѣднее замѣчаніе по вопросу, возбужденному въ этомъ письмѣ. Во все время французской революціи у Людовика было еще многое множество его приверженцевъ среди буржуа, духовенства, дворянъ, крестьянъ и даже рабочихъ. Затѣмъ,—то обстоятельство, что послѣ казни короля республика просуществовала только недолгое время и снова была замѣнена монархіею, также ясно говоритъ за то, что не монархическій образъ правленія былъ дѣйствительною причиною, вызвавшею первую французскую революцію; что были другія причины... Но объ этомъ я обстоятельнѣе сообщу тебѣ свое мнѣніе въ слѣдующемъ письмѣ.

Твой другъ Стр—евъ.

Сообщилъ Прот. Т. Гуткевичъ.

(Окончаніе будетъ).

Теорія боговдохновенности Библии въ александрійской школѣ.

ТЕОРІЯ ОРИГЕНА.

(Продолженіе *).

V.

Явленіе Христа на землѣ въ образѣ человѣческомъ есть центръ всего домостроительства спасенія людей. Въ томъ величественномъ зданіи богословскаго ученія, какое воздвигали знаменитые учителя александрійской катехизической школы, идея эта должна была занимать основное положеніе. У Климента идея эта, хотя и выступаетъ опредѣленно, но еще не выражена такъ ясно, какъ у Оригена. У послѣдняго, напротивъ, она буквально образуетъ сосредоточіе всей богословской системы. Соединеніе души съ Богомъ чрезъ посредство Логоса составляетъ для него содержаніе идеи искупленія ¹⁾. Такое соединеніе должно осуществляться прежде всего чрезъ познаніе сообщенныхъ по божественному вдохновенію первоисточниковъ Откровенія ²⁾. Изъ такого основоположенія съ необходимостію вытекаетъ *центральное положеніе въ оригеновой системѣ Лица Христа по отношенію къ документамъ божественнаго Откровенія*. Хотя Самъ Искушитель не оставилъ никакого письменнаго начертанія своего ученія, хотя Его общественная учи-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 6 за 1907 г.

¹⁾ Срав. Redepenning. Origenes, sein Leben und seine Lehre. Bonn. 1841. Band. II. Seit 381; о сотеорологіи Оригена см. Ch. Boyer. La redemption dans Origène. Montauban. 1886; Schulz. Die Christologie des Origenes im Zusammenhang. mit seiner Weltanschauung. Jahrb. für prot. Theologie. I. 1875.

²⁾ На этой идеѣ Оригенъ основываетъ ученіе, что праведные Вѣтхаго Завета имѣли одинаковое познаніе Христа, какъ апостолы и евангелисты (См. Comm. in Iohan. VI, I (M. XIV. 201), потому что ихъ праведность обусловливалась совершеннымъ единеніемъ Логоса съ ихъ душами въ познаніи.

тельская дѣятельность продолжалась не болѣе года ¹⁾, Онъ сдѣлался Свѣтомъ во тьмѣ, Свѣтомъ міра и народовъ ²⁾, къ Которому апостолы относятся, какъ звѣзды къ солнцу ³⁾. Учительская дѣятельность Христа даже возвышается надъ границами человѣческой природы. По Оригену, Божественный Логосъ сдѣлался человѣкомъ для людей и ангеломъ для ангеловъ ⁴⁾. Ангеламъ Онъ сообщилъ вѣчное евангеліе, подобное Іоаннову. (Апок. XIV, 6) ⁵⁾. Но особенно близкое отношеніе имѣетъ Логосъ къ Откровенію, сообщенному людямъ. Еще въ глубокой древности Онъ являлся пророкамъ и патриархамъ, въ образѣ ангела и говорилъ съ ними ⁶⁾. Явленіе же Его въ образѣ человѣческомъ въ полнотѣ время положило несокрушимую печать божественнаго вдохновенія и происхожденія на письменные первоисточники Ветхаго Завѣта ⁷⁾. Логосъ жилъ въ Моисеѣ и пророкахъ ⁸⁾. Онъ составляетъ сосредоточіе закона ⁹⁾. Какъ Логосъ называется праведностью, истиною, жизнью, такъ справедливо можетъ быть названъ закономъ ¹⁰⁾. Высшее мѣсто пророчества, сравнительно съ закономъ, есть естественное послѣдствіе тѣснѣйшаго единенія Христа съ человѣческими органами божественнаго вдохновенія. Посланный Отцомъ, Онъ просвѣщалъ пророковъ ¹¹⁾ и сдѣлался высшею

1) Hom. in Luc. XXXII. (XII. 1889).

2) См. Разсужденія Оригена во многихъ мѣстахъ его твореній.

3) Comment. in Matth. XVI, 8 (XIII. 1371).

4) Comm. in Ioh. I, 34 (XIV. 81) и I, 40 (XIV. 93). Оригенъ простиралъ искупленіе даже на созвѣздія. Это объясняется тѣмъ, что понятіе искупленія онъ раскрывалъ, въ связи съ идеей общаго возстановленія вещей въ ихъ первообычномъ состояніи (*ἀποκατάστασις πάντων*).

5) Comment. in epist. ad Roman. I, 4 (XIV. 848): Si ergo cum apparuit nobis hominibus, non sine Evangelio apparuit, consequentia videtur ostendere, quod etiam angelico ordini non sine Evangelio apparuerit, illo fortassis, quod aeternum Evangelium a Ioanne memoratum supra edocuimus. Срав. попытку оправдать ученіе Оригена у Нует. Origeniana. Lib. II. q. 3. n. 23, а также у Redepenning'a. Origenes. Bonn. 1841. Band, II. 401.

6) Comment. in Ioh. I, 84 (M. XIV. 81).

7) Do princ. IV. 6 (M. XI. 358).

8) Do princ. I, 1 (XI. 115). Comm. in Iohan. VI, 21 (XIV. 208).

9) Comm. in epist. ad Rom. VIII, 2 (XIV. 1160) Finis enim legis Christus hoc est perfectio legis, et iustitia Christus est, sed credentibus.

10) Ibidem. col. 989.

11) Comment. in Ioh. II, 1 (XIV. 108).

точкою всякого вообще пророческаго вдохновенія. Въ Немъ іудеи имѣютъ главу и вѣнецъ всякаго пророческаго учрежденія ¹⁾.

Просвѣщающее вліяніе Логоса однако возвышается надъ границами іудейства и посредствуетъ спасенію всѣхъ языческихъ народовъ ²⁾. Своимъ тѣлеснымъ явленіемъ на землѣ Онъ устранилъ покрывало, лежавшее до сихъ поръ на книгахъ закона и пророковъ, такъ какъ доказалъ ихъ совершенную истину и боговдохновенность ³⁾.

Дѣло Христа на землѣ не ограничивалось, впрочемъ, только подтвержденіемъ и разъясненіемъ изложенныхъ въ наличныхъ писаніяхъ боговдохновенныхъ истинъ. Вся Его земная жизнь, всѣ Его дѣйствія, чудеса, проповѣдь имѣютъ глубокое значеніе, такъ что ни одно слово изъ Его рѣчей не можетъ быть понимаемо въ обыкновенномъ смыслѣ ⁴⁾. Все, что Онъ дѣлалъ и чему училъ, есть только символъ того, что Онъ непрерывно совершаетъ для нашего спасенія ⁵⁾. Какъ Христосъ имѣетъ двѣ стороны чувственно-воспринимаемую и духовную, сокровенную отъ тѣлесныхъ очей, такъ и дѣла и ученіе Его имѣютъ не только простое, какъ бы на поверхности находящееся значеніе, легко понятное даже для необразованныхъ, но заключаютъ въ себѣ глубокой, часто многоразличный смыслъ, высшія истины, вѣчныя идеи, облеченныя обыкновенно въ притчи и образы, доступныя только для совершенныхъ.

Для продолженія своего дѣла искупленія и въ качествѣ носителей своего ученія Господь послѣ вознесенія на небо оставилъ апостоловъ. Они должны были служить органами Его Откровенія ⁶⁾. Черезъ нихъ совершалъ Онъ свои духовныя отправленія въ тѣлѣ Церкви ⁷⁾. То, что они излагали письменно, они почерпали изъ евангельскаго ученія св. Церкви ⁸⁾.

¹⁾ Comment. in Matth. 10, 22 (XIII. 896).

²⁾ In Ierem. hom, 1, 11 (XIII. 268).

³⁾ Comm. in Ioh. 1, 8 (XIV. 86).

⁴⁾ Ibidem 20, 29 (M. XIV. 657).

⁵⁾ Comment. in Matth. 11, 17 (M. XIII. 960).

⁶⁾ De princ. Lib. I, 1 (XI. 115).

⁷⁾ Ibidem 2, 8 (col. 225).

⁸⁾ Comment. in Ioh. I, 11 (XIV 41).

Изъ такого ученія о центральномъ положеніи Лица Искупителя въ исторіи Божественнаго Откровенія вообще и отношенія Его къ апостоламъ въ особенности, вытекаетъ высокое сужденіе Оригена о боговдохновенности евангелій и прочихъ апостольскихъ писаній.

Весьма многообразенъ—смыслъ, который Оригенъ соединяетъ съ выраженіемъ: „*евангеліе*“¹⁾. Къ общему понятію о евангеліи, какъ словѣ, приносящемъ благу ю вѣсть²⁾, Оригенъ присоединяетъ и другія опредѣленія, которыя весьма близко примыкаютъ къ первоначальному буквальному значенію. Такъ онъ называетъ евангеліемъ радостную вѣсть о спасительномъ пришествіи Перворожденнаго всей твари, т. е. Иисуса Христа³⁾. Съ такимъ опредѣленіемъ онъ, очевидно, связываетъ идею о евангеліи, какъ давно желанномъ освобожденіи отъ ига моисеева закона. Ветхозавѣтныя писанія, хотя имѣютъ своимъ предметомъ пришествіе Христа, но возвѣщаютъ его прикровенно, и только послѣ того, какъ явившійся Мессія снялъ это покрывало, онѣ получили истинный характеръ благовѣстія⁴⁾. Такъ какъ, чрезъ явленіе Мессіи, Ветхій Завѣтъ былъ замѣненъ евангеліемъ, то это послѣднее наименованіе прежде всего приличествуетъ тѣмъ книгамъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ жизнь Иисуса. Но, вслѣдствіе своего сокровеннаго евангельскаго содержанія, даже и Ветхій Завѣтъ, завершителемъ котораго былъ Іоаннъ Креститель, можетъ быть названъ началомъ евангелія. Это доказываетъ примѣръ Филиппа, который благовѣстіе евангелія внуху началъ именно съ пророка Исаи (Дѣян. VIII, 32, 33). Наконецъ, въ широкомъ смыслѣ евангеліемъ можно назвать всякое вообще доброе ученіе, такъ какъ все благое возвращается ко Христу, Первоисточнику всякаго блага⁵⁾.

Въ подобномъ же отношеніи стоитъ евангеліе къ прочимъ новозавѣтнымъ писаніямъ. Они суть какъ бы дополненіе евангелія въ собственномъ смыслѣ. Вслѣдствіе своего прямого отношенія къ Лицу Христа⁶⁾, они имѣютъ преимущественное

1) Срав. начало комментарія на Іох. 1 (XIV. 1).

2) Comm. in Іох. 1, 7 (XIV. 81).

3) Ibidem.

4) Comm. in Іох. (XIV. 33).

5) Ibidem. (XIV 33).

6) Ibidem (XIV. 32).

предѣ ветхозавѣтными книгами право на наименованіе: „евангеліе“. Такъ посланія ап. Павла содержатъ въ себѣ евангеліе, потому что онъ проповѣдывалъ Христа и затѣмъ письменно изложилъ то, что проповѣдывалъ. Точно также понятіе: „евангеліе“ обнимаетъ собою посланія ап. Петра, посланія другихъ апостоловъ ¹⁾ и вообще все то, что имѣетъ отношеніе къ пришествію Христа, къ осуществленію Имъ идеи искупленія ²⁾. Всѣ боговдохновенныя книги св. Писанія, по мѣрѣ болѣе или менѣе прямого отношенія ко Христу, подходятъ отчасти подъ понятіе: „евангеліе“. Тѣ же четыре книги, которыя собственно носятъ это имя, образуютъ какъ бы центральную точку, въ которой гармонически сосредоточиваются Вѣтхій и Новый Заѣтъ. Онѣ, поэтому, справедливо могутъ быть названы „первенцемъ“ всего св. Писанія ³⁾. Однако и между четырьмя евангеліями есть различіе по степени ихъ внутренняго отношенія къ Лицу Искупителя. Какъ четыре евангелія суть первенцы всего св. Писанія, такъ евангеліе отъ Іоанна занимаетъ первое мѣсто среди нихъ, потому что наиболѣе ясно свидѣтельствуемъ о божествѣ Христа ⁴⁾. Евангеліе отъ Іоанна образуетъ какъ бы солнце, между тѣмъ, какъ всѣ другія книги содержатъ въ себѣ свѣтъ Божественнаго Откровенія, подобный блеску звѣздъ. Такое значеніе четвертаго евангелія основывается на томъ, что непосредственнымъ предметомъ его содержанія является самъ Христосъ, Цѣль и Сосредоточіе всей откровенной дѣятельности Бога ⁵⁾. Ко Христу, конечно, можетъ быть отнесено и іоанново наименованіе: „вѣчное евангеліе“ (Апок. XIV, 6) ⁶⁾. Боговдохновенныя пророчества, со-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Comment. in Ioh. I, 4 (XIV. 25). Оригенъ обращаетъ здѣсь вниманіе на различіе понятій: *προτογεννητα* и *ἀπαρχή*. Первое обозначало небольшую часть дѣланныхъ плодовъ (=завѣшное; „*Vikcūm*“; срав. Исх. XXIII. 16; Лев. II), которые приносились въ жертву на праздникъ жатвы; второе — значительную часть ($\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{100}$) плодовъ земли, которые, по окончаніи жатвы, должны были приноситься священниками (Исх. XXIII, 16; Лев. XXIII, 29; Числ. XVIII, 13; Второз. XVIII, 4; XXVI, 2—это еврейско „*Thegumoth*“). Съ „*προτογεννητα*“ сравниваетъ Оригенъ моисеевъ законъ въ его несовершенномъ состояніи; *ἀπαρχαί*, напротивъ, изображаютъ евангеліе, какъ лучшую и совершеннѣйшую часть св. Писанія.

⁴⁾ Апоказ. I, 8; XXII. 18.

⁵⁾ Comment. in Ioh. I, 14 (XIV. 45).

⁶⁾ Comm. in epist. ad Roman. I. (XIV. 861).

держащіяся въ Ветхомъ Завѣтѣ о Лицѣ Христа, имѣютъ значеніе и для евангелія ¹⁾). При подобныхъ основныхъ взглядахъ нисколько не удивительно глубокое благоговѣніе Оригена предъ четырьмя евангеліями. Онъ видитъ въ нихъ воплощенную силу Божію ко спасенію людей и приписываетъ имъ дѣлительную силу не только для души, но и для тѣла ²⁾).

Хотя, въ сравненіи съ книгами ветхозавѣтными, евангелія и представляютъ значительный шагъ впередъ въ домостроительствѣ спасенія, однако они не образуютъ еще окончательнаго зенита Божественнаго Откровенія ³⁾). Подобно другимъ боговдохновеннымъ писаніямъ, евангелія имѣютъ не мало темныхъ мѣстъ по буквальному смыслу ⁴⁾ и даже видимыхъ невѣроятностей ⁵⁾). Эти несовершенства выступаютъ обыкновенно при чтеніи евангелій, соединенномъ съ духовнымъ разумѣніемъ, такъ какъ простая буква не исчерпываетъ таинственнаго, сокровеннаго смысла ⁶⁾). Конечно, даже буква представляетъ нѣчто относительно высшее именно для тѣхъ, которые находятся на низшей ступени духовной жизни, на ступени чисто матеріальнаго пониманія христіанства. Но всѣ тѣ, которые, при помощи дара божественнаго Духа, достигли высшей ступени совершенства (= *χριστιανισμὸς πνευματικὸς*), должны перейти границы буквы, чтобы усвоить соотвѣтствующій ихъ духовному состоянію высшій смыслъ евангелій. Для такихъ высоко облагодатствованныхъ лицъ четыре евангелія не могутъ имѣть значенія, какъ абсолютно совершенное Откровеніе. Какъ по отношенію къ ветхозавѣтному вакопу евангелія представляютъ высшее развитіе Откровенія; такъ въ свою очередь возможно и дальнѣйшее развитіе его чрезъ познаніе истинъ, соотвѣтствующихъ высшему духовному состоянію будущаго вѣка ⁷⁾). Сообщеніе высшихъ ступеней религіознаго познанія составляетъ задачу вѣчнаго евангелія, которое, кромѣ историческихъ

¹⁾ Ibidem I, 4 (XIV. 848).

²⁾ Contra Celsum. 3, 24 (XI. 661. 948).

³⁾ In Numer. hom. IX. 4. (XII. 629).

⁴⁾ Ibidem 27, 1. (XII. 381).

⁵⁾ Comm. in Matth. ser. 77 (XIII. 1723).

⁶⁾ Contra Celsum II, 89 (M. XI. 904).

⁷⁾ Comm. in Ioh. 1, 9 (XIV. 38).

событій, изъ жизни Иисуса, открываетъ избраннымъ вышешірныя тайны. Это вѣчное евангеліе заключаетъ въ себѣ полное развитіе изложеннаго въ писанныхъ евангеліяхъ Божественнаго Откровенія, несовершенства котораго обусловливаются ограниченнымъ содержаніемъ понятій человѣческой рѣчи и чувственнымъ характеромъ познанія человѣческаго разума. Возвысится отъ буквальнаго къ высшему духовному разумѣнію, отдѣлитъ общепонятное (= αἰσθητόν) евангеліе отъ духовнаго (πνευματικό) — вотъ обязанность христіанина, стремящагося къ совершенству! ¹⁾.

Такое высшее развитіе откровенныхъ истинъ Логоса въ вѣчномъ евангеліи вполне соотвѣтствуетъ обѣтованію, что оно должно распространиться по всему міру, подъ которымъ нужно понимать не только эту землю, но и весь кругъ неба и земли ²⁾. Величественную картину набрасываетъ Оригенъ въ заключеніи своего общаго изслѣдованія о евангеліи въ немногихъ словахъ. Евангеліе для него есть совокупность всѣхъ принесенныхъ во Иисусѣ Христѣ для спасенія человѣчества благъ, усвоенію и распространенію которыхъ служатъ всѣ силы на небѣ и землѣ ³⁾.

Въ этомъ высшемъ и всеобщемъ развитіи богооткровенныхъ истинъ, въ этомъ вѣчномъ евангеліи Божественное Откровеніе достигаетъ своего высшаго пункта. Здѣсь совершается искупленіе падшаго чрезъ первородный грѣхъ творенія, чрезъ таинственное, внутреннее соединеніе его со Христомъ, Посредникомъ между оскорбленнымъ божественнымъ величіемъ и погибающимъ созданіемъ. Надъ колыбелью человѣчества возвышается, восходитъ утренняя звѣзда естественнаго, хотя и происшедшаго отъ Бога, духовнаго познанія посредствомъ натурального закона, не спасающаго и не искушающаго, а только подготовляющаго къ искупленію. Затѣмъ появляется самое жизнедательное Солнце — Христось. Сначала затемненное и прикровенное утренними облаками законодательныхъ формъ Моисея, Оно постепенно, чрезъ рядъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, дѣлается все свѣтлѣе и ярче. Яркое блещитъ Оно въ

¹⁾ Ibidem (XIV 37).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Comm. in. Ioh. I, 15 (XIV. 49).

евангеліяхъ ¹⁾, пока не достигнетъ своего зенита въ совершенномъ соединеніи искупленнаго творенія съ прославленнымъ Христомъ ²⁾. Боговдохновенное Писаніе есть какъ бы воплощеніе всей искупительной дѣятельности Христа. Но оно не можетъ быть разсматриваемо какъ только письменное изложенное, мертвое слово. Напротивъ, это вѣчно свѣжій, жизненный организмъ, содержащій въ себѣ жизнь и производящій жизнь одинаково для всѣхъ, но различно для cadaго по индивидуальнымъ потребностямъ. Посредствомъ образовъ и притчѣй Св. Писаніе принаровляетъ къ силѣ пониманія простаго народа, успѣвающихъ возбуждаетъ къ духовному познанію, а чрезъ несовершенства по буквѣ склоняетъ вѣрующія души къ сокровеннымъ тайнамъ. Чѣмъ совершеннѣе струны челоуѣческаго сердца, тѣмъ яснѣе онѣ отображаютъ въ себѣ божественную гармонию боговдохновенныхъ книгъ. Эти книги суть слово Божіе, произведенное жизнедательнымъ дыханіемъ Духа Божественнаго.

VI.

Богъ есть Авторъ св. Писанія, но не непосредственно, а чрезъ посредство боговдохновенныхъ людей. Эта мысль имѣетъ основное значеніе въ ученіи Оригена о божественномъ происхожденіи св. книгъ. Отсюда возникаетъ вопросъ о томъ, какъ понималъ великій александріецъ взаимное отношеніе этихъ двухъ факторовъ?

1) Оригенъ не указываетъ особаго мѣста для посланій апостоловъ, потому что разсматриваетъ ихъ, какъ дополненія и комментарія къ евангелію и объединяетъ ихъ подъ общимъ понятіемъ: „евангеліе“.

2) Ученіе Оригена о четырехъ ступеняхъ божественнаго Откровенія въ челоуѣчествѣ изложено у Ch. Bigg'a, The christian Platonist of Alexandria Oxford. 1886. pag. 207. Классическое мѣсто этого ученія находится въ Comment. in epist. ad Roman. V. 1: Regnavit ergo mors ab Adam usque ad Moysen, id est, usque ad legem. Per legem enim purificatio peccatorum coepit operari et ex parte aliqua tyrannidi ejus obsisti, per hostias, per expiationes varias, per sacrificia, per praecepta. Sed quoniam tanta ejus erat dominatio, quae vires legis excederet, mittuntur in auxilium legis prophetae, sed et ipsi pervidentes supra vires suas esse tyranni potentiam, adventum praesentiamque ipsium regis exorant... adfuit ergo Jesus Christus filius Dei.

Такъ какъ современныя потребности жизни и науки не давали побужденій Оригену, къ подробному изслѣдованію этого труднѣйшаго вопроса, то для опредѣленія его взглядовъ остается избрать *путь предположительныхъ заключеній* изъ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе разрозненныхъ изреченій и сужденій. Прежде всего нужно отвѣтить на двойной вопросъ: а) *какому изъ трехъ Лицъ св. Троицы Оригенъ особенно усвоитъ актъ боговдохновенности?* б) *какихъ людей онъ изображаетъ, какъ посредниковъ и носителей божественнаго вдохновенія?*

Въ виду того, что по ученію Оригена понятія: „боговдохновенность“ и „Откровеніе“ стоятъ между собою въ самой неразрывной внутренней связи, для разрѣшенія перваго вопроса необходимо предварительный анализъ его идей о домостроительствѣ спасенія людей.

Божественное Откровеніе, по Оригену, есть сообщеніе доселѣ неизвѣстныхъ истинъ конечному человѣческому духу ¹⁾. А такъ какъ каждая отдѣльная истина, по нему, означаетъ свѣтовой лучъ единой божественной Истины, то и каждое сообщеніе познанія о ней предполагаетъ соединеніе Бога съ существами сотворенными ²⁾, будетъ ли это натуральное познаніе чрезъ свѣтъ разума или же сверхъестественное чрезъ особые органы Божественнаго Откровенія. Но при недостижимомъ превосходствѣ божественнаго Существа, съ одной стороны, и низменности сотвореннаго духа—съ другой, такое соединеніе кажется невозможнымъ. Уничтожить эту пропасть между Божественнымъ Откровеніемъ и ограниченнымъ человѣческимъ познаніемъ было цѣлью Сына Божія, Божественнаго Логоса. Какъ между Богомъ и міромъ Божественный Логосъ является въ роли связующаго звена, такъ къ области Его дѣятельности относится сообщеніе божественныхъ истинъ сотвореннымъ духамъ, тѣснѣйшее и полное жизни соединеніе Бога съ Его тварями ³⁾. *Явленіе Логоса во плоти было со-*

¹⁾ Comment. in epist. ad Roman. 1, 16 (XIV. 862). Quae revelantur de obscuris et absconditis, ad notitiam proferuntur.

²⁾ Ibidem. Ea, quidem, quae ad sapientes saeculi de veritatis scientia pervenerunt.

³⁾ Дѣятельность Логоса изображена въ Comment. in Iohan. 1, 7 (XIV. 133), особенно же въ Contra Celsum. VI, 60 (XI. 1389) и III, 35 (col. 964).

вершиннѣйшимъ самооткровеніемъ Божества, отблескомъ божескаго Существа. Именно Логосъ содѣлалъ доступнымъ познаніе Отца конечнымъ духамъ, такъ что все, что мы знаемъ объ Отцѣ, мы знаемъ только чрезъ откровеніе Сына ¹⁾. Такъ какъ познаніе божескаго существа невозможно иначе, какъ чрезъ Сына и Святаго Духа ²⁾, то мы только чрезъ Логоса можемъ быть приведены къ глубочайшимъ тайнамъ Существа Божія ³⁾. Въ Немъ, только въ Немъ, мы видимъ Отца: „Таковъ“, говоритъ Оригенъ, „смыслъ словъ“: „во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ“ (Псал. XXXV. 10): въ Логосѣ и Премудрости Твоей, Которая есть Сынъ Твой, въ Тебѣ Самомъ увидимъ Отца“ ⁴⁾. Онъ есть какъ бы зеркало, въ которомъ преломляются лучи божественнаго величія, благодаря чему вѣрующія души получаютъ разумѣніе жизни и дѣла Божества ⁵⁾. Однако даже такое Откровеніе слишкомъ возвышенно, чтобы быть непосредственно воспринятымъ всѣми жаждущими истины душами ⁶⁾. Только самымъ высшимъ существамъ духовнаго міра и многимъ богопросвѣщеннымъ человѣческимъ душамъ возможно въ этомъ ясномъ зеркалѣ божественнаго величія созерцать существо Бога. Духовныя же очи обыкновенныхъ людей слишкомъ слабы, чтобы вынести даже эти отображающіеся въ Логосѣ лучи Солнца Божественной истины. Поэтому необходимъ еще другой Посредникъ, Который бы могъ низвести свѣтъ Божественнаго Откровенія до низшихъ слоевъ призываемыхъ къ истинѣ: Это и есть дѣло третьяго Лица св. Троицы, Духа Святаго ⁷⁾, Онъ и есть носитель всей спасительной, откровенной дѣятельности Бога, по отношенію къ роду человѣческому ⁸⁾. Какъ Сынъ, такъ и Духъ Святой имѣетъ совершеннѣйшее познаніе Отца и Логоса, которое и сообщаетъ человечеству, по мѣрѣ индивидуальныхъ потребностей каждаго.

Изъ такого отношенія трехъ божескихъ Лицъ въ дострои-

¹⁾ См. объ этомъ въ первой главѣ „De principiis, 2 (X. XI. 147).“

²⁾ Comment. in Ioh. II, 23 (XIV. 161); XIX, 1 (536).

³⁾ Ibidem. (col. 536)

⁶⁾ Ibidem. XIII. 8 (col. 419).

⁴⁾ De princ. I, 1 (XI. 121).

⁷⁾ De oratione I (XI. 416).

⁸⁾ Comm. in Ioh. XIII, 26, (XIV. 444). ⁵⁾ Comm. in Ioh. II, 6 (XIV. 129).

тельствѣ Божественнаго Откровенія ¹⁾ получаютъ освѣщеніе всѣ тѣ мѣста въ твореніяхъ Оригена, гдѣ онъ изображаетъ отношеніе Бога къ св. Писанію, къ человѣческимъ органамъ божественнаго Откровенія и вдохновенія.

Богъ—Отецъ есть Первоисточникъ всякой истины и, какъ таковой, справедливо можетъ быть названъ Авторомъ св. Писанія. Онъ есть Богъ Ветхаго и Новаго Завѣта ²⁾. Божественный Логосъ есть премудрость Божія, чистое и свѣтлое изліяніе славы Бога ³⁾. А такъ какъ никакое сообщеніе истины не можетъ быть безъ посредства Логоса, то справедливо Онъ называется Первовиновникомъ, сосредоточіемъ и дѣлю всякаго сообщеннаго чрезъ св. Писаніе познанія. Но искупительный и освящающій характеръ Божественнаго Откровенія усвоется людьми только съ помощію Духа Святаго, чрезъ св. Писаніе. Поэтому-то св. книги называются „написанными Духомъ Святымъ“, „вдохновенными Имъ“, „словами“, „изреченіями“, „писаніями Духа Святаго“ ⁴⁾.

Существо взаимнаго отношенія трехъ Божескихъ Лицъ въ актѣ боговдохновеннаго происхожденія св. Писанія Оригенъ выражаетъ въ такой формѣ: „Св. книги не суть человѣческія сочиненія, но вдохновлены Духомъ Святымъ, по волю Отца вселеннаго, чрезъ Іисуса Христа, написаны и переданы намъ“ ⁵⁾.

Въ виду этого, нисколько не странно, что въ твореніяхъ Оригена иногда представляются говорящими чрезъ св. писанія Логосъ или Богъ-Отецъ. Это дѣлаетъ не только Оригенъ, но и другіе отцы Церкви, которые даже не находятъ нужды объяснять такой образъ выраженія. Дѣйствительно, въ основѣ

¹⁾ Болѣе подробно см. Rigg. The christian Platonist of Alexandria. Oxford. 1886. 168—175; Redepenning. Origenes, sein Leben und seine Lehre. Bonn. 1841. Band I. Seit 255. Въ хожномъ освѣщеніи представлено ученіе Оригена въ „Geschichte, der Lehre vom heiligen Geiste“. Noesgen. Guterloch. 1899. 27—84, равно какъ у Kanis'a въ „Lehre vom heiligen Geist. 1847. 341.

²⁾ De princ. II, 4 (XI. 198); срав. I, 1 (XI. 118)

³⁾ Ibidem. II, 10 (XI. 141).

⁴⁾ „Мы, по вѣрѣ въ наше ученіе, которое считаемъ боговдохновеннымъ, убѣждены, что возвышеннѣйшее и божественное ученіе о Сынѣ Божіемъ можно изложить и ввести въ сознаніе людей не иначе, какъ только посредствомъ Писанія, вдохновеннаго Святымъ Духомъ“ (De princ. III, 1. Migne. XI. 146).

⁵⁾ De princ. IV. 9 (XI. 360).

его лежитъ, несомнѣнно, идея взаимнаго участія въ откровенной дѣятельности всѣхъ трехъ Лицъ св. Троицы. Съ своей стороны, Оригенъ дѣлаетъ касательно этого разъясненіе такого рода. Какъ въ св. книгахъ часто представляются говорящими отдѣльныя лица, хотя они только передаютъ слова Св. Духа, такъ нерѣдко Онъ дѣлаетъ своими истолкователями Отца или Логоса ¹⁾. Такимъ образомъ, по представленію Оригена, основанному на его ученіи о св. Троицѣ, *все св. Писаніе есть произведеніе свойственной третьему божескому Лицу боговдохновенной дѣятельности.*

Св. Духъ, слѣдовательно, есть Посредникъ ипостасированной въ Логосѣ Премудрости Отца для человѣчества. Св. Духъ избираетъ между людьми для Себя орудія, чрезъ которыя дѣлаетъ доступными для ищущихъ спасенія душъ божественныя откровенія чрезъ живое или письменио изложенное слово. Какіе же люди избираются для непосредственнаго воспринятія божественныхъ откровеній, чтобы сообщать ихъ другимъ? Какіе *духовныя свойства* тѣхъ немногихъ избранныхъ лицъ, которыя чрезъ особую благодать избранія поставляются Духомъ Святымъ, какъ учителя другихъ?..

Люди боговдохновенные принадлежатъ къ числу святыхъ и избранныхъ, такъ какъ сфера дѣятельности Духа Божія не выходитъ изъ границъ царства благодати. „Участіе въ Богѣ“, говоритъ Оригенъ, „должно считать не общимъ, но принадлежащимъ только святымъ“: „Отъ каждаго недостойнаго Духъ Святой отнимается“. „Во Святомъ Духѣ имѣютъ участіе только святые“ ²⁾. Взглядъ великаго учителя Церкви на освященіе избранныхъ чрезъ возможно совершенное познаніе боговдохновенныхъ истинъ приводитъ къ малому различію между благодатнымъ даромъ боговдохновенности и внутреннимъ просвѣщеніемъ всѣхъ вообще благочестивыхъ людей. Однако совершенно ложно мнѣніе Гарнака, будто въ ученіи Оригена отождествляются благодать боговдохновенности и благодать просвѣщенія ³⁾. Это мнѣніе опровергается уже тѣмъ, что

¹⁾ Fragm. ex hom. 4 in Act. Ap. ex Philocal. cap. VII. (XIV. 832). Срав. Comm. in Ioh., 2, 6 (XIV., 129). In Lucam. hom. III. (XIII 1808); in Num., VI, 3 (XII 608).

²⁾ De princ. I 6. 7 (M., XI. 152. 158).

³⁾ Harnack. Lehrbuch der Dogmengeschichte 1894. I, 3. Seit 618.

александриецъ не приписываетъ боговдохновенности внѣканоническимъ книгамъ, хотя перѣдко восхваляетъ личную святость составителей ихъ. Конечно, многіе богословы склонны видѣть въ боговдохновенности только высшую ступень божественнаго просвѣщенія, сообщаемого всѣмъ благочестивымъ людямъ ¹⁾. Повидимому, взглядъ этотъ можетъ найти для себя подтвержденіе и въ твореніяхъ Оригена, но это только при поверхностномъ ихъ чтеніи. Дѣйствительно, Оригенъ обыкновенно представляетъ вселеніе Духа Святаго во пророковъ, какъ возвышеніе силы духовнаго созерцанія ихъ ²⁾. Онъ признается, что весьма трудно указать различіе между вдохновеніемъ Духа Божія и состояніемъ обыкновеннаго, благодатнаго просвѣщенія ³⁾. Однако въ многочисленныхъ и притомъ весьма ясныхъ мѣстахъ онъ рѣшительно отличаетъ даръ собственно писательской боговдохновенности отъ дѣйствія благодати на благочестивую душу. Такъ, объясняя, напр., существенное содержаніе проповѣди Крестителя (срав. Иоан. I, 15, 16), Оригенъ указываетъ безконечное превосходство Христа надъ Предтечею въ томъ, что какъ Іоаннъ, такъ и прочіе ветхозавѣтные пророки „отъ полноты Его“ восприняли „особенный даръ пророчества“ ⁴⁾. Іоаннъ Предтеча былъ послѣднимъ носителемъ благодати пророческаго вдохновенія въ Ветхомъ Завѣтѣ ⁵⁾, такъ что съ его смертію оно въ іудейскомъ народѣ прекратилось. Впрочемъ, чрезъ Христа благодать пророчества въ гораздо большей мѣрѣ, излилась на языческіе народы ⁶⁾. Если первосвященникъ Каиафа предсказалъ смерть Иисуса Христа для искушенія народа, то онъ такъ же мало можетъ быть названъ пророкомъ, какъ и Валаамъ, потому что ихъ предска-

¹⁾ Cypri. „Redspenning.“ Origenes: Rom. 1841. Band I. 258; Dausch. Die Schriftinspiration. Eine biblisch-geschichtliche Studie. Freiburg. 1891. Seit 61; Leitner, Die prophetische Inspiration. Biblische Studien. 1896. Seit 148.

²⁾ Contra Celum. VII. 2 (XI. 1424)

³⁾ Ibidem. VII, 30 (XI. 1464).

⁴⁾ Comm. in Iohan. VI, 8 (XIV. 209).

⁵⁾ Comment. in Ioh. X, 21 (XIII. 890).

⁶⁾ Ibidem. X, 21 (XIII. 896). Оригенъ говоритъ здѣсь о сообщавшемся часто въ апостольскій вѣкъ даръ пророчества, воспоминаніе о которомъ еще было сѣмъ въ его время. СРАВ. ДѢЯН. XI, 27; 1 Кор. XII, 28, 29; XIV, 29, 32, 37; Ефес. III, 5; VI, 11; Апокал. XVIII, 20.

занія, не вытекали изъ постоянной пророческой обязанности. Однако изреченіе Каіафы было пророческимъ, откуда очевидно, что даже отверженная (*μαυθηρα*), грѣшная душа въ исключительныхъ случаяхъ можетъ имѣть даръ пророчества (το προφητεῖν) ¹⁾. Чтобы спасти свой принципъ исключительной дѣятельности Святаго Духа въ душахъ праведныхъ людей, Оригенъ употребляетъ всю силу своего остроумія противъ мнѣнія, будто Каіафа изрекъ свое пророчество по вдохновенію Святаго Духа, хотя, съ другой стороны, онъ не могъ приписать его внушенію діавола ²⁾. Изъ такихъ взглядовъ Оригена очевидно, что онъ далеко не былъ склоненъ отождествлять даръ пророческаго вдохновенія съ обыкновеннымъ просвѣщеніемъ благочестивыхъ душъ. Первое отлично отъ второго не по степени, но по существенному свойству. Чтобы содѣлаться достойнымъ вдохновенія, нужно не только быть свободнымъ отъ обыкновенныхъ грѣховныхъ слабостей, но, сверхъ благодушнаго состоянія, имѣть опредѣленные личныя расположенія къ воспринятію вліянія Духа Божія. Сюда принадлежитъ прежде всего величайшая святость духовной настроенности ³⁾, которая отличаетъ боговдохновенныхъ пророковъ и производитъ благотѣльное вліяніе даже на тѣло ⁴⁾. Особеннымъ свойствомъ людей боговдохновенныхъ была мудрость (*σοφία*), которая выражалась въ неизмѣнномъ, свободномъ отъ всякаго страха твердомъ характерѣ и въ сравненіи съ которой совершенства Антисеена, Кратеса и Діогена представляются игрой ⁵⁾. Примѣрами такой высшей мудрости въ жизни служатъ Моисей, Исаія, Іеремія, Даніилъ и патриархи Ветхаго Завѣта. Только одаренные такою боговдохновенною мудростью были способны къ сообщенію божественнаго откровенія низшимъ въ духовномъ отношеніи классамъ людей ⁶⁾. Сообщение этой премудрости въ отдѣльныхъ случаяхъ было различно. Одни обладали ею прежде, чѣмъ вступили на дѣло проповѣди,

¹⁾ Comm. in Ioh. XXXVIII, 12 (XIV. 705)

²⁾ Ibidem. 15 (col. 714).

³⁾ Contra Celsum. IV. 7. (XI. 1037).

⁴⁾ Ibidem. VII. 8 (M. XI. 1424).

⁵⁾ Contra Celsum. VII, 17 (M. XI. 1432).

⁶⁾ Ibidem. III, 8 (XI. 924).

какъ напр. Іоаннъ Предтеча, освященный еще во чревѣ матери, другіе восприняли ее вмѣстѣ съ даромъ пророческаго вдохновенія ¹⁾. На этой мудрости, которая составляетъ необходимое условіе и существенную часть пророческаго дара, основывается и непосредственное дѣйствіе Духа Святаго на св. писателей чрезъ вдохновеніе.

Въ какой формѣ представляетъ Оригенъ вдохновеніе св. писателей Духомъ Божіимъ? Слѣдуя образу выраженія самихъ св. писателей ²⁾, онъ называетъ дѣйствіе Духа Святаго „состояніемъ духовной полноты“, „обитаніемъ Духа Божія въ людяхъ“ ³⁾. Исполненные Имъ, Моисей и прочіе пророки совершили всѣ свои дѣла ⁴⁾. Духъ Божій наполнялъ чистыя души пророковъ (*πληρώσας τὰς τῶν προφητῶν καρὰς ψυχὰς*) ⁵⁾. Преимущество истинныхъ предъ ложными евангелистами состоитъ въ томъ, что послѣдніе писали безъ божественной благодати, а первые были „исполнены Духа Святаго“ ⁶⁾. Это исполненіе св. писателей Духомъ Божіимъ, которое, впрочемъ, не всегда одинаково представляется Оригеномъ ⁷⁾, означаетъ у него столь тѣсное единеніе Духа съ пророками, что они составляютъ какъ бы Его собственность, и потому справедливо можно говорить объ одномъ Духѣ Іліи и Исаи ⁸⁾. Даже не только полноту благодати производитъ Духъ Святыи въ этихъ душахъ, но и полноту самого божественнаго слова. Такъ было прежде всего во Христѣ, самомъ высшемъ изъ пророковъ ⁹⁾. Въ этихъ носителяхъ полноты божественнаго Духа буквально исполняется слово св. Писанія, что они суть боги ¹⁰⁾.

Эта полнота Духа Божія есть исходная точка отправленія и основаніе всѣхъ дѣйствій Духа Божія въ людяхъ боговдохновенныхъ. Въ особенной дѣятельности вдохновенія при написаніи св. книгъ вліяніе божественной благодати достигаетъ

¹⁾ Ibidem. VII. 7 (XI. 1432).

²⁾ Срав. Дѣян. II, 4; IV, 31. 32; Числѣ, XI, 25; 26. Исаія, 59; 21; 61. 1; Мвх. III, 8; Іез. II, 2 и др.

³⁾ Срав. отгачіе пророковъ отъ авгуровъ (Com. in Iob. 28, 12. Migne. XVI. 708).

⁴⁾ De princ. I, 1 (XI. 116).

⁷⁾ Prol. in Cant. Cantic. (XIII. 82).

⁵⁾ Contra Cels. III, 8 (M. XI. 929).

⁸⁾ Com. in Ioh. 6, 7 (XIV. 260).

⁶⁾ In Luc. hom. I. (XIII. 1803).

⁹⁾ De princ. II, 6 (XI. 214).

¹⁰⁾ Comment. in epist. ad Rom. II, 14 (XVI. 920).

своего рѣшительнаго выраженія. Многоразличны—тѣ выраженія, которыя употребляетъ Оригенъ для обозначенія божественнаго вліянія на человѣческихъ составителей. Онъ усволяетъ Духу Святому побужденіе къ письменному изложенію божественнаго Откровенія ¹⁾. Св. писанія онъ обозначаетъ какъ „слова Св. Духа“ (λόγια τοῦ Θεοῦ τοῦ Πνεύματος ἁγίου) ²⁾, какъ слова Бога, Который говоритъ чрезъ уста св. писателей ³⁾. Весьма нерѣдко Самъ Богъ, вмѣсто человѣка—писателя, представляется какъ Авторъ св. книгъ, непосредственнымъ образомъ ⁴⁾. Иногда св. писатель формально трактуется какъ орудіе Св. Духа, Который по своему благоизволенію пользуется имъ для своихъ цѣлей ⁵⁾.

Хотя такая рѣчь Оригена можетъ напоминать *мантическое понятіе о боговдохновенности*, предложенное въ теоріяхъ Филона и Юсифа Флавія ⁶⁾, однако въ существѣ здѣсь содержится большое различіе. Въ теоріи Оригена мы замѣчаемъ несомнѣнные слѣды борьбы противъ еретическихъ мнѣній о боговдохновенности монтанистовъ. Главный элементъ монтанистическаго понятія о вдохновеніи образуетъ безсознательный экстазъ (ἔκστασις), который чрезъ многочисленныя ступени развитія доходитъ до полного умоизступленія, неистовства (μανία). Въ такомъ состояніи пророкъ воспринимаетъ божественное Откровеніе ⁷⁾. Противъ такихъ неправильныхъ представлений уже риторъ Мильтіадъ написалъ свой полемическій трактатъ: „Περὶ τοῦ μὴ δεῖν προφήτην ἐν ἐκστάσει λαλεῖν. Оспаривая еретическое ученіе монтанистовъ, Оригенъ утверждаетъ совершенную свободу вдохновляемыхъ Духомъ Святымъ органовъ и отгнѣняетъ сохраненіе самосознанія въ моменты бого-

¹⁾ De princ. IV. 27 (M. XI. 402) Spiritus, qui scripturas scribi inspiravit.

²⁾ Ibidem. IV, 25 (XI. 899): Verba san. Spiritus.

³⁾ Ibidem. IV, 22 (889): Εἰ Παύλου ὡς Θεοῦ ἀκούομεν.

⁴⁾ Срав. De princ. IV, 16 (XI. 376): Τὸ Πνεῦμα οὕτως φρονόμησεν и сар. 28: οὕστινας τὸ Πνεῦμα διὰ τοῦ 'Ησαΐου σκατεινοῦς... καλεῖ. Prolog. in Cant. cant. (XIII. 82): placuit Spiritui sancto afferre de medio и т. д.

⁵⁾ Contra Celsum. II, 9 (XI. 809). Ср. in Gen. hom. II, 5 (XII. 171).

⁶⁾ Срав. объ этихъ теоріяхъ монографію Delitzsch'a. De inspiratione scripturae sacrae quid statuerint patres apostolici et apologetae secundi saeculi, Leipzig. 1872. Seit 10; Gfrörer'a. Philo und die judisch-alexandrinische Theosophie. Stuttgart. 1839.

⁷⁾ Срав. Zeitner. Die prophet. Inspiration. 1896. 116—132.

вдохновенности ¹⁾. У вдохновляемыхъ Богомъ пророковъ нѣтъ и не можетъ быть какого-либо безсознательнаго экстаза. Они сохраняютъ полную свободу сообщать вдохновляемыя истины или умалчивать о нихъ ²⁾.

Противъ Цельса Оригенъ выставляетъ различіе между экстазомъ языческихъ прорицателей и состояніемъ богопросвѣщенныхъ пророковъ еврейскаго народа. Такъ какъ языческое умоизступленіе есть дѣло темныхъ силъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть усвоено Св. Духу, то оно вызываетъ ненормальное состояніе даже въ самомъ тѣлѣ ³⁾. Ясное сознаніе въ актѣ боговдохновенной рѣчи или написанія, по Оригену, есть необходимый критерій истиннаго вдохновенія ⁴⁾.

Какъ не велико участіе Бога въ составленіи св. Писанія, все же оно не идетъ такъ далеко, чтобы уничтожить человѣческую самодѣятельность. Напротивъ, въ актѣ боговдохновенности происходитъ улучшение, облагороженіе человѣческаго существа. Вслѣдствіе этого уничтожается пропасть между Богомъ и человѣкомъ, и послѣдній чрезъ обоженіе его силъ дѣлается способнымъ къ общенію съ Духомъ Святымъ. Такимъ образомъ, пророки и боговдохновенные писатели возвышаются къ дѣятельности, превосходящей самую природу ихъ. Они видятъ, слышатъ и чувствуютъ явленія и откровенія высшаго порядка ⁵⁾. Извѣстно, что во свѣ мы воображаемъ, что получаемъ впечатлѣнія нашими тѣлесными чувствами, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности заняты только нашъ духъ. Такъ воспринимаютъ свои откровенія и боговдохновенные пророки, когда, при видѣніи и слышаніи чудесныхъ вещей, Духъ Святыи пользуется ихъ внѣшними чувствами для сообщенія высшихъ истинъ ихъ духу ⁶⁾.

¹⁾ Прямая полемика Оригена удостоверяна именно противъ представителей монтеизма. Ср. Catenaе in Paul. epistol. ad. Corin. Editio Cramer. Oxford. 1844. 279.

²⁾ In Ezech. Vb. 1 (XIII. 709).

³⁾ Contra Cels. III, 4 (M. XI. 925).

⁴⁾ De princ. III. (XI. 317): Unde et ex hac manifesta discretione degnoscitur, quomodo anima melioris spiritus praesentia moveatur, id est, si nullam prorsus ex imminente aspiratione obturbationem, vel alienationem mentis incurrat, nec perdat arbitrii sui iudicium liberam, sicut exemplo sunt omnes vel prophetae vel apostoli, qui divinis responsis, sine nulla mentis obturbatione ministrabant.

⁵⁾ Contra Celsum. I, 48 (XI. 749).

⁶⁾ Ibidem.

Какова же природа этого акта боговдохновенности? Происшедшія чрезъ вліяніе Духа Божія книги, Оригенъ называетъ, „боговдохновенными“ (θεοπνευστοι), „вдохновенными“ (ἐμπνευστοι). Последний терминъ вполне соотвѣтствуетъ употребленному впервые Тертуллианомъ слову: „inspiratus“, „inspiratio“. Если оба выраженія—адекватны между собою, то участіе Св. Духа при составленіи св. писаній сводится Оригеномъ къ сверхъестественному вспомоществованію, внушенію высшихъ идей. Это дѣлается съ двойною цѣлью: во-первыхъ, чтобы образовать въ разумѣ *необходимыя идеи* для пониманія божественнаго Откровенія; во-вторыхъ, чтобы во вдохновляемомъ субъектѣ произвести дѣйствительное *возбужденіе воли* для сообщенія воспринятаго другимъ. Таково, конечно, существо боговдохновенности, какъ дара. Чтс оба момента, согласно основному значенію выраженія: „вдохновить“ (ἐμπνεῖν), входятъ въ понятіе Оригена о боговдохновенности, это—внѣ всякаго сомнѣнія. Всюду вдохновеніе представляется у него, въ формѣ наученія и духовнаго просвѣщенія. Дѣло Сына Божія, равно какъ и Духа Святаго, глаголавшаго чрезъ пророковъ, научать ангеловъ и людей ¹⁾. Такъ и ап. Петръ получилъ наученіе отъ Духа Святаго карательно своего видѣнія о чистыхъ и нечистыхъ животныхъ ²⁾; Духъ Божій вдохновлялъ и Моисея относительно событий, которыя происходили въ древнія времена, подобно тому, какъ и апостоловъ о чудесныхъ знаменіяхъ, сопровождавшихъ крещеніе Иисуса ³⁾. Это знаніе и наученіе были сообщаемы пророкамъ и апостоламъ чрезъ внутреннее просвѣщеніе Духа Божія. Просвѣщаемый этимъ божественнымъ Духомъ писалъ и говорилъ ап. Павелъ ⁴⁾. Уже одно соприкосновеніе съ Духомъ Святымъ необходимо производило въ людяхъ боговдохновенныхъ ясность и прозорливость ⁵⁾. Внутреннее просвѣщеніе давало возможность св. писателямъ не только воспринимать открываемыя истины, но проникать и въ таинственный ихъ смыслъ. Если вообще для пониманія того, что написано въ обыкновенныхъ книгахъ, необходима мудрость, то уразумѣніе истинъ, которыя самъ Духъ Божій

¹⁾ In Lut. hom. XXIII. (XIII. 1860).

²⁾ Contra Celsum II, 2 (XI. 797)

³⁾ Ibidem. I, 44 (XI. 741)

⁴⁾ De princ. IV, 5 (XI. 852).

⁵⁾ Contra Celsum. VII. 4 (XI. 1425).

излилъ въ человѣческія души, тѣмъ болѣе требуетъ высшей помощи! ¹⁾ Даже память служила помощью вдохновенію, когда Духъ воспроизводилъ прежнія впечатлѣнія въ людяхъ боговдохновенныхъ ²⁾. Поэтому, Оригенъ рѣшительно утверждаетъ, что евангелисты, находясь подъ вліяніемъ Духа Святаго, не могли допустить никакой погрѣшности памяти ³⁾.

Къ существу боговдохновенности Оригенъ, несомнѣнно, относилъ и внутреннее возбужденіе человѣческой воли въ св. писателяхъ, чрезъ Духа Божія. Это прямо или непрямо выражается въ тѣхъ мѣстахъ его твореній, гдѣ Духъ Святой изображается подающимъ поводъ къ написанію св. книгъ ⁴⁾.

Соотвѣтствующее свободное содѣйствіе находящихся подъ вліяніемъ боговдохновенности св. писателей представляется александрійцемъ, подъ образомъ слышанія или же другихъ отпращеній чувствъ ⁵⁾.

Хотя боговдохновенность постоянно предполагаетъ въ теоріи александрійскаго учителя возвышеніе и просвѣщеніе человѣческаго духа, дѣйствительное возбужденіе воли и, гдѣ это необходимо, подкрѣпленіе памяти, однако Духъ Святой, по нему, не связываетъ Себя какимъ-либо однимъ опредѣленнымъ образомъ, или способомъ дѣятельности. Въ этомъ случаѣ Оригенъ является противникомъ Юлія Африкана, но совершенно согласнымъ съ св. Писаніемъ, которое утверждаетъ многообразие въ способахъ божественнаго Откровенія (Евр. 1, 1). Дѣйствительно, Богъ сообщаетъ Свои откровенія святымъ, частью чрезъ сны, частью чрезъ явленія ангеловъ, частью чрезъ вдохновеніе ⁶⁾.

Дмитрій Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ)

¹⁾ Comment. in Iohann. XII. (XIV. 481).

²⁾ De princ. III, 3 (XI. 318).

³⁾ Comment. in Matth. XVI, 12 (XIII. 1409). Comm. in Iohann. VI, 18 (XIV. 257).

⁴⁾ Таковы выраженія: „Spiritus ita statuit“, „curam habuit“, „conscribi inspiravit. Select. in Deuter. (XII. 805).

⁵⁾ Contra Celsum. VII. 34 (XI. 1463). Оригенъ въ этомъ случаѣ напоминаетъ Климента александрійскаго, сраз. Strom., V, 1 (IX. 16); VI, 11 (IX. 985). Срав. Schwane. Dogmengeschichte I. 355.

⁶⁾ Epistola ad Africanum. 10 (XI. 72).

Христіанство и наше „освободительное движеніе“.

Въ жизни народовъ, какъ и въ жизни отдѣльныхъ лицъ бываютъ періоды увлеченія какой-либо идеей. Какъ-бы какое постороннее тѣло, засядетъ въ головѣ эта идея и воцаряется, все себѣ подчиняетъ, надъ всѣмъ господствуетъ, изъ всего тянетъ соки для своего питанія. И усиленнѣе работаетъ пульсъ, возбуждаются нервы, какъ-бы растаевааетъ прежде застывшая кровь и беспокойно бьется взволнованное сердце. Нѣчто подобное теперь происходитъ у насъ на Руси и имя этой идеи, увлекшей народъ, взволновавшей всѣ сердца—*свобода*. Она сидитъ на языкахъ, сосетъ сердца, она виситъ въ воздухѣ и все собою наполняетъ. Какъ бурный порывъ вѣтра прокатилась эта идея съ одного конца Руси до другого и все всколыхала; какъ солнце, брызнула она снопами лучей во всѣ стороны и все пробудила къ жизни. По природѣ однородные, безконечное, разнообразное преломляются эти лучи въ сознаніяхъ отдѣльныхъ лицъ и въ результатѣ—та шумная, бурная, калейдоскопически непостоянная и неустойчивая картина жизни, которою живетъ теперь наше отчество.

Но вѣдь солнце свѣтило всегда и всегда лучи его безконечно разнообразно преломлялись; о свободѣ люди узнали не съ нашихъ только дней и всегда о ней толковали;—отчего же мирная тема академическаго изслѣдованія сдѣлалась бурнымъ вопросомъ жизни? Отчего изъ кабинета ученаго, она вышла на площадь и съ жаромъ обсуждается не въ казенной только аудиторіи университета, но и на фабрикахъ, на заводахъ, въ каждой кучкѣ собравшихся людей, даже въ поросшей мохомъ сонной, захолустной деревнѣ? Отвѣтить на эти вопросы и составляетъ нашу ближайшую задачу.

Нравственное солнце свободы засвѣтило въ мірѣ со дня появленія въ немъ царя природы. Человѣкъ получилъ свободу, какъ возможно высшій даръ всеблагаго Творца, какъ наиболѣе яркую черту образа Божія, какъ печать своего Бого-сыновства и вмѣстѣ залогъ безконечнаго блаженства въ единеніи съ Источникомъ своего бытія. Но онъ вскорѣ потерялъ это небесное сокровище, ибо пожелалъ освободиться отъ послушанья Творцу своему и Богу. Такимъ образомъ, въ самой свободѣ, горделиво понятой, оказался источникъ гибели свободы. И такъ съ тѣхъ поръ всегда было и бываетъ на землѣ! Что имѣемъ, мы плохо цѣнимъ, а потерявши плачемъ,—человѣкъ тогда только понялъ, какимъ сокровищемъ онъ владѣлъ, когда это сокровище уже было потеряно для него, и вотъ начинается періодъ плача и воздыханій, исторія поисковъ утеряннаго сокровища, начинается то великое *освободительное движеніе*, конечною цѣлію котораго является возстановленіе истинной свободы, освобожденіе отъ всѣхъ тѣхъ путъ и оковъ, которыя мѣшаютъ человѣку быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, совершенное единеніе съ Абсолютною Свободою—Богомъ;—„да вси, по слову Христа, едино будутъ, яко-же ты, Отче, во мнѣ, и азъ въ тебѣ, да и тѣи въ насъ едино будутъ“ (Іоан. 17—21). И Богъ, какъ любящій отецъ, всегда помогалъ и помогаетъ человѣку въ этихъ поискахъ потеряннаго рая, помогалъ и помогаетъ постольку и въ такой формѣ, въ какой можно помочь существу, заявившему, что оно хочетъ жить по-своему, а не по-Божью. Въ этомъ основная идея и весь смыслъ исторіи и ветхозавѣтной и новозавѣтной. Такъ какъ чрезъ объявленіе себя существомъ самовольнымъ, человѣкъ порвалъ органическое единеніе съ Источникомъ жизни, то онъ естественно радикально извратилъ свою природу и сталъ подверженъ смерти со всеми ея прецедентами—болѣзнями, бѣдствіями, несчастіями. Такъ естественно иссыхаетъ, умираетъ ручей, когда онъ будетъ разобщенъ съ источникомъ! Но всеблагій Творецъ не сдѣлался менѣе любящимъ оттого, что человѣкъ такъ холодно оттолкнулъ отъ себя Его любовь,—Онъ премудро воспользовался немоцію падшаго созданія и изъ смерти, болѣзней и бѣдствій сдѣлалъ учителей: человѣческаго освобожденія, под-

черкивая немощь, смиряя гордость, подсказывая естественное ничтожество этого когда-то славнаго царя природы въ единенія его свободы съ абсолютною свободою Творца. Для руководства помраченному своеволіемъ уму Онъ, сверхъ этого, какъ огонь въ темномъ мѣстѣ, даровалъ Свой Божественный законъ чрезъ Моисея и другихъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ. Цѣль его была въ томъ, чтобы довести человека до познанія грѣха и чрезъ то въ возможной мѣрѣ способствовать освобожденію личности отъ гнета того безсердечія и жестокости, которыми безнадежно былъ закованъ языческій міръ. „Люби ближняго твоего, какъ самого себя“ (Лев. 19,—18),—ставитъ въ качествѣ основнаго принципа этотъ законъ и хотя во многихъ случаяхъ, чтобы быть практически осуществимымъ и пригоднымъ для жизни, и дѣлаетъ уступки „жестокости“ еврейскаго народа, однако всегда и въ этихъ случаяхъ значительно возвышается надъ законами окружающихъ языческихъ народовъ и чрезъ то ведетъ къ освобожденію отъ ихъ звѣрскаго варварства. Напр., языческій законъ кровавой мести до истребленія всѣхъ родственниковъ замѣняется закономъ равномѣрнаго возмездія: „око за око, зубъ за зубъ“ (Исх. 21—24). Безконтрольная въ язычествѣ власть отца надъ дѣтьми здѣсь подчиняется контролю закона, и хотя сыновнее неповиновеніе карается побіеніемъ камнями, но это только по приговору общественнаго суда. (Втор. 21,—18—21) и т. п. И рядомъ:—не вари козленка въ молоко матери его; не запрягай вола и осла вмѣстѣ; не заграждай уста вола молотящаго и т. д. (Втор. 25,—4). О волахъ-ли заботится Богъ?—спрашиваетъ Апостоль и отвѣчаетъ: нѣтъ; для насъ, для людей это написано (Кор. 9,—9—10; 1 Тим. 5,—18); чтобы воспитать въ людяхъ чувство состраданія, чтобы освободить евреевъ отъ той звѣрскаго жестокости, которая царила въ окружающихъ ихъ народахъ. И этотъ духъ освобожденія одинаково разлитъ въ религіозныхъ, нравственныхъ, государственныхъ, общественныхъ и общественно-экономическихъ законахъ Моисея. „Моисеево законодательство, говоритъ одинъ глубокій изслѣдователь его, какъ единогласно признаютъ всѣ глубже вникавшіе въ его содержаніе изслѣдователи, отличается истинно возвышеннымъ

и свободнымъ духомъ". (Saalschütz, Mosaisches Becht, Eine Bemerk., стр. XV).

Если такъ было дѣло въ законѣ Моисеевомъ, то тѣмъ болѣе такъ обстоитъ оно въ благодатномъ царствѣ Христовомъ. И если тамъ люди только воспитывались въ относительной свободѣ, ощущая ея прелесть, но безъ надежды обладать ею, то здѣсь въ христіанствѣ они получили возможность дѣйствительнаго освобожденія, призваны къ свободѣ и получили совершенный законъ свободы, они уже не дѣти рабства, во свободные тою свободою, которою освободилъ ихъ Христосъ. (Гал. 5,—13; Іак. 1—25; Гал. 4,—31; Гал. 5—1). Поэтому *христіанство и есть дѣйствительное освободительное движеніе*, единственное, которое даетъ истинную свободу, а съ нею миръ и радость душевную, не на небѣ только, но и *здѣсь на землѣ* всякому, кто приметъ въ себя Христа и послѣдуетъ стопамъ Его. Ниже мы детальнѣе разовьемъ это основное положеніе.

Но отчего-же общество, христіанское общество отвернулось въ извѣстной своей части отъ христіанства и въ поискахъ мира и счастья создало свое особое освободительное движеніе?—Отъ непониманія христіанства, *отъ опытного незнаюмства съ христіанствомъ, какъ съ живой силой жизни*, отъ того, что *знаютъ христіанство только головой и не переживаютъ, не ощущаютъ* его всѣмъ существомъ. Не трудно представить себѣ, какъ создавалось и создается такое *головное христіанство*.

Христіанство, какъ органическое единеніе со Христомъ главою тѣла церкви, есть взаимодействие свободнаго стремленія къ Богу со стороны человѣка и благодатной помощи со стороны Бога. Но искать Бога и свободно стремиться къ Нему по идеалу данному Христомъ—не легкое дѣло. Для человѣка, зараженнаго грѣхомъ и скованнаго множествомъ цѣпей рабства порокамъ, страстямъ, привычкамъ, вообще—миру, плоти и діаволу,—это трудъ и большой трудъ, это постоянный подвигъ борьбы, требующій постоянныхъ усилій надъ самимъ собою.—"Царство небесное, сказалъ Христосъ, силою беретсѣ и употребляющіе усиліе, получаютъ его" (Мѣ. 11,—12). Трудиться-же люди вообще не любятъ, а когда трудъ требуетъ еще самоограниченій и самоотреченія и результатовъ его не ви-

дѣтъ глазъ и не осязаетъ рука, то понятнымъ представляется, почему люди—христіане порываютъ живое взаимообщеніе со Христомъ и, формально числясь христіанами, не имѣютъ съ живымъ христіанствомъ ничего общаго. Съ другой стороны, какъ только человѣкъ свободно перестаетъ стремиться къ Богу, перестаетъ на него дѣйствовать и спасающая благодать Божія—отступать отъ него Духъ Божій и вселяется въ него духъ злобы. Такъ за противленіе Богу Духъ Божій отступилъ отъ Саула и сталъ мучить его духъ злобы. Характерно это выраженіе священнаго писанія, ибо оставленіе Бога и Богомъ всегда вводитъ душу въ область разнообразныхъ мученій! И вотъ христіанинъ перестаетъ *чувствовать* христіанство и перестаетъ его *понимать*, и никакими доводами разсудка нельзя ему втолковать того, чего для него нѣтъ эмпирически, чего онъ не ощущаетъ, какъ самообытную реальную силу. „Душе-вень человѣкъ, говоритъ объ этомъ Апостоль, не приѣмлетъ, яже Духа Божія, юродство бо ему есть (глупостію это ему представляется) и не можетъ разумѣти, зане духовнѣ востязуются“ (1 Кор. 2,—14). Разъедините электрическій токъ и человѣку, держащемуся за конецъ проволоки, вы никакими аргументами не докажете, что этотъ токъ есть. Почему? Да потому, что для него дѣйствительно этого тока нѣтъ! Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что многіе подобные христіане въ бесплодныхъ попыткахъ возродить жизнь на началахъ книжнаго, головнаго христіанства, съ отчаяннымъ убѣжденіемъ заявляютъ: нѣтъ, христіанство не удалось! Оно бессильно благоустроить землю и урегулировать взаимныя отношенія между людьми. И заявляютъ вполне послѣдовательно и справедливо; ничего положенія вещей и не можетъ быть: сохранившее только свое названіе, теоретическое, разсудочное христіанство не можетъ возродить жизни, ибо не имѣетъ силы для этого, такъ какъ возрождающая сила христіанства не въ метафизической чистотѣ его идей, а въ живомъ, органическомъ общеніи со Христомъ.

Это одна сторона дѣла.—Здѣсь мы видимъ основную причину оскуднѣнія вѣры и развитія отрицательнаго отношенія къ христіанству; но есть и другая, такъ сказать, положительная:

люди этой категоріи приобрѣтають увѣренность въ другихъ факторахъ, о которыхъ они думаютъ, что они съ успѣхомъ могутъ замѣнить христіанство въ дѣлѣ освобожденія человѣчества. Это происходитъ вотъ какъ и вотъ почему.

Душа человѣка всегда великая сила и если эта сила не входитъ во взаимоотноеніе съ Богомъ и не направляется на самоусовершенствованіе, то она проявляетъ себя въ другихъ отношеніяхъ. Ставши вмѣсто госпожи служанкой плоти, она и въ положеніи рабы проявляетъ природную свою царственную мощь и величіе. Въ результатѣ появляется цѣлый циклъ разнообразныхъ пресмыкающихся по землѣ и копающихся въ ней наукъ, въ которыхъ философія изгоняется утилитаризмомъ, высшіе идеалы—матеріалистическимъ атеизмомъ. Въ этомъ-же направленіи—благоустройства земли и созданія удобствъ для выхоленной плоти движется обычно при указанномъ условіи и вся культура. И вотъ гудятъ машины, растутъ дворцы, послушно разступаются горы, смиряется коварная волна, осѣдланъ паръ, взято въ руки электричество, измѣрено разстояніе до звѣздъ, снятъ покровъ таинственности со вселенной, міръ побѣжденъ, покорены стихіи,—какъ не преклониться предъ этимъ побѣднымъ шествіемъ генія человѣчества?! И люди преклоняются, низко кланяются тому, что создано ихъ руками; новая вавилонская башня растетъ все выше и выше; все болѣе и болѣе закрывается небо; плоть, чрево объявляетъ свое царство на землѣ; древній Ваалъ возстаетъ во всемъ своемъ историческомъ безобразіи и неумолимо требуетъ себѣ разнообразныхъ жертвъ. И несутъ на этотъ жертвенникъ,—ученый—извѣдованіе объ устройствѣ земного рая; художникъ—картину того-же; музыка воспѣваетъ его въ пѣсняхъ; поэзія—въ стихахъ; всѣ спѣшатъ сложить сюда все свое лучшее и какъ невинные младенцы на раскаленныхъ лапахъ Молоха безпомощно сгорають на этомъ жертвенникѣ и свѣтлая мысль и гениальная идея, и чистый порывъ добраго сердца и самоотверженный даръ кроткой любви. Такъ человѣкъ превращается въ човѣкобога и, восхитившись собственнымъ величіемъ, торжественно поклоняется самъ себѣ!..

Естественное дѣло, что на этой ступени человѣкъ горде-

ливо заявляетъ: не улетающее за облака христіанство, а наука и культура—вотъ единственно надежные вожди въ страну свободы, счастья и мира.

Таковъ психологическій генезисъ развивающагося въ христіанскомъ обществѣ, но порвавшаго всякую связь съ Христіанствомъ, современнаго, такъ называемаго, освободительнаго движенія. Итакъ, мы имѣемъ два освободительныхъ движенія: одно—исконное, историческое, христіанское, которое навываютъ неудавшимся, и другое—новое, свѣжее еще младенческое, къ участию въ которомъ всѣхъ теперь призываютъ. Куда пойдёмъ? Гдѣ остановимся?

Разсмотримъ прежде всего идеаль, а потомъ и средства, которыя указываются здѣсь и тамъ для достиженія этого идеала. Какую же свободу обѣщаетъ намъ современное освободительное движеніе?

Прежде всего, почитать, полную свободу совѣсти. Чтобы каждый былъ воленъ вѣрить въ того бога и такъ, какъ подсказываетъ ему совѣсть. Чтобы принадлежность къ христіанству не связывалась ни съ какими праяданскими преимуществами, равно и переходъ изъ христіанской вѣры, напр. въ магометанскую не влекъ-бы за собою никакихъ стѣсненій въ правахъ и общественномъ положеніи человѣка. Вотъ какую свободу прежде всего обѣщаетъ намъ наше освободительное движеніе.

Не знаемъ кому какъ, а намъ жутко становится отъ этого идеала. Когда христіане добиваются того, чтобы облегчить себѣ пути бѣгства отъ Христа, то здѣсь окривить нѣчто большее обычнаго индифферентизма, здѣсь видна плохо скрываемая ненависть къ Господу нашему и Спасителю. И это не удивительно. Кто порываетъ общеніе со Христомъ, тотъ вступаетъ въ союзъ съ дьяволомъ, непременно вступаетъ, хотя-бы онъ горячо отрицалъ и самое бытіе этого послѣдняго; кто перестаетъ любить Христа, тотъ начинаетъ Его тяготиться, начинаетъ Его ненавидѣть. Отъ вѣка было такъ; что святини вызываетъ озлобленіе въ лицахъ потерявшихъ вѣру во все святое! Такъ и здѣсь. Свобода совѣсти, чтобы можно было безпрепятственно, какъ костюмъ, мѣнять вѣру?! Кто вы та-

кіе и къ кому обращаетесь, господа освободители? Вы въ большинствѣ случаевъ крестились во имя Христа и сочетались съ нимъ, до сихъ поръ исповѣдывали вѣру въ Него, какъ въ царя и Бога, а теперь все это на смарку? Почему, изъ-за чего?—Изъ-за формальнаго принципа полной свободы? И еще находите возможнымъ учить этому другихъ?—Нѣтъ, освободители отъ Христа!—Не хорошо дѣтей учить тому, что они могутъ оплевать своего отца; безнравственно мутить христіанское общество проповѣдію о такой свободѣ, на концѣ которой геена и вѣчныя мученія. Да и не свобода это будетъ—мѣнять вѣру, какъ костюмъ, а рабство; рабство низкое, мелочное—предъ вѣтромъ мимолетнаго ученія, передъ господствующей теоріей, которая сегодня славна, а завтра умерла, рабство предъ духомъ времени, наконецъ, рабство предъ своимъ собственнымъ, всегда одностороннимъ, убѣжденіемъ. И не можетъ, поэтому, принести внутренняго мира такая свобода, а только одно страданіе. Христопродавческая, по существу, идея свободнаго перехода изъ христіанства въ какую угодно вѣру, является нелѣпой и въ своемъ практическомъ приложеніи. Въ самомъ дѣлѣ, чего добиваетесь, чего вамъ недостаетъ, господа освободители? Развѣ совѣсть чловѣка не свободна въ какой угодно странѣ, при какихъ угодно гражданскихъ законахъ? Развѣ существуетъ такая тайная полиція, которая-бы знала и слѣдила за тѣмъ, что у васъ происходитъ въ душѣ? Правда, законы часто преслѣдуютъ внѣшнее проявленіе той или другой вѣры, но развѣ вѣра въ обрядахъ? Развѣ наша штунда пользовалась правомъ какого-либо вышшняго проявленія своей вѣры;—а какъ она разрослась? Развѣ расколъ—это само олицетворенное невѣжество—не существовать болѣе двухъ вѣковъ безъ права строить новые молитвенные дома,—и еще крѣпокъ онъ до-нынѣ?! Не во внѣшнихъ-ли стѣсненіяхъ, наоборотъ, источникъ внутренней силы той или другой вѣры воспрещаемой гражданскими законами? Нѣтъ, господа освободители! Добиваясь полной свободы всякой вѣры, вы тѣмъ самымъ, убиваете всякую вѣру. Вы враги не христіанъ только, но и магометанъ, и язычниковъ и всѣхъ. Общія дѣла сокровище, вы сами у всѣхъ похищаете сокрови-

вища. Подъ оболстительнымъ знаменемъ свободы вѣры и совѣсти вы прямо ведете вашихъ адептовъ къ освобожденію отъ всякой вѣры и совѣсти, т. е. къ совершенному невѣрію, озлобленно-холодному индифферентизму и къ совершенной безсовѣстности, ибо внѣ основъ вѣры нѣтъ побужденій для дѣятельности по совѣсти. „Съѣшьте запрещеннаго плода и вы будете, какъ боги, предъ вами отворется истинный рай, страна неизвѣданнаго блаженства“—слышите намъ въ призывѣ добиваться полной свободы совѣсти, и вѣры. Но нѣтъ, наши прародители однажды отвѣдали этого плода, и мы чрезъ это по опыту знаемъ, что не рай насъ ожидаетъ послѣ этого, а изгнаніе изъ рая, плачь, горе и безнадежныя страданія.

Одно только хорошо изъ всего, что говорятъ проповѣдники новой свободы,—это чтобы принадлежность къ христіанству не влекла за собою гражданскихъ льготъ и преимуществъ; человекъ, котораго всю жизнь поддерживаютъ и водятъ подъруки, естественно слабѣетъ (физически; такъ бываетъ и со всякой вѣрой—внутренняя ея сила всегда стоитъ въ отношеніи обратно пропорціональномъ къ внѣшней опекѣ. Но это хорошее не свое въ устахъ современныхъ освободителей, оно похищено изъ сокровищницы христіанства. „Горе, сказалъ Христосъ, когда васъ будутъ хвалить всѣ люди“ (Лук. 6—26). Блаженны вы тогда, когда будутъ поносить васъ, гнать, возводить на васъ всякое зло за имя Мое. Радуйтесь тогда и веселитесь, потому что велика вамъ за это будетъ награда на небесахъ“. (Мѡ. 5—11). „Всякое избраніе во епископа, или пресвитера, или діакона, дѣлаемое мірскими начальниками, да будетъ не дѣйствительно“, гласитъ третье правило 7-го вселенскаго собора въ согласіи съ 30-мъ Апостольскимъ. Почему все это? Потому, что основаніе и опора Церкви—Христосъ и иного нѣтъ и быть не должно; поэтому пользоваться какою-либо иною поддержкою для Церкви значитъ измѣнить Христу.

Посмотримъ теперь на идеаль христіанскій съ этой стороны.

Святи. Іоаннъ Дмитревскій.

(Окончаніе будетъ).

РУССКАЯ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, КАКЪ ПРЕДШЕСТВЕННИЦА СЛАВЯНОФИЛЬСТВА И УНИВЕРСИТЕТ- СКОЙ ФИЛОСОФИИ ВЪ РОССИИ.

(Продолженіе *).

V.

Философія въ Московской Духовной Академіи. Протоіерей Теодоръ Александровичъ Голубинскій и его философскія воззрѣнія.

Отъ представителей философской мысли въ Петербургской Духовной Академіи мы переходимъ теперь къ представителямъ философіи въ Московской Духовной Академіи. Родоначальникомъ философіи въ Моск. Дух. Акад. по справедливости считается протоіерей Теодоръ Александровичъ Голубинскій.

Голубинскій родился 22 декабря 1797 года въ г. Костромѣ; среднее образованіе онъ получилъ въ Костромской духовной семинаріи, а высшее въ Московской духовной академіи; онъ поступилъ въ нее, когда она только что открылась (1814 г.), окончилъ въ 1818 году и тогда же былъ оставленъ бакалавромъ при проф. В. Кутневичѣ по философіи; въ 1822 г. Голубинскій получилъ званіе экстраординарнаго профессора, а въ 1824 г., послѣ ухода изъ академіи Кутневича, онъ сдѣланъ былъ ординарнымъ профессоромъ, каковымъ и оставался почти до самой смерти; прошеніе объ отставкѣ онъ подалъ въ іюль 1854 г., а 22 августа того же года онъ скончался отъ холеры на своей родинѣ въ Костромѣ, куда онъ пріѣхалъ помянуть усопшихъ родственниковъ и повидаться съ живыми¹⁾.

*) См. ж. „Вѣра, и Разумъ“ № 5, за 1907 г.

1) Біографическія свѣдѣнія о Голубинскомъ см. въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1897 г. 12 кн. въ ст.: проф. Глаголера „прот. О. А. Голубинскій“ 487—482 стр., а отчасти въ статьѣ проф. А. И. Введенскаго: „прот. О. А. Голубинскій, какъ профессоръ философіи“, въ той же книжкѣ, стр. 483—507.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ краткихъ данныхъ біографіи прот. Голубинскаго, мы видимъ, что почти вся жизнь Голубинскаго, кромѣ дѣтскихъ лѣтъ, протекла въ Московской Духовной Академіи; онъ вступилъ въ нее юношей 17 лѣтъ, а покинулъ 57-ти лѣтнимъ стариномъ, за мѣсяць до своей кончины. Будучи такъ долго связанъ съ Моск. Дух. Академіей, Голубинскій сроднился съ нею, съ ея интересами, и приобрѣлъ въ ней великую популярность: слава о немъ, какъ великомъ мыслителѣ, традиціонно переходила и среди профессоровъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, и среди студентовъ отъ курса до курса, и въ восьмидесятыя, и даже девятидесятыя годы, среди студентовъ традиціонно передавались рассказы о прот. Голубинскомъ, рисующіе его, какъ великаго мыслителя. Но чему же обязанъ прот. Голубинскій этою своею великою славою, такъ прочно установившеюся въ традиціяхъ Московской Духовной Академіи?

Этою своею славою прот. Голубинскій обязанъ былъ исключительно своимъ устнымъ лекціямъ, такъ какъ печатныхъ трудовъ при его жизни, кромѣ статьи „О конечныхъ причинахъ“, ни одного не появилось: глубокій мыслитель, прот. Голубинскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ скромнымъ человекомъ, и не печаталъ своихъ лекцій; и только уже не мало лѣтъ спустя послѣ его смерти были отпечатаны нѣкоторыя его лекціи однимъ изъ его слушателей, именно прот. „В. Назаревскимъ, который въ 1867 году, по собственнымъ и другихъ слушателей запискамъ, отпечаталъ „Лекціи Голубинскаго“ по „Умозрительному Богословію“; въ 1871 г. „Умозрительную психологію“, а съ 1884 г. наследниками пр. Назаревскаго началось печатаніе сперва въ журналѣ „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, а потомъ и отдѣльнымъ изданіемъ, и другія лекціи Голубинскаго, въ такомъ порядкѣ: 1) Введеніе въ философію и метафизику; 2) Онтологія; 3) Умозрительное Богословіе и 4) Умозрительная Психологія. Печатаніе дальнейшихъ лекцій не послѣдовало, хотя и предполагалось возможнымъ отпечатать и лекціи по Космологіи 1). Такимъ обра-

1) См. объ этомъ „Богосл. Вѣстн.“ 1897. 12. статья профессора А. И. Василевскаго: „Протоіерей Ф. А. Голубинскій, какъ профессоръ философіи“.

зомъ, мы видимъ, что философскія произведенія Голубинскаго появились сравнительно уже въ повый періодъ русской философской мысли; но въ виду того, что устная философская дѣятельность Голубинскаго (1818 г.—1854 г.) относится еще къ первому періоду исторіи русской философской мысли, мы и имѣемъ полное право заняться изслѣдованіемъ и разборомъ его философскихъ произведеній въ нашей настоящей статьѣ, изслѣдующей духовно-академическую философію за тотъ ея періодъ, когда она была предшественницею университетской философіи.

Приступая къ изложенію философскихъ воззрѣній прот. Голубинскаго, мы, прежде всего, должны выяснить, какъ онъ понимаетъ сущность своей науки—философіи. Къ опредѣленію философіи Голубинскій подходитъ путемъ историческимъ¹⁾. Обращая вниманіе на исторію развитія мысли человѣческой, мы видимъ, что позднѣйшія поколѣнія людей въ своемъ историческомъ развитіи не ограничивались познаніями, сообщаемыми имъ преданіями предковъ, не успокаивались на несвязныхъ и разсѣянныхъ чувственныхъ наблюденіяхъ внутренняго и внѣшняго опыта, но хотѣли искать невидимаго и сокровеннаго въ видимомъ. Человѣкъ долгое время не отдѣлялъ себя отъ природы, долгое время находился въ усыпленіи, увлекаясь только инстинктомъ физическимъ и духовнымъ, но когда, съ теченіемъ времени, человѣкъ отдѣлялъ себя отъ природы, тогда онъ пересталъ рассѣиваться по безконечно-разнообразнымъ чувственнымъ впечатлѣніямъ и сталъ искать познанія причинъ вещей, но на этомъ отличеніи своего „Я“ отъ „не Я“, на изысканіи причинъ законовъ и дѣйствій для всего разнообразнаго, онъ еще не останавливается, но замѣчая вездѣ случайность и непостоянство, онъ старается выйти изъ круга ограниченныхъ и разнообразныхъ предметовъ; не видя начала всего, онъ стремится къ изысканію Безконечнаго. Является вопросъ, какими средствами онъ достигаетъ этого. Анализируя познавательныя силы, Голубинскій находитъ, что опытъ внутренній и внѣшній доставляетъ одни матеріалы въ видѣ разсѣянныхъ, безъ взаимной связи предметовъ между собою, безъ

¹⁾ См. „Гр. въ Общ. Любл. Дух. Просв.“ 1884, IV, 456 и слѣд.

свѣдѣнія, откуда все это началось и на чемъ основывается. Выше чувства внутренняго и внѣшняго находится въ душѣ нашей разумъ (intellectus), коего свойство—разнообразное приводитъ въ единство сознанія; по дѣйствию этой силы человекъ вводитъ какъ бы свой порядокъ въ явленія внѣшняго міра и внутренняго міра: все частное и разнообразное подводитъ подъ роды и виды. Отсюда нашъ мыслитель дѣлаетъ тотъ выводъ, что одинъ опытъ не можетъ быть источникомъ философіи. Хотя изъ исторіи философіи извѣстно, что всѣ люди, поражаемые видимыми предметами, стремились къ тому, чтобы узнать, изъ чего все видимое происходитъ, но это стремленіе не было произведеніемъ низшихъ силъ, а высшихъ. Нашъ мыслитель увѣренъ, что одно дѣйствіе чувствъ, собирающихъ впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ, не послужило бы началомъ философіи, если бы съ онымъ не встрѣтилось высшее дѣйствіе ума. Чтобы дойти отъ частныхъ наблюденій о природѣ до представленія красоты и порядка, въ ней усматриваемаго, недостаточно руководства чувствъ, ибо чувства не свидѣтельствуютъ о цѣлесообразномъ порядкѣ, о чемъ либо цѣломъ; установленіе понятія цѣлаго бываетъ только тогда, когда, вмѣстѣ съ свидѣтельствами опыта, соединяются свидѣтельства внутреннія, кои какъ бы борются съ чувствами: и это суть идеи ума; чувства же представляютъ только разсѣянное, идеи же ума заставляютъ вводить въ оное единство. По дѣйствию силы идей, подъ видимою оболочкою чувственныхъ явленій, предполагаются невидимыя силы. И такъ какъ человекъ ранѣе и сильнѣе поражается чувственными предметами, то прежде всего дѣйствуетъ въ немъ чувство, потомъ разумъ и наконецъ уже умъ; отсюда вниманіе человека прежде обращается на видимый міръ; почему и первые испытатели удивлялись природѣ, ея порядку и красотѣ, но только подъ вліяніемъ идеи ума. Безконечномъ,—хотѣли узнать, отчего все сіе происходитъ.

Итакъ мы видимъ, что главнымъ источникомъ философіи Голубинскій признаетъ ¹⁾ идеи ума, а пособіемъ къ раскрытію—свидѣтельства внутренняго и внѣшняго чувства; разумъ же, по Голубинскому, есть только способность формальная, коей

1) Ib. 461 стр.

свойство разнообразное въ чувственныхъ впечатлѣнiяхъ приводитъ въ единство сознанiя, неопредѣленное и неясное, доставляемое идеею ума, перелагать въ чистыя и ясныя понятiя. Источники философии суть прежде всего естественныя: опытъ, внѣшнiй и внутреннiй, и умъ, открывающiй силы, законы и цѣли природы внѣшней и внутренней; но главный и первоначальный источникъ всякаго познанiя есть: Откровенiе Единого, Истиннаго и Премудраго,—такъ что и свидѣтельство внѣшней природы, и свидѣтельство внутренняго самосознанiя суть какъ бы протокъ или каналъ одного Откровенiя. Нашъ мыслитель при этомъ подчеркиваетъ ту мысль, что должно отличать это откровенiе посредственное отъ непосредственнаго, которое бываетъ чрезъ Слово Божiе, внутреннее и внѣшнее. Въ какомъ же отношенiи должна стать философиа къ Откровенiю? Философиа, по нашему мыслителю, не имѣетъ права выступать изъ своихъ предѣловъ, изъ предѣловъ посредственнаго откровенiя; въ рукахъ ея одни естественныя пособiя: опытъ, какъ внѣшнiй такъ и внутреннiй. Опытъ внѣшнiй есть самое низшее пособiе въ познанiи даже внѣшней природы: чтобы познать то, что есть въ природѣ высшее; чтобы въ законахъ и въ явленiяхъ ея видѣть пути премудрости и благодати Божiей, понимать ея красоту и стройность, для сего эти совершенства должны быть въ человѣкѣ внутреннѣйшими представленiями; предшествующими опыту внѣшнему, которыя человѣкъ, какъ нѣкоторую мѣру, могъ бы прилагать ко внѣшней природѣ, съ которыми, какъ бы съ образцами, могъ сравнивать ея явленiя и чрезъ то постигать ееобразность послѣднихъ съ первыми.

Голубинскiй находитъ, что любовь, благодать и премудрость насажены и въ природѣ внѣшней; но не внутри ея, а какъ бы на поверхности ея отражаются; и потому проявляются и уясняются для человѣка; что онъ самъ въ себѣ, въ глубинѣ своего духа, обрѣтаетъ напечатлѣнными и усвоенными эти совершенства. Для уясненiя своей мысли Голубиной приводитъ слова Якоби: „природа показываетъ только согласныя буквы, священныя же гласныя, безъ коихъ не могутъ быть прочтены ея письмена, кои изглагодало Слово, возвавши мiръ изъ хаоса, находятся въ человѣкѣ“.

Отъ указанія источниковъ философіи, Голубинскій переходитъ къ указанію предмета философіи. Предметъ философіи составляетъ то, что есть общаго, существеннаго и главнѣйшаго, т. е. какъ основанія, законы и силы духа человѣческаго и внѣшней природы, такъ и свойства Верховнаго Начала всего сущаго—Существа Высочайшаго; но все таки философія не должна быть собраніемъ и составомъ всѣхъ знаній; и другія науки потому входятъ въ кругъ философіи, или съ ней соприкасаются, что изслѣдуютъ главныя основанія событій (facta), дѣлаютъ общія заключенія о причинахъ, возводятъ многообразное къ единымъ и простѣйшимъ началамъ: ибо эти начала, основанія, причины извлекаются преимущественно изъ философіи. Поскольку основныя начала примѣняются къ многообразнымъ частнымъ явленіямъ, раздробляются во множествѣ различныхъ послѣдствій, постольку въ этомъ расширеніи и низшемъ приложеніи своемъ они выходятъ изъ круга ея въ низшія сферы другихъ познаній; напр. наблюденія историческія, пока составляютъ одинъ рассказъ событій, не принадлежатъ къ кругу философіи, но когда къ наблюденіямъ присоединяется разумъ, который на нихъ не останавливается, но ищетъ причинъ общихъ, откуда онѣ происходятъ, основаніе какого либо цѣлаго порядка событій, въ этомъ случаѣ, исторія приближается къ философіи. Итакъ, философія имѣетъ предметомъ изслѣдованія только главныхъ и основнымъ силъ, законовъ и цѣлей существъ. Когда мы въ дѣйствіяхъ и явленіяхъ ищемъ ихъ началъ и причинъ, то доходимъ до познанія о силѣ, какъ причинѣ дѣйствующей, слѣдовательно, вступаемъ въ область философіи. Что касается цѣли философіи, то, по нашему мыслителю, высшая и главная цѣль философіи состоитъ въ томъ, чтобы возбудить въ человѣкѣ нужду исканія Единой Безконечной Премудрости Божественной и человѣку предназначенной, которая есть Воплощенное Слово; вторичная цѣль, этой первой, подчиненная—есть та, чтобы возбудить въ человѣкѣ, направить и питать любовь, къ мудрости человѣческой, которая должна готовить его къ познанію Премудрости Божественной.

Изъ всего вышесказаннаго нашъ мыслитель выводитъ слѣдующее понятіе о философіи: философія есть система познаній, приобретенныхъ разумомъ (intellectus), подъ управленіемъ ума (rationis) и при способствованіи опыта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, о всеобщихъ главнѣйшихъ, существеннѣйшихъ силахъ, законахъ и цѣляхъ природы внѣшней и внутренней, равно и о свойствахъ Виновника всѣхъ оныхъ—Бога,—система, направленная къ тому, чтобы возбудить въ духѣ человѣческомъ, воспитать и направить любовь къ премудрости Божественной и человѣку предназначенной ¹⁾. По этимъ тремъ силамъ души и тремъ родамъ предметовъ философію можно раздѣлить на теоретическую, эстетическую и практическую. Средоточіе теоретической философіи составляетъ метафизика. Метафизика есть система познаній, которыя умствующій разумъ, чрезъ разрѣшеніе идеи безконечнаго и чрезъ примѣненіе къ ней наблюденій опыта внѣшняго и внутренняго, необходимо собираетъ о Существовѣ Безконечномъ и Его свойствахъ, равно какъ и о томъ, какое сходство или сообразность съ нимъ существенно принадлежитъ существамъ конечнымъ, какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ ²⁾. Въ метафизикѣ должно будетъ выступить изъ идеи Безконечнаго и, простираясь чрезъ область наблюденій, при пособіи умозрѣнія, изслѣдовать, кому принадлежитъ идея сія, т. е. существуетъ ли предметъ, дѣйствительно оной соотвѣтствующій—есть-ли Существо, вмѣщающее въ себѣ безконечность совершенствъ. Такимъ образомъ, здѣсь предметомъ метафизики есть Богъ—Существо Безконечное, въ Его отношеніи къ существамъ конечнымъ и взаимно—существомъ конечныхъ къ нему. Отсюда, дѣло метафизики есть изслѣдовать, какимъ образомъ существа конечныя могутъ существовать подъ формою безусловнаго, какая удѣлена имъ самостоятельность отъ Существа Безконечнаго, и что въ нихъ есть высшаго, приближающагося къ Богу, и слѣдовательно, здѣсь предметъ метафизики есть основное и существенное въ существахъ конечныхъ, т. е., какъ въ мірѣ ви-

¹⁾ Чт. Общ. Любит. Духовн. Просвѣщ. 1884, IV, стр. 470.

²⁾ Ib. 505 стр.

димомъ, такъ и въ невидимомъ. Такимъ образомъ, открываются три различные предмета метафизики: 1) Существо Безконечное въ собственномъ бытіи, 2) конечный міръ духовный и 3) матеріальный, которые по сему и требуютъ трехъ различныхъ частей Метафизики: 1) разсужденія о Существовѣ Безконечномъ, его бытіи и свойствахъ составляютъ Богословіе, или ученіе о Богѣ; 2) изслѣдованія о мірѣ духовномъ, или о душѣ, производятъ Психологію умственную (Душесловіе); 3) изъ разсужденія міра матеріальнаго произойдетъ Космологія (мірословіе)¹⁾. Но кромѣ этихъ трехъ частей необходима еще четвертая, содержащая основанія и предуготовительныя познанія для прочихъ. Прежде, чѣмъ изъ Безконечнаго производить и объяснять конечное, должно дойти до Безконечнаго путемъ естественнымъ и безъ скачка; дабы имѣть основаніе самой вѣры въ Безконечное—нужно съ низшаго, но общаго доходить при свѣтѣ идеи до Высочайшаго; таковыя общія свойства существъ объяснять должна Онтологія—четвертая часть метафизики. Порядокъ, въ которомъ должны быть расположены части Метафизики, такой: во 1-хъ, само собою очевидно, что Онтологія должна занимать первое мѣсто, ибо она должна служить предуготовленіемъ для прочихъ частей. Далѣе слѣдуетъ Богословіе, Психологія и Космологія. Нѣкоторые метафизики распредѣляютъ части метафизики такъ, что отъ низшаго восходятъ къ высшему, т. е. сперва полагаютъ ученіе о мірѣ, далѣе о душѣ и наконецъ Богословіе. Путь этотъ представляется естественнымъ съ перваго взгляда, но наизъямыслитель находитъ его неправильнымъ. Конечно, чтобы познать Бога, нужно имѣть предварительно познаніе о мірѣ, о себѣ самомъ, но это не будетъ кругъ въ познаніи (circulus), ибо при восхожденіи къ Существовѣ Безконечному таковыя познанія о конечныхъ будутъ составлять только пособіе, а не предметъ; здѣсь изъ всей массы предметовъ, входящихъ въ ученіе о мірѣ, берется только нѣчто всеобщее въ пособіе и руководство, при которомъ можно бы дойти до Безконечнаго, а потомъ уже при свѣтѣ Его возвратнымъ путемъ нисходитъ

¹⁾ Ib. 506 и слѣд.

къ ясному познанію конечнаго, относительно его начала, законовъ. цѣлей и отношеній; и, слѣдовательно, отъ Богословія къ ученію о мірѣ, и сперва духовномъ, а потомъ матеріальномъ, въ которомъ, хотя впечатлѣны слѣды Божества, но они не могутъ блистать сами собою и для себя, а имѣютъ нужду для своего проявленія въ существахъ духовныхъ ¹⁾).

Отъ раздѣленія метафизики нашъ мыслитель переходитъ къ указанію цѣли ея. Цѣль, или что тоже по Голубинскому, польза метафизики, есть двоякая: теоретическая и практическая. Въ отношеніи теоретическомъ метафизика драгоценна сама по себѣ, ибо долгъ ея утвердить всеобщія необходимыя истины, каковы суть: бытіе Бога, Его совершенства, образъ Божій въ душѣ, ея безсмертіе; сообщить правильный и ясный взоръ на природу, устройство и порядокъ, на цѣль всего существующаго и проч., а слѣдовательно удовлетворить по возможности тѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ, которые предлагаетъ себѣ духъ человѣческой, соотвѣтственно главнымъ и существеннымъ свойствамъ, потребностямъ и побужденіямъ. Практическая цѣль метафизики состоитъ въ томъ, чтобы духъ, сердце и волю человека мало по малу отрѣшпть отъ земнаго, преходящаго, кажущагося, и возбуждать въ немъ стремленіе къ неизмѣняемому, истинному, вѣчному, чтобы отъ конечнаго возвышаться къ Безконечному, отъ жизни временной направлять къ жизни безсмертной и ея Источнику, и такимъ образомъ, руководствовать насъ и предуготовлять къ свѣту Вѣчному и Божественному. Указаніемъ на цѣль метафизики Голубинскій заканчиваетъ „Введеніе въ метафизику“, а затѣмъ изслѣдуетъ первую ея часть—Онтологию. Сущность Онтологіи состоитъ въ томъ, чтобы сообщить понятіе о всеобщихъ, коренныхъ свойствахъ вещей и о необходимыхъ основаніяхъ бытія ихъ ²⁾). И такъ какъ главная задача Онтологіи состоитъ въ изслѣдованіи бытія вообще, то поэтому она должна предварительно сдѣлать обзоръ всего существеннаго, то-есть полнота этой науки зависитъ отъ изслѣдованія бытія; какъ конечнаго или

¹⁾ Ib. 508.

²⁾ „Ч. О. Любит. Духов. Просвѣщ.“ 1834, 7—8, 102 стр. и слѣд.

ограниченнаго, такъ и существеннаго. Въ Онтологіи Голубинскій и показываетъ, какое отношеніе Существа Безконечнаго къ существамъ конечнымъ, и въ какой зависимости отъ Него они поставлены. Изъ разсматриванія духовной дѣятельности человѣка прежде всего, открывається, что въ насъ дѣйствительно есть законъ для всего конечнаго и относительнаго искать причины, первообраза, цѣли, или конца въ Безконечномъ. Опытъ свидѣтельствуетъ, что человѣкъ отъ самаго грубаго скотоподобнаго состоянія можетъ быть доведенъ до сознанія въ себѣ идеи существа Безконечнаго; съ неразумными же животными нельзя сего сдѣлать. Такая всеобщность идеи о Безконечномъ служитъ доказательствомъ того, что эта идея духу человѣческому принадлежитъ существенно, а не случайно. Вопросъ о прирожденности идеи Бога есть первый вопросъ Онтологіи. Второй главный въ Онтологіи вопросъ есть слѣдующій: откуда въ человѣкѣ идея о Безконечномъ? Отсюда второе главное положеніе Онтологіи: идея о Безконечномъ не пріобрѣтается человѣкомъ во времени, но первоначально существенно, вмѣстѣ съ его природою, дана Существомъ Безконечнымъ, соотвѣтствующимъ ей. Чтобы доказать это положеніе, нужно разсмотрѣть слѣдующіе два случая: идея о Безконечномъ или пріобрѣтается во времени, или первоначально прирождена человѣку. Идея о Безконечномъ не во времени пріобрѣтается, но первоначально прирождена человѣку, ибо если бы она дана была человѣку во времени, то человѣкъ съ нѣкотораго только времени сталъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ прежде не былъ, т. е. началъ бы имѣть другую природу. Но человѣкъ съ начала своего бытія все есть одинъ и тотъ-же человѣкъ всегда одинаковой природы. Но въ этомъ случаѣ нельзя предполагать, чтобы она (идея о Богѣ) существенно принадлежала человѣку, безъ отношенія къ существу Безконечному; слѣдовательно, необходимо установить зависимость конечнаго отъ Безконечнаго.

Отъ вопроса о безконечномъ вообще, Голубинскій переходитъ къ вопросу о бытіи Божіемъ. Бытіе Божіе не можетъ быть доказано изъ высшаго начала. Какъ въ порядкѣ су-

щество нѣтъ ни одного выше Безконечнаго, такъ и въ ряду знаній человѣческихъ не можетъ быть выше того начала, что „Богъ есть“, Потому, при выводѣ доказательствъ бытія Божія, нельзя брать на себя доказать сію истину изъ какого-нибудь высшаго начала. Бытіе Божіе само есть такое начало, которое есть выше всякаго бытія и всякаго знанія. Въ раскрытіи понятія о бытіи Божіемъ, Голубинскій болѣе всего пользуется Якоби; мысли же Якоби о богопознаніи намъ мыслитель развиваетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: а) какъ у животныхъ есть необходимый инстинктъ—искать пищи, такъ для ума человѣческаго необходимый инстинктъ—находить Бога; б) если бы этотъ инстинктъ ума былъ только самообольщеніемъ чело-вѣка, то и познаніе его было бы ничто и вся природа и все человѣчество было бы призракомъ; этою нелѣпостію самая сущность ума разрушилась бы. Съ самымъ исканіемъ истины, какъ цѣли для ума, неразрывно соединено сознаніе, что существуетъ Богъ—Высочайшая истина. Пользуясь Якоби, Голубинскій и устанавливаетъ положеніе о неизбѣжности антропоморфизма въ представленіи о Богѣ: чело-вѣкъ необходимо антропоморфизуетъ Бога, потому что Богъ, созидая чело-вѣка, ееморфизуетъ его, т. е. необходимо чело-вѣкъ представляетъ Бога чело-вѣкообразно, примѣняя къ Нему то, что существеннаго находитъ въ духѣ своемъ, потому что Богъ создалъ чело-вѣка богообразно. Голубинскій находитъ, что къ возвышеннымъ понятіямъ о Богѣ ведетъ очищенный здравый антропоморфизмъ, гдѣ аналогія силъ духа человѣческаго принимается за способъ къ уясненію совершенствъ Божественныхъ. Но отдавши дань вниманія словамъ Якоби и признавши необходимость антропоморфизма въ религіи, Голубинскій считаетъ своимъ долгомъ сказать, что вообще, во всѣхъ богословскихъ системахъ, не исключая и лучшей изъ нихъ—Якоби, неправильно объясняется отношеніе естественнаго богословія къ Откровенному. Установку правильнаго отношенія естественнаго богословія къ Откровенному, Голубинскій дѣлаетъ въ „Умозрительномъ Богословіи“.

Умозрительное Богословіе, по нашему мыслителю, есть си-

стематическое познаніе о Богѣ, т. е. о бытіи и свойствахъ и дѣйствіяхъ Его, которое можетъ быть составлено подъ руководствомъ идей ума, съ помощью наблюденій внутренняго и внѣшняго опыта. Въ Умозрительномъ Богословіи, при свѣтѣ этой идеи, направляясь по закону, вытекающему изъ нея, должно показать, какъ въ бытіи и свойствахъ вещей, наблюдаемыхъ опытомъ, открываются слѣды бытія и совершенствъ Божіихъ. Такимъ путемъ, прежде всего, являются путь причинности, такой путь, по которому разумъ восходитъ отъ причины къ причинѣ, и наконецъ къ высочайшей причинѣ всѣхъ условныхъ, зависящихъ причинъ; это есть основной путь, поскольку ничто конечное не имѣетъ въ себѣ начала ни бытія, ни совершенствъ, и отсылаетъ искать высшаго начала и первообраза въ Безконечномъ. Но есть еще другой путь—превосходства, который есть ни что иное, какъ видоизмѣненіе перваго; и путь отрицанія, который также есть путь восходящій, потому что представленіе несовершенствъ, на немъ открывающихся, заставляетъ насъ возвышаться надъ ними, изглаждать ихъ, чтобы не приписать оныя, какъ не свойственныя Божественному Существому. Эти пути опыта, чтобы быть очищенными, ведущими къ боговѣдѣнію, должны имѣть начала въ глубинѣ сердца, исходя изъ опыта внутренней, духовной жизни, и быть повѣряемы ею. Дѣло въ томъ, что идея Божества есть въ насъ не иное что, какъ только сѣмя, еще не развившееся въ насъ и притомъ сокрытое отъ насъ; поэтому она требуетъ полной, живой и стройной дѣятельности духа, гармоніи всѣхъ силъ духовныхъ, чтобы постепенно развиться въ опредѣленныхъ понятіяхъ. Пока человекъ не приведетъ въ дѣйствіе высшихъ нравственныхъ силъ, отъ которыхъ зависитъ гармонія нашего духа, доколѣ онъ не имѣетъ посредствующихъ ступеней, по которымъ могъ бы восходить къ познанію Бога и совершенствъ Его. По той только мѣрѣ, какъ человекъ живетъ сообразно съ нравственнымъ закономъ, въ немъ болѣе и болѣе возбуждается стремленіе къ Высочайшему Первообразу всякаго совершенства; онъ живѣе ощущаетъ въ себѣ недостатки, яснѣе видитъ высшіе дары и совершенства.

Отсюда, нашъ мыслитель приходитъ къ выводу, что истинный источникъ Богопознанія въ самомъ Богѣ. По той мѣрѣ, какъ человѣкъ въ своей дѣятельности выражаетъ сердечное исканіе Бога, Богъ благоволяетъ человѣку сообщать познаніе о Себѣ. Высочайшій даръ Богооткровенія всегда долженъ соразмѣряться съ дѣятельною жизнію человѣка. Итакъ, основнымъ начаткомъ Богопознанія служитъ дѣятельное исполненіе того назначенія, чтобы жизнь нравственнаго существа была непрерывнымъ исканіемъ Бога. Голубинскій находитъ несомнѣннымъ, что идея о Безконечномъ остается пустою, не наполненною опредѣленными понятіями, будетъ теряться въ нашемъ сознаниі, если не будетъ прилагаема къ познанію понятій конечныхъ. Одна идея, взятая сама въ себѣ, не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго познанія, но есть болѣе потребность, побуждающая разумъ къ приобрѣтенію такого познанія. Съ другой стороны, не могло бы быть этой потребности, если бы не было идеи о Безконечномъ. Безъ нея не было бы побужденія ни восходить отъ причины къ причинѣ и для конечнаго искать причины въ Безконечномъ, ни отдѣлять все несовершенное отъ существъ ограниченныхъ, соединять все совершеннѣйшее и возвышать совокупность сію въ безконечную степень. Какими бы изящными не представлялись внутреннему чувству высокія черты добродѣтели, но отъ идеи о Безконечномъ зависитъ, что надъ всѣми совершенствами въ нашемъ сознаниі безконечно возвышается первообразъ совершеннѣйшей чистоты, святости и любви всеобъемлющей; ибо всѣ совершенства въ существахъ конечныхъ суть мѣра ограниченная, которою нельзя измѣрять Безконечное. Слѣдовательно, чтобы было сознание о томъ, что они дѣйствительно въ комъ либо существуютъ въ безконечной степени, для сего необходима идея о Безконечномъ; короче, идея о Безконечномъ заставляетъ искать Существа Всесовершеннаго, какъ начала, первообраза и цѣли всякаго совершенства; при самомъ исканіи она руководитъ къ тому, чтобы отдѣлять однородное съ нею отъ разнороднаго и это собирать и совокуплять; эта же идея о Безконечномъ не позволяетъ останавливаться въ иска-

ніи на конечномъ. Такимъ образомъ, внѣшній опытъ, представляя недостатки и отрицанія, заставляетъ насъ возвышаться къ совершеннѣйшему, не имѣющему никакого недостатка; представляя доброе совершенное, побуждаетъ восходить къ Началу и Первоисточнику всего добраго.

Мы не будемъ излагать дальнѣйшихъ подробностей богословско-философскихъ воззрѣній Голубинскаго, проводимыхъ имъ въ его „Умозрительномъ богословіи“, и въ отрывкахъ изъ его „Психологіи“ и „Космологіи“: для составленія себѣ общаго понятія о философско-богословскихъ воззрѣніяхъ Голубинскаго и изложеннаго достаточно. Намъ предстоитъ теперь сказать лишь нѣсколько словъ объ общемъ значеніи прот. Голубинскаго для развитія философской мысли въ Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что это значеніе серьезно и глубоко: Голубинскій затронулъ вѣчные вопросы, волнующіе ту часть человѣчества, которая еще не погрязла окончательно въ болотѣ матеріализма и позитивизма: вопросы о Богѣ, о смыслѣ жизни, о происхожденіи міра, объ отношеніи конечнаго къ Безконечному; вопросы эти онъ рѣшалъ философско-научнымъ методомъ, и этимъ самымъ онъ первый изъ русскихъ мыслителей обосновалъ теизмъ, какъ философскую систему; слѣдовательно, онъ имѣетъ полное право на имя родоначальника русскаго теизма.

Таково его значеніе въ исторіи русской философской мысли. Но нѣтъ сомнѣнія, что его философія имѣла и немаловажное практическо-воспитательное значеніе: Она предохранила не одну молодую душу отъ увлеченія отрицательными, односторонними философскими теоріями. И съ этой точки зрѣнія, философія Голубинскаго не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ не утратила своего значенія: по отзыву одного компетентнаго ея критика, именно пр. А. И. Введенскаго, философія Голубинскаго и сейчасъ можетъ имѣть самое благотворное значеніе для современнаго юношества. Проф. Введенскій убѣжденъ ¹⁾, что среди господствующей въ современной философіи смутности и спутанности, нерѣдко самыхъ основныхъ

¹⁾ См. Богосл. Вѣстникъ 1897 г. 12: „проф. О. А. Голубинскій, какъ профессоръ философіи“, 505—507 стр.

понятій, обращеніе къ философіи Голубинскаго могло бы оказать еще не одну услугу юнымъ умамъ, особенно, въ области религіозной. Мы съ своей стороны также не сомнѣваемся, что обращеніе къ философіи Голубинскаго, дѣйствительно поддержало бы многихъ изъ молодыхъ умовъ, неустановившихся въ своихъ воззрѣніяхъ, и потому часто дѣлающихся невольными скитальцами среди дебрей чловѣческаго вѣдѣнія. Философія Голубинскаго, какъ путеводная звѣзда, безъ сомнѣнія вывела бы ихъ на прямой путь единственнаго истиннаго познанія—на путь Богопознанія.

VI.

Философія въ Кіевской Духовной Академіи. Профессора: О. М. Новицкій и С. С. Гогоцкій.

а) Орестъ Марковичъ Новицкій (р. 1806 г. ¹⁾ † 1884 г.) и его философскія воззрѣнія.

Отъ изслѣдованія философіи въ Петербургской и Московской академіяхъ, мы переходимъ теперь къ очерку состоянія философіи въ Кіевской академіи въ новый періодъ ея существованія—со времени преобразования Кіево-Могилянской академіи въ Кіевскую духовную академію. За данный періодъ философія стояла на высотѣ своего назначенія въ Кіевской духовной академіи и пользовалась большимъ вѣсомъ и среди свѣтскаго общества, что и видно хотя бы и изъ того, что за этотъ періодъ изъ Кіевской духовной академіи, больше всѣхъ академій поступило профессорами въ высшія свѣтскія учебныя заведенія: Новицкій, Гогоцкій, Михневичъ, Юркевичъ и др.—Мы не будемъ касаться подробнаго изложенія сочиненій профессоровъ Кіевской духовной академіи, а коснемся изложенія лишь общихъ и наиболѣе характерныхъ воззрѣній ихъ. Пряжде всего мы остановимся на философскихъ произведеніяхъ проф. О. М. Новицкаго. Отъ проф. Новицкаго остались слѣдующія печатныя философскія произведенія: 1) Объ упрекахъ, дѣлаемыхъ философіи въ теоретическомъ отношеніи, ихъ силѣ

¹⁾ Слѣдовательно, въ прошломъ году исполнилось столѣтіе со дня рожденія Новицкаго.

и важности (Ж. М. Н. П. 1838 г., ч. 17-я); 2) Руководство къ опытной психологіи (1840 г.); 3) О разумѣ, какъ высшей познавательной способности—(Ж. М. Н. П. 1840 г., 8); 4) Очерки Индійской философіи (Ж. М. Н. П. 1844 г. 41 и 43 и 1846 г. ч. 52); 5) Руководство къ логикѣ (1841 г.); 6) Краткое руководство къ логикѣ съ предварительнымъ очеркомъ психологіи (1844 г.) и 7) „Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій“ (1860 г. 1 ч.); ч. I-я „Религія и философія древняго востока: ч. II—религія классическаго міра и первая половина греческой философіи (до золотого вѣка ея); ч. III вторая половина греческой философіи и общій взглядъ на характеръ этой философіи; ч. IV—религія и философія александрійскаго періода.

Изъ всѣхъ указанныхъ сочиненій самое важное и серьезное, безъ сомнѣнія, послѣднее сочиненіе: оно не утратило своего научнаго значенія и теперь, въ свое же время оно было выдающимся, по своему значенію, сочиненіемъ. Въ предисловіи къ этому своему труду Новицкій даетъ перечень литературы, которою онъ пользовался при составленіи своего сочиненія. Новицкій приводитъ многія выдающіяся имена европейской учености; такъ онъ называетъ: Гегеля, Юака, Крейдера, Франка, Бранисса, Зигварта, Риттера. Но особенно авторъ считаетъ себя обязаннымъ Целлеру и его прекрасной „Философіи Грековъ“. Но, пользуясь источниками, Новицкій все-таки слѣдовалъ своему собственному плану, а иногда признавалъ необходимымъ въ изложеніи самыхъ ученій не придерживаться никого изъ своихъ предшественниковъ; такъ въ изложеніи Индійской и Китайской философіи, вѣроученія Египтянъ, ученія Пяэагора, Новицкій былъ совершенно самостоятеленъ.

Изложенію философскихъ ученій Новицкій предпосылаетъ довольно обширное введеніе (57 стр.): въ немъ онъ указываетъ на необходимость рациональнаго распорядка философскихъ ученій и даетъ общій планъ философскихъ ученій. Здѣсь же авторъ высказываетъ и свои личныя философскія убѣжденія. Для знакомства съ философскими возрѣніями Новицкаго, мы и рассмотримъ по возможности, подробнѣе это „Введеніе“.

Новицкій. какъ мы только что сказали, прежде всего доказываетъ необходимость рациональнаго распредѣленія философскихъ ученій. Но здѣсь естественно, невольно, является вопросъ: какъ можно допустить рациональное распредѣленіе тамъ, гдѣ по мнѣнію нѣкоторыхъ нѣтъ ничего, кромѣ случайныхъ самопроизвольныхъ понятій, не имѣющихъ между собою ничего общаго? Нѣтъ, такое возрѣніе на философскія ученія, по Новицкому, рѣшительно несостоятельно: нельзя быть случайнымъ и неразумнымъ тому, что происходитъ, именно въ области разума; нельзя быть безъ плана и цѣли и гармоническаго единства высшимъ проявленіямъ человѣческаго духа. Нѣтъ, уже по требованію самого разума, мы не можемъ не предполагать въ философскихъ ученіяхъ внутренняго единства и разумной послѣдовательности. Открыть это единство, а чрезъ то смыслъ и значеніе философскихъ ученій, и составить задачу исторіи философіи. На пути же къ этой цѣли, необходимо, прежде всего сдѣлать построеніе общаго плана философскихъ ученій. Нѣкоторые историки философіи, напр., Фризь находятъ, въ силу самой сущности философіи, неумѣстнымъ построеніе плана философскихъ ученій, ибо вѣдь содержаніе исторіи философіи есть дѣло свободы, а свобода не подчиняется закону логической необходимости; слѣдовательно, и построить строго логическій планъ немыслимо. Но Новицкій находитъ несостоятельнымъ это мнѣніе, такъ какъ свободное развитіе духа въ философскихъ ученіяхъ не исключаетъ въ нихъ разумной необходимости—свобода не есть безосновной произволь: она имѣетъ свой законъ въ коренной сущности духа, въ его разумной природѣ и на основаніи этого то разумнаго закона самая случайность отдѣльныхъ фактовъ возвышается до разумной необходимости. Итакъ, заключаетъ Новицкій, построеніе плана возможно. Что касается путей, методовъ этого построенія, то здѣсь можно держаться двухъ путей: или спекулятивнаго, чисто синтетическаго, или эмпирико-рациональнаго, аналитико-синтетическаго.

Новицкій счелъ необходимымъ соединить оба эти пріема при обзорѣ философскихъ ученій: аналитическое обзорѣніе

ихъ примыкаетъ своими главными сторонами къ синтетическому построению общаго плана; но это построение есть результатъ предварительнаго анализа изученія фактовъ и опять оправдывается фактами же. Необходимость такого совмѣщенія методовъ Новицкій видитъ въ самой природѣ философіи. Философія не есть познаніе, приобрѣтенное только извнѣ, чрезъ стороннее наученіе; она есть по преимуществу знаніе, почерпаемое нами самими изъ насъ же самихъ, есть развитіе того, что положено въ нѣдрахъ безсмертнаго человѣческаго духа, что завито въ его идеяхъ, составляющихъ сущность нашего разума, самую, такъ сказать, его разумность. Какъ искусство невозможно безъ идеала, такъ философія невозможна безъ идей. Безъ идей взглядъ на вещи не принадлежитъ философіи, какъ произведеніе, чуждое идеала, не относится къ искусству. Но въ глубинѣ нашего духа, при первомъ пробужденіи идей, при первомъ движеніи философіи къ развитію, она необходимо встрѣчается съ религіей, съ религіозными убѣжденіями и вѣрованіями. Отсюда желающій вывести распорядокъ философскихъ ученій изъ природы самой философіи необходимо долженъ коснуться и вопроса объ отношеніи философіи къ религіи. Но, съ другой стороны, философія по своей сущности, есть наука чистаго мышленія, т. е. знаніе, для котораго мысль есть первое достовѣрное, которому опытъ служитъ только внѣшнею и отрицательною исходною точкою, но котораго истинность не зависитъ отъ опыта, потому что наоборотъ, истинность опыта зависитъ отъ его отношенія къ мысли; и самая истина для нашего духа есть согласіе мысли и бытія мыслимаго. Отсюда, чтобы во всемъ разнообразіи философскихъ ученій найти рациональный распорядокъ, имъ свойственный, надо искать его преимущественно въ отношеніяхъ мысли къ мыслимому бытію. Новицкій и разбираетъ эти отношенія: сперва философіи къ религіи, а затѣмъ нашего мыслящаго духа къ мыслимому бытію.

Что касается отношеній религіи къ философіи, то онѣ, въ существеннѣйшемъ своемъ содержаніи, сходятся между собою, потому что обѣ онѣ обращены къ высшему, сверхчувственному

порядку вещей, и этотъ порядокъ есть одинъ и тотъ же для философіи и для религіи. Самое содержаніе религіи есть существеннѣйшее содержаніе и философіи: бытіе и свойство Безусловнаго Существа, отношеніе къ Нему міра и человѣка, безсмертіе души и нравственныя требованія человѣческой природы—составляютъ существеннѣйшую задачу и философіи. Но сходясь на одномъ и томъ же содержаніи, философія и религія различаются однако же между собою способомъ усвоенія себѣ этого содержанія, формою, подъ которою сознаютъ одну и ту же истину. Истины, относящіяся къ высшему порядку вещей, обнаруживаются и ощущаются прежде всего въ формѣ непосредственности, или внутренняго чувства, усвояются духомъ въ видѣ непосредственныхъ сердечныхъ убѣжденій и вѣрованій, и въ этомъ видѣ составляютъ содержаніе естественной религіи. Философія же, какъ наука чистаго мышленія, старается усвоить свое содержаніе посредственнымъ познаніемъ, посредствомъ логическихъ соображеній, доказательствъ, выводовъ, и понимаетъ мыслимое лишь подъ формою чистой мысли; а форма чистой, спекулятивной мысли состоитъ въ томъ, что общее свое содержаніе она разлагаетъ на части, части раздробляетъ на дальнѣйшіе моменты; открываетъ между ними различіе и затѣмъ сравниваетъ ихъ, и путемъ продолжительнаго умственнаго труда восходитъ къ сознанію ихъ единства, ихъ цѣлости. Въ религіи Безусловное открывается, какъ непосредственное присутствіе Его въ человѣческомъ сознаніи, а въ философіи, какъ мысль о Безусловномъ; религія преимущественно живетъ въ убѣжденіяхъ сердца, а философія въ понятіяхъ разума.

Далѣе религія и философія отличаются между собою и по своему значенію и достоинству. Религія, по своему значенію, гораздо выше и шире философіи. Философія есть занятіе только немногихъ; религія—достояніе всѣхъ; всякій человѣкъ носитъ во внутреннемъ бытіи своемъ религіозное чувство. Затѣмъ философскія понятія не имѣютъ и той глубины и жизненности, которая принадлежитъ лишь религіи; она исходитъ изъ внутреннѣйшаго глубочайшаго основанія жизни человечества и

потому есть выраженіе внутреннѣйшихъ ея тайнъ; всѣ отношенія человѣческой жизни сходятся отдѣльными лучами въ религіи, какъ въ своемъ фокусѣ—всѣ утверждаются въ ней и животворятся ею; корень самой философіи заключается въ религіи; отторгнутое отъ этого корня, заключенное въ чисто отвлеченныхъ понятіяхъ, философское мышленіе мертвѣетъ, или приноситъ плоды незрѣлые и горькіе; только въ религіозномъ чувствѣ философія всегда находила неизсякаемый источникъ высшихъ животворныхъ положеній. Наконецъ, религія выше философіи и въ томъ, что философія развивается среди нескончаемыхъ противорѣчій и борьбы понятій и не можетъ даровать мира и успокоенія, не можетъ удовлетворить сердца; религія же есть такая область сознанія, гдѣ разрѣшаются всѣ загадки міра, гдѣ примиряются всѣ противорѣчія мысли, гдѣ успокаиваются всѣ печали и тревоги сердца—религія есть область вѣчной истины, вѣчнаго покоя, вѣчнаго мира. Различаясь по формѣ и значенію, философія и религія не остаются постоянно въ одномъ и томъ же отношеніи, сущность и форма этихъ отношеній можетъ мѣняться, смотря по степени развитія религіи и философіи. Такъ, въ періодъ естественныхъ религій, до христіанства философія не могла много заимствовать отъ религіи; въ періодъ же христіанской религіи философія многое заимствовала отъ религіи. Также и философія различно относится къ религіи.

Для выясненія различнаго характера отношенія философіи къ религіи, Новицкій устанавливаетъ свои общія гносеологическія воззрѣнія. Развивая эти свои воззрѣнія, Новицкій, прежде всего, подчеркиваетъ ту мысль, что кругъ нашихъ познаній не ограничивается опытомъ: есть идеи истины, добра и красоты. Нельзя сказать, чтобы эти идеи были приращены нашему разуму, т. е., чтобы какія бы то ни было представленія и понятія по самой природѣ ихъ существовали въ немъ, какъ нѣчто данное и готовое; идеи лежатъ въ разумной природѣ нашей только, какъ предразположенность, какъ неразвитое зерно, и, слѣдовательно, только какъ возможность известныхъ понятій, а не дѣйствительно данное понятіе; какъ

инструментъ не заключаетъ въ себѣ готовыхъ звуковъ, но тотчасъ издаетъ ихъ, согласно своему построению, какъ скоро коснется его опытная рука, такъ нашъ разумъ, заключая въ себѣ высшія идеи лишь въ возможности, раскрывается однако-же ими при первомъ пробужденіи его самодѣятельности ¹⁾.

Каждый человѣкъ самъ собою, независимо отъ опыта и даже отчетливаго сознанія, мыслить по законамъ логики, обсуживаетъ явленія природы по ея всеобщимъ законамъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ по необходимымъ требованіямъ долга и вѣчнымъ идеаламъ Божества; богоподобный человѣческій духъ самъ собою раскрывается этими идеями и требованіями вслѣдствіе самой природы своей, вслѣдствіе своей разумности. Эта то разумность и самодѣятельность духа, или разума, есть главный источникъ философскаго знанія, а идеи, непосредственно возникающія въ насъ изъ этой разумной самодѣятельности, составляютъ содержаніе философіи; а потому порядкомъ развитія идей долженъ опредѣляться и процессъ развитія самой философіи. Въ какомъ же порядкѣ развиваются идеи? Тогда какъ сознаніе и воля, положенныя въ основаніе познавательныхъ и желательныхъ способностей, суть какъ бы двѣ стороны нашей душевной жизни, чувствованіе составляетъ ея средоточіе, въ которомъ сознаніе и воля сходятся въ возможно большемъ равновѣсіи и тождествѣ. Здѣсь же, въ средоточіи нашей душевной жизни, въ нашемъ чувствованіи, должны отражаться и идеи нашего разума при самомъ возбужденіи ихъ къ развитію.

И дѣйствительно, какъ разумъ нашъ есть отраженіе Разума Божественнаго, такъ чувствованіе есть ближайшее отраженіе проявленія нашего разума; еще до развитія нашего самосознанія, въ чувствѣ истиннаго, добраго и прекраснаго ощущается самооткровеніе разума; его идеи, какъ неотразимыя убѣжденія и требованія духа, въ этомъ видѣ всеобщи, принадлежатъ всему человѣчеству и имѣютъ значеніе не субъективное только, но общечеловѣческое, какъ выраженіе общечеловѣческой разумности. Всякій человѣкъ по непосредственному

¹⁾ Аналогичныя мысли, только болѣе подробно.

внутреннему чувствуванію признаетъ бытіе Верховнаго Существа, твердо вѣритъ въ обязанность дѣлать добро, инстинктивно чувствуетъ красоту и стройность міра, не сомнѣвается въ безсмертіи своей души, въ будущемъ воздаяніи и т. под. Но всѣ эти истины, пока заключаются въ области чувствованій, смутно ощущаются сердцемъ, какъ неясныя требованія духа, и лишь постепенно, параллельно съ общимъ развитіемъ чело-вѣка, начинаютъ болѣе и болѣе уясняться. Въ порядкѣ уясненія развитія идей совершается 3 фазиса: сначала, въ сферѣ чувства идеи покоятся въ своей первоначальной, неразвитой общности; затѣмъ выступаютъ изъ нея, подъ приѣмами разсудка, раздробляются и развиваются; и наконецъ, въ области разума, снова возвращаются къ своей общности, но высшей, свободно созерцаемой. Этими тремя фазисами своего развитія философія поставляется въ 3-хъ отношеніяхъ къ религіи: 1) сначала философія заключается въ предѣлахъ религіи, но разсматриваетъ общее съ ней содержаніе своимъ особымъ образомъ; 2) отдѣляется отъ религіи и часто даже становится во враждебное отношеніе; 3) снова обращается къ религіи, старается примириться съ нею, признать разумомъ то, что религія признаетъ сердцемъ.

Въ исторіи чело-вѣческой мысли Новицкій находитъ подтвержденіе порядку этихъ фазисовъ. Такъ, древній Востокъ соотвѣтствовалъ 1-му фазису отношенія философіи къ религіи; Греція—2-му; Александрія—3-му. И въ новое время можно прослѣдить тѣ же фазисы: философія отцовъ и схоластика соотвѣтствуютъ 1-му фазису; новая философія 2-му; въ скоромъ же будущемъ есть основаніе ожидать наступленія 3-го фазиса возвращенія философіи къ христіанской религіи.

Указавши отношеніе философіи къ религіи, Новицкій далѣе показываетъ отношеніе нашего мыслящаго духа къ мыслимому бытію. Сперва онъ указываетъ *общее* отношеніе между духомъ и бытіемъ.

Общес отношеніе между духомъ и бытіемъ состоитъ въ томъ, что мыслящій духъ нашъ можетъ мыслить и познавать бытіе: но онъ можетъ мыслить только подъ условіемъ развитія

сознанія. Сознаніе же проходитъ двѣ различныя ступени: на первой ступени оно бываетъ наивное, непосредственное, не сомнѣвающееся въ возможности познанія и постиженія истины; на 2-ой же ступени оно вникаетъ въ противоположность мысли и бытія, и старается объяснить, понять эту противоположность. Съ этой точки зрѣнія всю исторію философіи можно раздѣлить на 2 большихъ періода: на міръ языческой и міръ христіанскій.

Далѣе, Новицій указываетъ частнѣйшее отношеніе между мыслящимъ духомъ и бытіемъ. Это отношеніе можетъ быть разсматриваемо: 1) со стороны духа и 2) со стороны бытія. Со стороны духа можно разсматривать способности, которыми онъ познаетъ бытіе; со стороны же бытія, можно разсматривать, какъ оно становится передъ духомъ, и какъ даетъ себя постигать ему. Познавательныя способности нашего духа, по степени своего развитія и дѣятельности сводятся къ 2 категоріямъ: къ низшимъ и высшимъ способностямъ. Низшія познавательныя способности суть чувства внѣшнія и внутреннія. Посредствомъ внѣшнихъ чувствъ мы наблюдаемъ богатство и разнообразіе явленій міра вещественнаго. Чрезъ внутреннее же чувство мы ощущаемъ собственно явленія нашего внутренняго, духовнаго міра, ощущаемъ движенія и состоянія нашей души; въ силу этого внутреннее чувство служитъ дополненіемъ къ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, къ эмпирическому уразумѣнію дѣйствительности; но среди эмпирическихъ элементовъ внутренняго чувства есть и элементъ идеальный, чисто философскій: еще до развитія самосознанія, въ глубинѣ нашего сердца живутъ въ видѣ непосредственныхъ чувствованій высшія разумныя убѣжденія, какъ отраженіе идей разума, убѣжденіе, напр. въ бытіи Бога, въ нравственномъ предназначеніи человѣка и т. п. По этимъ то убѣденіямъ, касающимся высшаго, идеальнаго бытія, внутреннее чувство, ихъ воспринимающее, есть одинъ изъ источниковъ философскаго познанія.

Высшею стороною познавательныхъ способностей является разумъ. Какъ отраженіе разума Божественнаго, онъ непосредственно обращенъ къ сверхчувственному; при этомъ обращеніи

разумъ ничѣмъ не опредѣляется, кромѣ своей собственной природы: онъ есть самодѣятельность духа и потому независимо отъ предметовъ свободно созерцаетъ въ самомъ себѣ сверхчувственное, созерцаетъ идеи истины, добра, красоты, которыя суть ничто иное, какъ самооткровеніе разума. Но чтобы идеи эти перешли въ знаніе, для этого необходимъ органъ. Такимъ органомъ, какъ философскаго, такъ и всякаго вообще познанія, является разсудокъ. Разсудокъ находится, какъ бы по срединѣ между высшими и низшими познавательными способностями: онъ въ равной мѣрѣ пользуется и наблюденіями ви́шнихъ чувствъ и убѣжденіями сердца и умственными созерцаніями, какъ матеріаломъ, разрабатываетъ ихъ по однимъ и тѣмъ же законамъ и формамъ въ понятія, которыя потомъ въ видѣ сужденій и умозаключеній прилагаетъ къ предметамъ для уразумѣнія ихъ сущности. Дѣятельность разсудка, предметная по своему содержанію, но отрѣшенная отъ предметовъ по своей формѣ и потому свободная, есть самое обдуманное и отчетливое выраженіе непосредственнаго, какъ реальнаго, такъ и идеальнаго вѣдѣнія, и называется мышленіемъ. Мышленіе, обращенное на представленія, данныя чувственнымъ наблюденіемъ, называется эмпирическимъ; когда же мышленіе приводитъ къ сознанію идеи разума и убѣжденія сердца, оно называется чистымъ, или спекулятивнымъ. Это то спекулятивное мышленіе и есть надлежащій органъ философствованія.

Предметомъ философіи является сознающее „Я“, сознаваемое не „я“ и первая причина того и другого. Но вначалѣ всѣ эти 3 момента—человѣкъ, міръ и Богъ представляются въ своемъ единствѣ, всеобщности. Но при дальнѣйшемъ изслѣдованіи бытія, мышленіе обращаетъ вниманіе на какую либо одну сторону бытія;—на послѣдней же ступени изслѣдованія всѣ стороны бытія снова сходятся предъ сознаніемъ въ одно бытіе, въ одинъ предметъ философскаго міросозерцанія. Что же касается вопроса достовѣрности познанія, вопроса объ отношеніи субъекта познанія къ его объекту, то мыслящій духъ можетъ обращаться къ мыслимому бытію тремя главными способностями: 1) чувствомъ, въ связи съ фантазіей; 2) разсудкомъ и 3) разумомъ. Исторія философіи подтверждаетъ это.

Въ древне-восточной философіи преобладали: внутреннее чувство и фантазія; въ Греціи—господствующею познавательною способностью становится разумъ. Въ философіи Александрійской—разумъ, также и въ философіи міра христіанскаго; въ философіи отцовъ и схоластики—господствуетъ внутреннее чувство, фантазія (у мистиковъ). Въ новой философіи разумъ; въ 3-мъ, ожидаемомъ періодѣ, долженъ господствовать разумъ.

Въ концѣ своего „Введенія“ Новицкій показываетъ значеніе философіи для общества. Философія выражаетъ обновленіе, развитіе жизни общества. Она переводитъ на языкъ мысли то, что въ обществѣ совершается непосредственно; она показываетъ смыслъ событій.

Цѣль усилій человѣческаго духа, изображаемыхъ исторіей философіи, есть постепенное достиженіе истины; цѣль этого достиженія состоитъ не въ принятіи только готовыхъ познаній, но въ самостоятельномъ ихъ произведеніи и возведеніи ихъ къ свѣту сознанія, а также въ достиженіи разумно-свободнаго, истинно-нравственнаго способа дѣйствованія человѣка.

Для достиженія истины философіи необходимы два полюса: 1) духъ, какъ начало познающее и 2) бытіе, предметъ познанія; истина и есть уравненіе познающаго духа съ бытіемъ познаваемымъ. Для достиженія же разумно-свободнаго, истинно-нравственнаго способа дѣйствованія, на поприщѣ исторіи необходимы 2 дѣятеля: воля человѣка, какъ начало дѣйствующее, и начало общее, объективно-божественное—идея добра.

Въ заключеніе къ своему „Введенію“ Новицкій рисуетъ картину развитія жизни человѣчества, соотвѣтственно ходу философскихъ ученій.

На Востокѣ замѣчается погруженіе частнаго въ общее; и потому здѣсь только одинъ самостоятеленъ и свободенъ, какъ представитель общаго; всѣ другіе въ сравненіи съ нимъ не имѣютъ личности и самостоятельности.

Отсюда первая форма правленія—деспотизмъ. Въ Греціи частное уравновѣшивается общимъ, но это равновѣсіе не обнимаетъ еще всѣхъ, и потому въ греческомъ мірѣ, при формѣ

правленія демократической, только нѣкоторые пользуются правами личной самостоятельности, а прочіе, какъ рабы и варвары, не имѣютъ этихъ правъ. Въ римскомъ мірѣ частное противоборствуетъ общему; угнетаемый народъ—аристократіи; а потому и здѣсь пріобрѣтаютъ личную самостоятельность только нѣкоторые, при формѣ правленія аристократической.

Въ мірѣ христіанскомъ частное преобладаетъ надъ общимъ и потомъ ищетъ своего примиренія съ нимъ; здѣсь всѣ получаютъ самостоятельность и свободу, понимаемую сначала, какъ естественную потребность, затѣмъ—какъ разумное требованіе, и которую, наконецъ, должно понять и усвоить, какъ истинно-нравственную самостоятельность и истинно-христіанскую свободу и слѣдовательно, какъ даръ высшей, благодатной помощи; форма правленія—монархическая. Первую ступень жизни человѣчества выразили народы восточные, вторую народъ греческій, третью римскій міръ, четвертую и пятую народы германскіе, а шестой, по справедливости, можно ожидать отъ народовъ славянскихъ. Въ исторіи философскихъ ученій главные фазисы ея, соотвѣтственно тѣмъ же степенямъ жизни человѣчества, выражаютъ: на Востокѣ Віаса своимъ всепоглощающимъ пантеизмомъ, въ Греціи Сократъ, поставившій человѣка исходною точкою философіи, и Платонъ, указавшій на отношеніе общаго и частнаго, объективной божественной идеи и субъективной человѣческой воли; въ римскомъ мірѣ Плотинъ, открывшій распаденіе идеальнаго и реальнаго міра—Климентъ Александрійскій, высказавшій различіе и согласіе христіанской религіи и философіи; въ средніе вѣка Ансельмъ, первый вызвавшій къ сознанію противоположности схоластической философіи; наконецъ, во времена новыя Кантъ, искавшій примиренія мысли и бытія въ законахъ собственнаго я.

Мы не будемъ излагать дальнѣйшихъ подробностей главнаго произведенія Новицкаго: „Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій“; для уясненія себѣ общаго философскаго міровоззрѣнія Новицкаго вполне достаточно и изложеннаго нами „Введенія“ въ этотъ трудъ, такъ какъ въ этомъ „Введеніи“, какъ мы выше уже упоминали, болѣе всего и содер-

жится данныхъ для уясненія характера философскихъ воззрѣній Новицкаго. Но мы, не входя въ подробности, все же должны сказать, что главный философскій трудъ Новицкаго, по научности, былъ выдающимся явленіемъ своей эпохи, а также и по новизнѣ предмета изслѣдованія. Древняя философія, особенно восточныхъ народовъ, совсѣмъ не была предметомъ изслѣдованія на русскомъ языкѣ, и потому трудъ Новицкаго, отличавшійся глубокою научностью, явился прямо вкладомъ въ русскую философскую литературу и, безъ сомнѣнія, долженъ былъ занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ этой литературѣ.

А. Никольскій.

(Продолженіе булетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Мая № 9 1907 года.

Содержаніе. I. Высочайшія награды.—Высочайшее утвержденіе, въ 25-й день апрѣля 1907 года, положеніи о составѣ предстоящаго чрезвычайнаго собора русской церкви и порядкѣ производства дѣлъ на ономъ.—Епархіальный извѣщеніи.—Отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1906-й годъ (31 годъ существованія).—Опечатки

I.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Высочайшимъ приказомъ по вѣдомству православнаго исповѣданія, 6-го мая 1907 г. награждаются орденами: св. Анны 2-й степени учитель Харьковскаго духовнаго училища, падв. сов. *Марченко*; св. Анны 3-й ст.: кол. сов. преподаватель Харьковск. дух. училища *Иванъ Булаковъ*; кол. асс. инспекторъ Харьковской духовной семинаріи *Леонидъ Батрецовъ* и преподаватель той же семинаріи, *Сергѣй Чистосердовъ*, членъ казначей богодуховскаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, тит. сов. *Николай Покровский*; св. Станислава 2-й ст.: помощникъ смотрителя купянскаго духовнаго училища, ст. сов. *Иванъ Лосіевскій*, Харьковскій епархіальный наблюдатель церковныхъ школъ, падв. сов. *Василій Давыденко*; св. Станислава 3-й ст. учитель купянскаго духовнаго училища, кол. асс. *Михаилъ Ульяницкій*.

Высочайше утвержденныя, въ 25-й день апрѣля 1907 года, положенія о составѣ предстоящаго чрезвычайнаго собора русской церкви и порядкѣ производства дѣлъ на ономъ.

1. Соборъ состоитъ изъ епископовъ, клириковъ и мирянъ.
2. Епархіальные епископы обязательно присутствуютъ на соборѣ, викарные же и пребывающіе на покое являются на соборъ по приглашеніямъ Святейшаго Синода.
3. Епархіальные епископы, не могущіе явиться на Соборъ, по благословенной винѣ, посылаютъ на соборъ своихъ замѣстителей, съ правомъ голоса, изъ лицъ священнаго сана.

4. Кляряки и міряне, приглашенные на соборъ, участвуютъ въ обсужденіи всѣхъ соборныхъ дѣлъ и вопросовъ, но соборныя опредѣленія и постановленія составляются и подписываются одними епископами или замѣстителями ихъ.

5. Для предварительнаго разсмотрѣнія вопросовъ, какъ они будутъ поставлены соборомъ, образуются, если соборъ усмотритъ въ томъ надобность, изъ членовъ его, какъ епископовъ, такъ и кляряковъ и мірянъ, особыя совѣщанія, которыя и вносятъ свои заключенія на обсужденіе собора.

6. Отъ каждой епархіи вмѣстѣ съ епископомъ является на соборъ по два члена: одинъ отъ кляра и одинъ отъ мірянъ.

7. Отъ придворнаго и военнаго духовенства вмѣстѣ съ протопресвитерами, завѣдывающими тѣмъ и другимъ духовенствомъ, являются на соборъ по два члена: одинъ изъ священниковъ и одинъ изъ церковныхъ ктиторовъ, по избранію протопресвитеровъ.

8. Выборы въ члены собора отъ епархій производятся на приходскихъ, благочинническихъ и епархіальныхъ собраніяхъ. На приходскихъ собраніяхъ избираются представители отъ мірянъ по одному на каждый приходскій причтъ. Причты благочипія вмѣстѣ съ приходскими представителями на благочинническомъ собраніи избираютъ изъ своего состава одного священника и одного мірянина въ епархіальное выборное собраніе. Последнее изъ своего состава избираетъ трехъ священниковъ и трехъ мірянъ, изъ коихъ епархіальный архіерей утверждаетъ одного священника и одного мірянина для участія на соборѣ. Порядокъ самыхъ выборовъ опредѣляется особыми правилами, выработанными Святѣйшимъ Синодомъ.

9. Участвуютъ на соборѣ, на правахъ членовъ, представители отъ единаго вѣрія, монастырей, духовныхъ академій и иныхъ церковныхъ учрежденій, а равно и частныя лица, извѣстные своею богословскою ученостію или любовью къ церковному просвѣщенію и вообще своимъ усердіемъ къ церкви, по усмотрѣнію Святѣйшаго Синода.

10. Предсѣдательствуетъ на соборѣ первенствующій членъ Святѣйшаго Синода, два же другихъ митрополита являются его замѣстителями.

11. Для дѣлопроизводства на соборѣ образуется Святѣйшимъ Синодомъ секретаріатъ изъ палачныхъ служащихъ въ синодальныхъ учрежденіяхъ, подчиненный предсѣдателю собора. Къ участию въ работахъ его могутъ быть приглашаемы ученые богословы и канонисты.

12. Соборныя засѣданія должны быть открытыми, но нѣкоторыя засѣданія могутъ быть и закрытыми, если то признаетъ необходимымъ со-

форъ, при чемъ порядокъ допущенія постороннихъ лицъ опредѣляется правилами, утвержденными Святѣйшимъ Синодомъ.

13. Соборныя работы публикуются секретаріатомъ или въ видѣ краткихъ сообщеній, или стенографическихъ отчетовъ.

14. Мѣстомъ собора избирается Москва.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1. Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Мѣщанинъ Георгій *Москаленко* опредѣленъ 12 апрѣля на діаконое мѣсто при Георгіевской церкви, слоб. Барвенковой, Изюмскаго уѣзда.

б) Учитель церковно-приходской школы Сильвестръ *Асмоловъ* опредѣленъ 12 апрѣля на діаконое мѣсто при Христорождественской церкви, слоб. Верхняго-Салтова, Волчанскаго уѣзда.

в) Сынъ псаломщика Григорій *Соболевъ* опредѣленъ н. д. псаломщика къ Рождество-Богородичной церкви, слободы Бупчужной, Старобѣльскаго уѣзда, 16 апрѣля.

г) Бывшій псаломщикъ Иванъ *Измаиловъ* опредѣленъ 16 апрѣля н. д. псаломщика къ церкви села Бороваго, Зміевскаго уѣзда.

д) Сынъ псаломщика Иванъ *Пантелеимоновъ* опредѣленъ 16 апрѣля н. д. псаломщика къ Соборной Троицкой церкви, города Зміева.

е) Студентъ 1-го курса, Харьковскаго Технологическаго Института, Евгений *Зубковъ* опредѣленъ 1 мая сего года на священническое мѣсто при Николаевской церкви, села Будокъ, Лебединскаго уѣзда.

ж) Ректоръ Воронежской Духовной Семинаріи, протоіерей Василій *Борисовльбскій* опредѣленъ 1 мая на священническое мѣсто при Благовѣщенской церкви, города Харькова.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Діаконы Георгіевской церкви, слоб. Барвенковой, Изюмскаго уѣзда, Евгений *Кунцынъ* перемѣщенъ 12 апрѣля на діаконое, мѣсто при Иоанно-Предтечевской церкви, села Основы, Харьковскаго уѣзда.

б) Псаломщикъ церкви слоб. Черкасской Лозовой, Харьковскаго уѣзда, Евлампій *Горбуновъ* и н. д. псаломщика церква села Лозоваго, Богодуховскаго уѣзда, Іосифъ *Чиркинъ* перемѣщены 17 апрѣля одинъ на мѣсто другого.

в) Священникъ Николаевской церкви, села Будокъ, Лебединскаго уѣзда, Григорій *Жуковъ* опредѣленъ 3 мая на священническое мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Семеновки, Изюмскаго уѣзда.

г) Псаломщикъ Иоанно-Предтечевской церкви, села Токарей, Сумскаго уѣзда, Максимъ *Перепелица*, перемѣщенъ 1 мая на псаломщическое мѣсто при Всѣхсвятской церкви, села Малой Чернетчины, того же уѣзда.

д) И. д. псаломщика Преображенской церкви, слободы Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, Яковъ *Жуковский* перемѣщенъ 3 мая къ церкви Успенской, въ слоб. Марковкѣ, Старобѣльскаго уѣзда.

3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Псаломщикъ Христорождественской церкви, села Бороваго, Зміевского уѣзда, Евгеній *Оульковъ* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 9 апрѣля.

б) Протоіерей Харьковской Благовѣщенской церкви Николай *Теодоровъ*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 1 мая.

в) Священникъ Ахтырско-Богородичной церкви, слободы Бугаевки, Изюмскаго уѣзда, Макарій *Крохатскій*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 1 мая.

г) Діаконъ Троицкой церкви, слоб. Качаловки, Богодуховскаго уѣзда, Венедиктъ *Булдовскій*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 4 мая.

4. О смерти среди духовенства.

а) Діаконъ Иоанно-Предтечевской церкви, села Основы, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Кунцицынъ* умеръ 9 апрѣля.

б) Священникъ Митрофаніевской церкви, слоб. Пантюхиной, Старобѣльскаго уѣзда, Константинъ *Жуковский* умеръ 20 апрѣля.

в) Псаломщикъ Успенской церкви, слоб. Марковки, Старобѣльскаго уѣзда, Стефанъ *Жуковский* умеръ 14 апрѣля.

г) Діаконъ-псаломщикъ Всѣхсвятской церкви, села Малой Чернетчины, Сумскаго уѣзда, Александръ *Федоровскій* умеръ 22 апрѣля.

г) Псаломщикъ Покровской церкви, города Богодухова, Василій *Поповъ* умеръ 21 апрѣля.

5. О награжденіи духовныхъ лицъ.

Награждены Епархіальнымъ Начальствомъ къ 6 му мая 1907 года:

а) снуфьею: священникъ церкви слоб. Губаровки, Богодуховскаго уѣзда Платонъ *Ведримскій*, священникъ Николаевской церкви, слоб. Новой Рябины, того же уѣзда, Петръ *Черняевъ*, священ. Воскресенской церкви, слоб. Новой-Водолаги, Валковскаго уѣзда, Тихонъ *Федоровскій*, священ. церкви слоб. Терновой, Волчапскаго уѣзда, Іоаннъ *Губановъ*, священникъ церкви слоб. Голой Долины, Изюмскаго уѣзда, Евгеній *Проскурниковъ*,

священ. церкви слоб. Карназпновки, Купянскаго уѣзда, Антоній *Васютинъ*, священ. церкви слоб. Великаго Бобрыка, Сумскаго уѣзда, Михаилъ *Момлянскій*, священ. церкви слоб. Подгоровки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Бришловскій*, священ. церкви слоб. Комаровки, Харьковскаго уѣзда, Григорій *Орловскій*, священ. Николаевской церкви, слоб. Липецъ, того же уѣзда, Николай *Ладенко*, священ. церкви села Непокрытаго, того же уѣзда, Георгій *Волобуевъ*, священ. Александро-Невской церкви, при Харьковскихъ Богоугодныхъ заведеніяхъ, Михаилъ *Слуцкій*, священникъ Николаевской церкви, слоб. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, Константія *Котляровъ*, свящ. церкви слоб. Протопоповки, Изюмскаго уѣзда, Митрофанъ *Щербина*, священ. церкви слоб. Буймера, Лебединскаго уѣзда, Онисимъ *Семеновъ*, священ. Николаевской церкви, слоб. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, Евгенийъ *Краснокутскій* а б) набедренникомъ: священ. церкви слоб. Таравовки, Зміевскаго уѣзда, Валеріанъ *Соколовъ*, священ. церкви села Терноваго, Зміевскаго уѣзда, Александръ *Котляровъ*, священникъ церкви села Богородичнаго, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Федоровъ*, священ. церкви села Знаменскаго, того же уѣзда, Алексѣй *Поповъ*, священ. церкви слоб. Михайловки, того же уѣзда, Леонидъ *Краснокутскій*, надзиратель Кушанскаго духовнаго училища, священ. Сергѣй *Дубровинъ*, священ. церкви слоб. Петро-Павловки, Купянскаго уѣзда, Іоаннъ *Корнильевъ*, священ. церкви слоб. Отрадной, того же уѣзда, Алексѣй *Ромальскій*, священ. церкви слоб. Ново-Млинска, того же уѣзда, Іоаннъ *Лободинъ*, священ. церкви села Райгородскаго, того же уѣзда, Іоаннъ *Матѣевъ*, свящ. церкви слободы Бѣлоцерковки, того же уѣзда, Николай *Трояновъ*, священ. церкви слоб. Свистуновки, того же уѣзда, Петръ *Макаревскій*, священ. церкви слоб. Токарей, Сумскаго уѣзда, Сергѣй *Стеллецкій*, священ. Покровской церкви, слоб. Нижней Сыроватки, Сумскаго уѣзда, Николай *Стефановскій*, священ. церкви слоб. Великотска, Старобѣльскаго уѣзда, Дмитрій *Люминарскій*, бывшій священ. церкви слоб. Шелестовой, Старобѣльскаго уѣзда Леонидъ *Дранниковъ* и священникъ церкви слоб. Святодмитріевки, того же уѣзда, Владиміръ *Чалый*.

6. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви села Радоми, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 8 апрѣля старостою крестьянинъ Михаилъ *Кравченко*.

б) Къ Александро-Невской церкви, слободы Нижней Дуванки, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 8-го апрѣля старостою дворянинъ Константія *Кочака*.

- в) Къ церкви села Удъ, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 9 апрѣля старостою крестьянинъ Елевсей *Важиневъ*.
- г) Къ Харьковской Архангело-Михаиловской церкви, утвержденъ 9-го апрѣля старостою мѣщанинъ Евфимъ *Ефремовъ*.
- д) Къ церкви слоб. Большой Даниловки, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 13 апрѣля старостою крестьянинъ Николай *Безпальи*.
- е) Къ церкви села Григоровки, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 19 апрѣля старостою мѣщанинъ Николай *Юдинъ*.
- ж) Къ церкви села Стеблянкина, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 27 апрѣля старостою крестьянинъ Петръ *Фурдыла*.
- з) Къ церкви села Щурова, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 30 апрѣля старостою крестьянинъ Юсифъ *Губарь*.
- и) Къ церкви села Комаровки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 1-го мая старостою купецъ Гаврилъ *Холодовъ*.
- і) Къ Николаевской церкви, слоб. Новой Айдаря, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 2 мая старостою крестьянинъ Иванъ *Позняковъ*.
- к) Къ церкви слоб. Боровеньки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 2 мая старостою крестьянинъ Алексѣй *Коваленко*.
- л) Къ Старобѣльской кладбищенской Іоанно-Предтечевской церкви утвержденъ 2 мая старостою купецъ Николай *Григорьевъ*.

7. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

- а) Священникъ Архангело-Михаиловской церкви, города Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда, Іоаннъ *Федоровъ* утвержденъ 9 апрѣля законоучителемъ Краснокутскаго Александровскаго ремесленнаго училища.
- б) Священникъ Троицкой церкви, слободы Мостковъ, Старобѣльскаго уѣзда, Константинъ *Насѣдкинъ* утвержденъ 9 апрѣля законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

8. О перемѣщеніи монашествующихъ.

- а) Настоятельница Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря игуменія *Аполлинарія* уволена отъ должности настоятельницы съ назначеніемъ въ начальницы, Александро-Маринской общины, Курской епархіи.
- б) Монахиня Богодуховскаго монастыря *Емилія* 29 марта зачислена въ составъ сестеръ Москвитнскаго монастыря Сухумской епархіи.

9. О присоединеніи къ православію.

Священникомъ Троицкой церкви, слоб. Качаловки, Богодуховскаго уѣзда, *Теодоромъ Стрижаковымъ* присоединены изъ штундистской общины къ

православію слѣдующія лица: крестьяне села Качаловки: 1) *Кунцына* Иряна Иванова, 34 лѣтъ съ дѣтьми, 18 февраля; 2) *Рарозъ* Макарій Емельяновъ, 28 лѣтъ и 3) *Кунцынъ* Яковъ Гавриловичъ 32 лѣтъ, 19-го апрѣля.

10. Вакантныя мѣста.

а) Священническія.

При Архангело-Михайловской церкви сл. Павловокъ, Сумск. у.
 — Ахтырско-Богородичной церкви, слоб. Бугаевки, Изюмского уѣзда.
 — Митрофаніевской церкви, слоб. Пантюхиной, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Діаконскія.

При Троицкой церкви, слоб. Качаловки, Богодуховскаго уѣзда.

в) Псаломщики.

При Александро-Невской церкви, Харьковской 1-й гимназіи
 — Сергіевской церкви, Харьковской 2-й гимназіи.
 — Иоанно-Предтечевской церкви, с. Токарей, Сумскаго уѣзда.
 — Покровской церкви, города Богодухова.
 — Преображенской церкви, слоб. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда.

О Т Ч Е Т Ъ

Харьковскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1906-й годъ (31 годъ существованія).

I. Составъ Комитета.

Въ 1906 году Харьковскій Епархіальный Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества составляли: Предсѣдатель — Преосвященный Евгений Епископъ Сумскій, Товарищъ Предсѣдателя, статскій совѣтникъ, Александръ Александровичъ Іозефовичъ; Члены: архимандритъ Іосифъ, протоіерей: Іоаннъ Чижевскій, Павелъ Солнцевъ, Петръ Полтавцевъ, Іоаннъ Пичета; надворный совѣтникъ Михаилъ Павловичъ Звѣринскій, потомственный почетный гражданинъ Евфимій Даниловичъ Шоляренко, казначей протоіерей о. Василій Поповъ и Дѣлопроизводитель надворный совѣтникъ Виссаріонъ Смирнскій.

Дѣйствительныхъ Членовъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ 1906 году въ Харьковской епархіи состояло 768, въ томъ числѣ 18 обезпечившихъ свои взносы вкладомъ на вѣчное время, а именно Высоко-

преосвященныя: Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій, Арсеній Архіепископъ Харьковскій, Іустинъ, бывшій Архіепископъ Херсонскій, протоіерей Алексій Иларіоновъ, Харьковскій Кафедральный Соборъ, Ряснянскій Свято-Дмитріевскій Монастырь, Уткинъ Константинъ Петровичъ, Іозефовичъ Александръ Александровичъ, Звѣринскій Михаилъ Павловичъ, Клеменовъ Михаилъ Спиридоновичъ, Куляченко Максимъ Семеновичъ, Черкасовъ Николай Константиновичъ, Школяренко Евфимій Даниловичъ, Щербакъ Кирилъ Васильевичъ, Княгиня Ольга Павловна Кавказидзе и Астахова Евгенія Алексѣевна.

Кромѣ того, при жизни своей внесли вклады въ пользу Православнаго Миссіонерскаго Общества на вѣчное время, нынѣ въ Бозѣ почивающіе: Архіепископъ Амвросій, бывшій Харьковскій, Архіепископъ Савва, бывшій Тверской, Епископъ Геннадій, Епископъ Веніаминъ бывшій Кинешемскій, протоіерей Андрей Дюковъ, священникъ Ѳеодоръ Рагшевскій, священникъ Никандръ Черняковъ, священникъ Григорій Лобковскій, Акименко Семень Михайловичъ, Величенко Кирилъ Ивановичъ, Галкинъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, Коровинъ Александръ Ивановичъ, Кульшинъ Тимофей Стефановичъ, Лавровъ Михаилъ Алексѣевичъ, Левченко Алексій Ивановичъ, Рыжовъ Павелъ Ивановичъ, Соколовскій Сергій Ивановичъ, Сѣриковъ Николай Емельяновичъ, Чернышовъ Иванъ Ѳеодоровичъ.

II. Дѣятельность Комитета.

Дѣятельность Комитета въ отчетномъ году выражалась въ принятіи, расходованіи и храненіи миссіонерскихъ суммъ и въ исполненіи порученій совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Принятіе, храненіе и расходованіе миссіонерскихъ суммъ производилось установленнымъ порядкомъ. Поступавшія деньги вкладывались для приращенія въ Контору Государственнаго Банка.

III. Средства Комитета.

Движеніе суммъ Комитета въ отчетномъ году представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ 1906 году оставалось:

Наличными	5469 р. 47 к.
Билетами	3540 " — "
<hr/>	
Итого	9009 р. 47 к.

Въ 1906 году поступило:

а) Членскихъ взносов	2158 р. — к.
б) Единовремен. пожертвованій	944 „ 53 „
в) Кружечнаго сбора	867 „ 69 „
г) Собора въ недѣлю православія	1424 „ 60 „
д) Процентова съ капитала	252 „ 46 „
Итого	5647 р. 28 к.

Всего же, съ остаточными отъ прошлаго года, въ Комитетъ поступило 14656 р. 75 к., въ томъ числѣ наличными 11116 р. 75 к. и билетами 3540 р.

Въ 1906 году израсходовано 5700 руб. 68 к., изъ коихъ 5469 р. 47 коп. отосланы въ Астраханскій Комитетъ и Начальнику Алтайской Миссіи, а 231 руб. 21 к. на жалованье дѣлопроизводителю и на канцелярскія нужды.

Остается къ 1907 году:

Наличными	5416 р. 7 к.
Билетами	3540 „ — „
Итого	8956 р. 7 к.

Съ подлиннымъ вѣрно.

Дѣлопроизводитель Комитета *В. Смирнскій*.

О П Е Ч А Т К А .

Въ помѣщенномъ въ № VIII ж. „В. и Р.“ спискѣ лицъ, коимъ Всемилостивѣйше пожалованы за заслуги по духовному Вѣдомству, въ 22 апр. 1907 г., ко дню св. Пасхи, медали, съ надписью „за усердіе“ вкрадась опечатка.

Упомянутый списокъ нужно исправить слѣдующимъ образомъ.—Староста Успенской церкви слоб. Борвенковой, Изюмск. у. *З. Ищенко* награжденъ серебряною медалью для ношенія на шеѣ на Владимірокой лентѣ; попечитель нищенско-сиротской повровскаго прихода 2-й церк.-прих. школы, Сумск. у., *А. Люминарскій*—золотою медалью для ношенія на шеѣ на Анненской лентѣ; купецъ *Кумиковъ*, крестьянинъ *Гулдусъ* и пот. почет. гражд. *Ив. Поповъ* награждены серебряными медалями для ношенія на шеѣ, на Ставцлавской лентѣ. Старосты церквей: *Ячменковъ*, *Бондаренко*, *Гатманъ*, *Коваленко* и *Холодосъ*; попечители церковно-приходск. школъ: *Жупинскій*, *Рыжиковъ* и *Сусловъ* награждены серебряными медалями для ношенія на груди на Аннинской лентѣ.

II.

Содержаніе. II. Идеаль пастырства и мірскія чаянія современнаго духовенства. *Сельскаго Священника І. Горайна.*—Къ вопросу о помощи голодающему населенію. *Священника Максима Грекова.* Миссіонерскій листокъ. Въ гостяхъ у баптистовъ. *Ж.*—Библиографическая замѣтка. *Священника Николая Загоровскаго.*—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Годичное собраніе членовъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Призывъ къ трезвости.—Оружіе и духовенство.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Резолюція Архіепископа Волнскаго Аптонія.—Представители православнаго духовенства въ Государственной Думѣ.—Объявленія.

ИДЕАЛЬ ПАСТЫРСТВА И МІРСКІЯ ЧАЯНІЯ СОВРЕМЕННАГО ДУХОВЕНСТВА.

„Пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ“ (Іоан. 10, 11).

„Но ты будь бдителенъ во всемъ, переноси скорби, совершай дѣло благовѣстника, исполняй служеніе твое“ (2 Тимѣ. 4, 5).

Идеаль и дѣйствительность во многомъ не сходятся: идеаль побуждаетъ человѣка къ совершеннѣйшей дѣятельности на томъ, или другомъ жизненномъ поприщѣ, къ забвенію своего „я“, къ принесенію всѣхъ своихъ физическихъ и интеллектуальныхъ дарованій на алтарь общаго блага,—дѣйствительная же жизнь вездѣ ставитъ человѣку препоны и препятствія, всѣмъ его высшимъ идейнымъ стремленіямъ кладетъ преграды, перейти которыя безъ поврежденій, человѣку, иногда, бываетъ трудно. Куда бы мы не обратили свой взоръ, какое-бы служебное поприще не разсмотрѣли—вездѣ увидимъ мало избранниковъ упорно, съ самопожертвованіемъ осуществляющихъ требованія предносящагося предъ ними идеала служенія,—большинство тянется далеко позади, время отъ времени упуская изъ виду путеводный свѣтъ идеала и погрязая въ тинѣ житейскихъ тревоженій; такъ дѣйствительно, бываетъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности.

Нѣтъ идеала возвышеннѣе и святѣе предначертаннаго Христомъ въ Евангеліи—идеала пастырства. Велики и многотрудны задачи пастырства, осуществить которыя своими си-

лами, безъ „восполняющей немощная“ благодати Божіей, кто возымѣетъ дерзость утверждать? „Будьте совершенны, якоже Отецъ Мой небесный совершенъ есть“—вотъ великая заповѣдь по-преимуществу, относящаяся къ служителямъ Христа и Его Церкви, самимъ характеромъ дѣятельности своей, поставленнымъ „вверху горы“. Идеаль евангельскаго совершенства такъ высокъ, что даже апостолы, имѣвшіе всегда, предъ своимъ взоромъ Христа, до ниспосланія на нихъ Св. Духа, не устояли въ этомъ идеалѣ. (Матѣ. 26, 31; Іоанн. 14, 36). Все пастырство съ его различными развѣтвленіями дѣятельности—непрерывный трудъ умственный, нравственный и физическій,—работа надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ и надъ ввѣреннымъ словеснымъ стадомъ въ дѣлѣ воспособленія имъ достиженія высшаго блага: стяжанія сокровища на небѣ, котораго „ни воръ не крадетъ, ни тля не тлитъ“. Пастырь долженъ отдать жизнь свою за овецъ. (Іоан. 10, 11). Вотъ почему и великій святитель Іоаннъ Златоустъ, сознавая высоту и святость пастырства, недостижимость идеала священства—долго не рѣшался принять его; колебался, сомнѣвался, велъ внутреннюю борьбу съ велѣніемъ долга и неизбѣжными соблазнами міра. „Священникъ долженъ быть бодрствующимъ и осмотрительнымъ, и имѣть множество глазъ со всѣхъ сторонъ, какъ живущій не для себя одного, а для множества людей. (1 Тим. III, 2). А я небреженъ и слабъ, и едва могу пещись о собственномъ спасеніи“... ¹⁾ „Люди, живущіе на землѣ и еще обращающіеся на ней, поставлены распорядяться небеснымъ, и получили власть, которой не далъ Богъ ни ангеламъ, ни архангеламъ; ибо не имъ сказано: „елика аще свяжите на земли, будутъ связаны на небеси“... (Мѣ. XVIII; 18) ²⁾ „Я знаю свою душу немощную и слабую; знаю важность этого служенія, и великую трудность этого дѣла. Душу священника обуреваютъ волны, большія тѣхъ, какія бывають отъ вѣтровъ, возмущающихъ море“ ³⁾..

Пастырю Церкви Христовой пужно имѣть много энергіи и

¹⁾ Твор. св. Іоанн. Злат. Письмо о священ. III, стр. 432, изд. С. П. Д. Ак. 1898 г.

²⁾ Ibid стр. 426.

³⁾ Ibid. стр. 429.

силъ, чтобы съ успѣхомъ выполнять свое служеніе. Въ жизни его неизбѣжны всякія страданія нравственныя и физическія—ибо онъ всегда долженъ противоборствовать „властителю тьмы вѣна сего“. Пастыреначальникъ нашъ, Господь Іисусъ Христосъ, претерпѣвшій Самъ всѣ бѣдствія, поставилъ и намъ это въ извѣстность. Христосъ никогда не обѣщаль Своимъ преемникамъ—пастырямъ счастливой, обильной земными благами, жизни. Провозвѣстникамъ слова Божія должно считать своимъ удѣломъ всякія скорби и даже гоненія на протяжении всѣхъ временъ... „Аще Мене изгнаша и васъ ижденуть“... (Іоан. 15, 20). „Въ мірѣ скорбни будете“... „и будете ненавидими всѣми имене Моего ради“... „...восплачете и возрыдаете, а міръ возрадуется... (Іоан. 16 г. 20, 33). Противоборство слову Божию, предъ лицомъ пастырей, будетъ оказывать злое начало. Всю тяжесть, всѣ бѣдствія, на которыя указаль Христосъ испытали апостолы—первые провозвѣстники евангельскаго слова. Они стали для насъ живымъ образцомъ того мужества, съ какимъ должно переносить всѣ невзгоды служителямъ Христа; „Ты-же злопостражди, какъ добрый воинъ“, пишетъ ап. Павелъ ученику своему Тимофею. Ап. Павелъ за проповѣдь слова Божія страдалъ „даже до узъ, какъ злодѣй“ (2 Тимѡ. 2, 9). Онъ вынуждался приспособляться ко всѣмъ обстоятельствамъ, чтобы „пріобрѣсти немощныхъ“: „для іудеевъ я былъ какъ іудей, чтобы пріобрѣсти іудеевъ, для подзаконныхъ я былъ какъ подзаконный, чтобы пріобрѣсти подзаконныхъ, для чуждыхъ закона—какъ чуждый закона; для немощныхъ, какъ немощный, чтобы пріобрѣсти немощныхъ. Для всѣхъ я былъ всѣмъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ“ (1 Корѡ., 9, 20—22). Если бы мы стали перечислять всѣ тѣ физическія страданія, которыя перенесли первые пастыри стада Христова, то получилась бы картина ужасающихъ бѣдствій, передъ которыми ничто всѣ тѣ невзгоды, которыя приходится когда либо видѣть ихъ преемникамъ.

Въ переживаемое время сравнительно мало встрѣчается среди духовенства самоотверженныхъ борцовъ за идею; увлекательныхъ примѣровъ пастырства, безукоризненныхъ дѣятелей на нивѣ Христовой, воодушевленныхъ и неутомимыхъ работниковъ—нужно

поискать. Жизнь, кажется, всѣхъ захлестнула своей сильной волной матеріализма, разчета, удовольствій и наживы,—все возвышенное, идейное отодвинуто на задній планъ. Среди духовенства рѣзко стало выдѣляться слишкомъ большое „обмирщеніе“, склонность къ жизненному комфорту и соблазнительной внѣшней обстановкѣ. Уже на школьной скамьѣ будущіе кандидаты священства часто делятъ мечту о теплыхъ мѣстечкахъ съ завиднымъ кушемъ. На будущее пастырство смотрятся глазами коммерческими,—высокое служеніе сводится на степень заурядной профессіи. Реальное осуществленіе своей мечты каждый проявляетъ при поступленіи на приходъ: здѣсь уже все тщательно обслѣдуется, взвѣшивается и сравнивается, и тогда только пастырь идетъ къ своему стаду. Все требующее заботъ, труда и энергіи пугаетъ многихъ кандидатовъ священства; сектантство, расколъ для многихъ изъ нихъ—опасное бѣдствіе.

Приходится слышать сѣтованіе духовенства на бѣдность; служебныя невзгоды, необеспеченность на случай инвалидности. Иныхъ повергаютъ въ скорбь тѣ насмѣшки и оскорбленія, которыя приходится встрѣчать со стороны разнузданной части общества и т. д. Въ духовенствѣ не видно теперь прежней простоты жизни: вездѣ слышатся претензіи на обладаніе большими благами земными; сѣтуютъ на лишеніе свободы, на стѣсненіе во многихъ якобы невинныхъ удовольствіяхъ. Кажется, что слишкомъ уже тяжела та атмосфера, въ которой поставлено дѣйствовать духовенство.. Однимъ хотѣлось бы перемѣнить традиціонный костюмъ, на партикулярное платье; другимъ желается удовлетворить свои эстетическія требованія—по ихъ мнѣнію долженъ быть открытъ доступъ въ театры, концерты и т. д.; нѣкоторые ропшутъ, что нельзя ѣздить на велосипедѣ, верхомъ и т. д. Всѣ эти запрещенные плоды, по мнѣнію, современно-либеральной части духовенства—естъ лишеніе свободы; но забываютъ они о томъ, что такая свобода ведетъ къ угожденію плоти (Гал. 5, 13), что высшая свобода—познаніе истинны „истина свободитъ вы“, а рабъ грѣха чловѣка не свободный. (Іоан. 8, 32, 34).

Если приходится когда либо заговорить съ духовенствомъ—

то рѣдко встрѣчаются люди, пожеланія которыхъ перелетали бы за кругъ различныхъ обыденныхъ нуждъ, потребностей и вопросовъ. Начнете вы разговоръ о сближеніи съ прихожанами, какъ сейчасъ же возразятъ о необходимости реформировать общественное и матеріальное положеніе духовенства, что якобы само собой подниметъ престижъ духовенства и сблизитъ ихъ съ паствами; заговорите о миссіонерской полемикѣ, какъ скажутъ, что это дѣло специалистовъ; пожелаете посоветоваться о поднятїи религіозно-нравственнаго состоянїя прихода—какъ услышите увѣреніе, что это выше силъ священника, что это неизбежное зло, порождаемое заносомъ внѣшней городской цивилизаціи,—съ нимъ-де слѣдуетъ мириться; предложите вопросъ о необходимости нравственнаго воздѣйствїя другъ на друга, о выработкѣ мѣръ, направленныхъ на умноженіе знаній соответствующихъ пастырю,—на васъ посмотрятъ съ иронїей, какъ на фантазера, мечтателя и т. д.

Но никогда не приходится слышать великодушнаго сознанїя, что мы, пастыри, очень медленно двигаемся по той дорогѣ, на которую стали. Никогда мы не спросимъ себя откровенно: все ли мы даемъ своимъ пасомымъ, что они вправѣ ожидать отъ насъ? Не скрываемъ ли мы отъ нихъ духовныхъ благъ, хранящихся въ церкви, небрежностью, лѣнностью и нерадѣніемъ въ проповѣдыванїи слова Божїя? Являемся-ли мы для нихъ тѣмъ свѣточемъ, поставленнымъ въ верху горы, къ которому они должны стремиться? Служимъ-ли мы для своихъ пасомыхъ, подобно ап. Павлу, „воимъ для всѣхъ“, чтобы спасти немощныхъ, (1 Кор. 9, г. 22)?...

Желать улучшенїя своего матеріальнаго положенїя—естественно. Но неужели это конечная наша цѣль? Неужели мы сочтемъ тогда себя спокойными и счастливыми, хотя-бы въ паствахъ нашихъ появились пресловутые „боги саваомы“, „христы“ и „богородицы“?.. Высшее и наилучшее удовлетвореніе пастырь долженъ видѣть въ успѣхѣ своей работы. Миръ насъ возненавидитъ, но онъ не есть справедливый цѣнитель нашей дѣятельности. Желанной наградой для пастыря долженъ быть гласъ Божїй „раба благій и вѣрный, войди въ радость Господа своего“!

Если отъ пастыря требуется вообще плодотворная работа въ области религіозно-нравственной и просвѣтительной, то въ переживаемое время эта работа требуется сугубо: деморализація нравовъ распространяется все болѣе и болѣе; не говоря уже о населеніи городовъ, давно пренебрегшемъ моральными законами, среди жителей сель и деревень начинается распущенность, въ широкомъ смыслѣ слова. Куда дѣвались такія качества народа, какъ: чистота нравовъ, цѣломудріе, трезвость, уваженіе къ личности и собственности и др., а вѣдь безъ этихъ истинныхъ свойствъ человека не можетъ правильно течь ни общественная, ни религіозная, ни государственная жизнь. Насъ застигаетъ „еретическая зима“: сектантство, расколъ, невѣріе, индифферентизмъ, какъ міровая зараза, и быть можетъ близко то время, когда ограда нашей православной церкви еще болѣе опустѣетъ.

Итакъ, для всякаго пастыря очевидно, что въ нынѣшніе лукавые дни, болѣе чѣмъ когда либо его словесному стаду угрожаетъ опасность быть „распуженнымъ“. Вниманіе же наше отвлекается въ другую сторону: мы подъ вліяніемъ событій времени занимаемся дѣлами житейской суеты, скорбимъ и печалуемся о земныхъ вождѣленіяхъ, а когда внезапно ворвется волкъ въ стадо, то подобно евангельскому наемнику, „объжмемъ“.

Предупреждалъ насъ объ этомъ ап. Павелъ, говоря „будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили-бы слуху“ (2. Тим. 4, 3).

Въ современной жизни не видѣли-ли мы всего того, о чемъ говоритъ ап. Павелъ?!...

Долгъ истиннаго пастыря не только охранять свое стадо отъ расхищенія, но и приобрѣтать новыхъ послѣдователей.

„Съ терпѣніемъ будемъ проходить подлежащее намъ поприще, взирая на начальника и совершителя вѣры Іисуса, Который вмѣсто подлежащей Ему радости, претерпѣлъ крестъ, пренебрегши посрамленіемъ“... (Евр. 12, 1—2).

Сельск. Свящ. І. Горанинъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩЕМУ НАСЕЛЕНІЮ.

Какъ извѣстно изъ статистическихъ данныхъ, сообщаемыхъ въ органахъ періодической печати, большую часть Россіи постигъ въ прошломъ 1906 году неурожай хлѣба, больше того, для многихъ губерній неурожай сей былъ даже повторнымъ. Извѣстно также, что правительство всѣми мѣрами, зависящими отъ него, поспѣшило на помощь голодающимъ ввидѣ устройства столовыхъ, ссуды зерновымъ хлѣбомъ и деньгами, и нужно сказать правду, что во время подспѣвшая помощь предотвратила въ большинствѣ случаевъ разореніе крестьянскихъ хозяйствъ и спасла населеніе отъ голодовки и неизбѣжныхъ ступниковъ ея болѣзней. Къ числу мѣстностей, подвергшихся неурожаю, принадлежитъ и Старобѣльскій уѣздъ, гдѣ населеніе также своевременно и исправно получало и получаетъ правительственную помощь.

Взявшись за перо для написанія настоящей замѣтки, мы имѣемъ ввиду не разборъ даннаго вопроса по существу, а исключительно желаніе сообщить о томъ отрадномъ явленіи, что въ названномъ уѣздѣ, благодаря вниманію и хлопотамъ земскихъ дѣятелей, организована съ марта мѣсяца с. г. помощь и школамъ, выразившаяся въ организаціи горячихъ завтраковъ для школьниковъ—дѣтей. Потребная сумма для этой цѣли была отпущена чрезъ уѣздную земскую управу отъ Краснаго Креста. Что это цѣль благая и вполнѣ радикальная, объ этомъ конечно много говорить не будемъ, это для каждого ясно, но то, что въ этомъ дѣлѣ была оказана помощь „земской“ и церковной школъ въ равной мѣрѣ—это знаменательно! Хотя помощь пришла и отъ носителя братскаго во Христѣ символа (Краснаго Креста), но все же она шла чрезъ руки земскихъ дѣятелей, заявившихъ себя и ранѣе и въ особенности въ послѣднее время недружелюбія, къ типу послѣдней школы; естественно могъ быть и теперь, хотя и въ общественномъ бѣдствіи (неурожай) все же обнаруженъ антагонизмъ..., но его мы не замѣтили: тоже сочувствіе, тоже любовь и участіе и къ

„не земской“ школѣ. Вотъ это то и отрадно... фактъ этотъ говоритъ о будущемъ свѣтломъ...

Къ прискорбію нужно сказать, что многіе отцы завѣдующіе школами, въ распоряженіе коихъ поступала субсидируемая на завтраки сумма, со вздохомъ принимали ее, чувствуя въ данномъ дѣлѣ новизну, а нѣкоторые даже и отказались отъ ней, ссылаясь на близкое окончаніе учебнаго времени, когда школьники, оставляя школу, разойдутся „въ дома отчій“ и когда, такимъ образомъ, субсидируемая сумма не будетъ использована. Намъ кажется, что отцы послѣдней категоріи напрасно такъ поступили и вотъ почему. Разъ сумма опредѣлена на данную школу, она должна быть и использована въ данномъ районѣ школы независимо отъ того будутъ ли школьныя занятія вестись или нѣтъ. Мы имѣемъ ввиду этимъ сказать не то, чтобы сумму эту постараться непроизводительно израсходовать... совсѣмъ нѣтъ! Но намъ кажется, что каждый школьникъ есть членъ данной мѣстности, на него ассигнована известная сумма, онъ долженъ ее израсходовать, какъ голодающій, не только въ школѣ, но и дома. Наконецъ ассигнованную сумму и неизрасходованную цѣликомъ или остаткомъ отъ нея, за прекращеніемъ школьныхъ занятій, благовременно и вполне достойно можно было бы употребить и на устройство пасхальнаго завтрака въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія для лицъ завѣдомо бѣднѣйшихъ въ приходѣ, какъ напр. сиротъ, вдовъ и бобылей... Такой завтракъ обрадовалъ бы алчущихъ и воскресилъ бы времена первыхъ христіанъ, когда страдальцамъ утирали слезу въ оградѣ храма... Спѣшимъ сообщить собратьямъ, получившимъ субсидію на школу въ достаточномъ размѣрѣ, что на устройство пасхальнаго завтрака для обездоленныхъ въ приходѣ лицъ изъ остаточныхъ отъ бюджета суммъ „со стороны земской Старобѣльской управы“, пуда мы съ запросомъ обращались, „препятствій не встрѣтилось“.

Священникъ Максимъ Грекозь.

Слоб Демьяновка, Старобѣльск. у.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ВЪ ГОСТЯХЪ У БАПТИСТОВЪ.

Много разъ мой знакомый и родственникъ С. предлагалъ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ на богослужebное собраніе къ баптисту Ч., съ которымъ онъ познакомился у доктора-народника и который убѣдительно просилъ побывать когда-нибудь у него. Я интересовался нашимъ русскимъ сектантствомъ и поэтому выразилъ свое согласіе и удовольствіе воспользоваться благоприятнымъ случаемъ, чтобы ознакомиться непосредственно съ богослуженіемъ сектантовъ. Наконецъ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, въ іюнѣ мѣсяцѣ, мы отправились въ гости къ баптисту Ч., домъ котораго помѣщался на краю села; хозяйка встрѣтила насъ съ видимымъ радушіемъ, хотя на меня посмотрѣли съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ. Я отрекомендовался родственникомъ С. и народнымъ учителемъ по профессіи. Вошли въ домъ. Въ большой комнатѣ безъ иконъ стоялъ покрытый бѣлой скатертью столъ съ кипящимъ самоваромъ, чайнымъ приборомъ и нѣсколькими книжками, какъ потомъ оказалось, Новымъ Завѣтомъ на русскомъ языкѣ Синодальнаго изданія, а за столомъ на лавкахъ и стульяхъ сидѣло человѣкъ 10 мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ. Оказалось, богослуженіе уже закончилось. Хозяинъ Ч. выразилъ сожалѣніе, что мы опоздали; мы сдѣлали то же. Сѣли за столъ, принялись за чай. Разговоръ пачался о дѣлахъ хозяйственныхъ: урожаяхъ, цѣнахъ на хлѣбъ... Затѣмъ Ч. предложилъ намъ послушать ихъ пѣніе; мы выразили удовольствіе. Достали изъ сундука рукописные тетради и листки. Это былъ сборникъ пѣснопѣній, извѣстный подъ вазваніемъ „Голоса вѣры“. Назначены были ММ: пѣсней, нѣкоторымъ розданы тетради и листки, и пѣніе началось. Пѣли всѣ, и мужчины и женщины съ сосредоточенными лицами. Пѣніе было монотонное, полное щемящей тоски, но нѣсколько странное, непривычное для нашего православнаго слуха; сектантовъ же оно, видимо, приводило въ умиленіе. Тѣмъ временемъ я началъ перелистывать лежавшія передо мною книжки Новаго Завѣта. Многіе тексты были под-

черкнуты карандашемъ; это именно тѣ, которыми сектанты любятъ подтверждать свое ученіе и которые приводятъ противъ православныхъ. Такіе экземпляры Новаго Завѣта и всей Библии, съ подчеркнутыми текстами, издаются теперь за границею, въ Лондонѣ и Вѣнѣ Библейскимъ Обществомъ и довольно распространены среди нашихъ сектантовъ раціоналистическаго направленія. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ находились фотографическія карточки съ нѣмецкими фізіономіями, что свидѣтельствовало о связи Ч. съ нѣмецкими сектантами. Изъ дальнѣйшаго разговора обнаружилось, что Ч. находится въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ баптистомъ пресвитеромъ въ г. Тифлисѣ Павловымъ, получившимъ образованіе въ Гамбургской баптистской семинаріи, ревностнымъ пропагандистомъ ученія своей секты по всему югу Россіи.

По окончаніи пѣнія я спросилъ Ч.: „Къ какому исповѣданію вы принадлежите, въ чемъ ваше ученіе?“

— Нѣкоторые зовутъ насъ: молоканами, а мы называемъ себя баптистами, потому что не принимаемъ крещенія, совершаемаго надъ младенцами и требуемъ поэтому отъ переходящихъ къ намъ крещенія въ сознательномъ возрастѣ. Человѣкъ долженъ сознать свою грѣховность, покаяться предъ Богомъ; увѣровать въ прощеніе грѣховъ чрезъ искупительныя заслуги Іисуса Христа и тогда креститься водою. Въ этомъ и заключается наше ученіе о спасеніи человѣка.

— Но скажите, какъ вы смотрите на себя, считаете ли вы себя равнымъ здѣсь присутствующимъ, вашимъ единовѣрцамъ, по праву учительства или нѣтъ?

— Нѣтъ, я пользуюсь правомъ держать собраніе и учить Слову Божію по избранію общины; я именуюсь согласно Писанію пресвитеромъ, а они евангельскими христіанами, приѣмлющими водное крещеніе.

— Но отъ кого же ваша община получила право уполномочивать васъ на церковное учительство? Вѣдь общество баптистовъ возникло не ранѣе 17 ст. въ Англіи, а епископы, пресвитеры и діаконы въ Церкви истинной, идутъ преемственно, чрезъ руковозложеніе отъ Христа и апостоловъ (Іоан. XX, 21, Дѣян. XIV, 23; 1 Тим. IV, 14; 2 Тим. 1, 6; Титъ 1, 5),

а не отъ общинъ простыхъ вѣрующихъ. Отъ какого же изъ апостоловъ вы получили пресвитерство?

Подобная постановка бесѣды, видимо, не понравилась моему собесѣднику и присутствующимъ; послѣдніе стали переглядываться между собою, а Ч. покраснѣлъ и, нахмурившись, замѣтилъ:

— Вы говорите, что пресвитеры въ Церкви поставлялись чрезъ рукоположеніе апостолами. Чрезъ рукоположеніе совершалось въ первенствующей Церкви крещеніе.

— Первый разъ слышу. Гдѣ же вы нашли на это указаніе въ Словѣ Божіемъ?

— А вотъ, читайте 8 гл. Дѣяній апостольскихъ. Тамъ сказано, что ап. Петръ и Іоаннъ *возложили руки* на увѣровавшихъ во Христа самарянъ, *и они приняли Св. Духа* (ст. 14. 17).

— Позвольте! Читайте ст. 12—17 по порядку. Здѣсь говорится, что самаряне, услышавъ проповѣдь діакона Филиппа о царствѣ Божіемъ и Іисусѣ Христѣ, *крестились во имя Господа Іисуса*, а апостолы, бывшіе въ Іерусалимѣ, узнавъ объ этомъ, позвали Петра и Іоанна, чтобы они чрезъ возложеніе рукъ низвели на нихъ Св. Духа, чего не могъ сдѣлать Филиппъ, какъ діаконъ (12—17). Не забывайте, что событіе это случилось уже по вознесеніи Іисуса Христа на небо и сошествіи Св. Духа. Значитъ, здѣсь рѣчь идетъ прежде всего о крещеніи не Іоанновомъ, которое было крещеніемъ покаянія во имя Грядущаго (Мте. III, 1—5; Дѣян. XIX, 4), а о крещеніи во имя Господа Іисуса, которое соединялось съ *омытіемъ, прощеніемъ грѣховъ, оправданіемъ предъ Богомъ* (Дѣян. II, 38; XXII, 16; 1 Кор. VI, 11), а затѣмъ о нѣкоемъ особомъ дѣйствіи или таинствѣ—низведеніи даровъ Св. Духа на крещенныхъ, которое совершалось сначала апостолами чрезъ возложеніе рукъ, а потомъ ихъ преемниками чрезъ миропомазаніе (Дѣян. II, 38; XX, 5; 2 Кор. 1, 21—22; 1 Іоан. II, 20; 27). Оба эти дѣйствія—крещеніе и низведеніе даровъ Св. Духа тѣсно связаны между собою, всегда слѣдовали непосредственно одно за другимъ, но въ то же время строго различались.

— Напрасно вы, сударь, толкуете намъ о крещеніи Іоанно-

вомъ и Иисусовомъ. Нужно слѣдовать буквѣ Писанія, гдѣ прямо сказано: *которые (апостолы), пришедши помолились о нихъ, чтобы они приняли Духа Святаго, ибо не сходили еще ни на одного изъ нихъ* (ст. 15—16). Какое же то было бы крещеніе безъ дарованія Св. Духа? Говорить больше тутъ не о чемъ! рѣзко замѣтилъ мнѣ мой собесѣдникъ.

— Но вы и сами не слѣдуете тому, что отстаиваете, совершаете крещеніе чрезъ погруженіе въ воду, а не чрезъ руковожденіе, а говорите, конечно, потому что не можете доказать законности своего пресвитерскаго званія.

— Мы крестимся по примѣру и заповѣди Христа и евнуха вѣицкаго, а о своихъ правахъ, я уже сказалъ. Что говорить одно и то же?

— Господь нашъ Иисусъ Христосъ, возразилъ я, явившись своимъ ученикамъ послѣ воскресенія изъ мертвыхъ, сказалъ имъ: *Какъ послалъ Меня Отецъ, такъ и Я посылаю Васъ. Сказавъ это, дунувъ и говоритъ имъ: примите Духа Святаго* (Іоан. XX, 21—22). Ап. Павелъ говоритъ, что *Богъ поставилъ иныхъ въ Церкви во первыхъ апостолами, во вторыхъ пророками, въ третьихъ учителями* (1 Кор. XII, 28). Тотъ же апостоль опредѣляетъ и способъ этого поставленія въ посланіяхъ къ Тимоѳею: *Не периди о пребывающемъ въ тебѣ дарованіи, которое дано тебѣ по пророчеству съ возложеніемъ рукъ священства* (1 Тим. IV, 14) или, какъ въ другомъ мѣстѣ, *чрезъ мое руковожденіе* (2 Тим. 1, 6). Апостолы же поставляли и пресвитеровъ или сами (Дѣян. XIV, 23) или предоставляли это право такимъ лицамъ, какъ Тимоѳей (1 Тим. V, 22) и Титъ (1, 5). Такимъ образомъ, въ Церкви Христовой устанавлено отъ временъ Христа и апостоловъ особое таинство священства, чрезъ которое путемъ преемственнаго рукоположенія и поддерживается непрерывность священной іерархіи, облеченной правомъ учить, священнодѣйствовать и управлять (1 Тим. V, 17, 20; 2 Тим. IV, 2; Іоан. V, 14). Преемственное рукоположеніе и есть та дверь, чрезъ которую входятъ въ ограду Церкви истинные пастыри, а входящіе иначе суть воры и разбойники, по словамъ Спасителя (Іоан. XI, 1—2). Такое преемство священства и есть въ Церкви правое

лавной. Мы можемъ вамъ указать непрерывный рядъ епископовъ отъ настоящаго времени до временъ апостольскихъ. Покажите же вы свое пресвитерское преемство.

Бесѣда стала оживленной и велась въ приподнятомъ тонѣ. Присутствующими начало овладѣвать беспокойство; они окончательно рѣшили, что я не кто иной, какъ миссіонеръ. Нѣкоторые стали спѣшно прощаться, другіе выскочили на улицу и стали спрашивать у нашего кучера, кто я, на что тотъ отвѣчалъ незнаніемъ.

— Вы хотите защитить свое священство изъ исторіи,— возразилъ мнѣ Ч. Мало ли какихъ бываетъ исторій“. Для насъ обязательно Слово Божіе.

— Духъ Св. поставляетъ въ Церкви учителей! спокойно замѣтилъ сидѣвшій рядомъ со мною старикъ, отецъ баптистскаго пресвитера.

— Это вѣрно, дѣдушка, но какъ же узнать, гдѣ дѣйствуетъ Духъ Св., а гдѣ произволь и самообольщенія человѣческія? Вѣдь каждый можетъ выдавать свое ученіе и свои дѣйствія за велѣнія Св. Духа. Чтобы отличить самозванство отъ призыва Господня, нуженъ какой-нибудь Богомъ установленный знакъ или дѣйствіе. Такой знакъ и указанъ въ словѣ Божіемъ—это преемственное отъ апостоловъ рукоположеніе.

— Вы все твердите о преемственномъ рукоположеніи,— съ гнѣвомъ сказалъ Ч., и лицо его приняло непріятное выраженіе. Да есть ли у васъ истинное священство? Ваше духовенство такъ погрязло въ разныхъ порокахъ, что и само не входитъ въ царствіе небесное и желающихъ войти не пускаетъ, а дѣлаетъ сынами геены. Апостоль напоминаетъ Тимоею *постоянно возрывать въ себя даръ Божій*, конечно, путемъ добродѣтельной жизни, а ваше духовенство своею зазорною жизнью давно уже *погасило* этотъ даръ. *Се оставляетъ вамъ, домъ вашъ, пусть*. (Мтѣ. 23 гл.).

Выслушавъ эту грозную филиппику до адресу нашего духовенства, я спокойно возразилъ:

Во-первыхъ, если среди нашего духовенства есть и недостойные пастыри, то въ то же время есть несомнѣнно и много лицъ высокой жизни. Было бы большою дерзостію съ вашей

стороны заклеить печатью позора все наше 35-тысячное духовенство. Личность, напр., такого пастыря, какъ протоіерей Іоаннъ Кронштатскій глубоко чтится всею Россіею, отъ царскихъ чертоговъ до бѣдной хижины самой далекой окраины Россіи.

Во-вторыхъ, личное недостоинство пастырей Церкви не можетъ потушить благодатный даръ священства. Вы забываете, что въ числѣ 12 апостоловъ былъ Іуда Искаріотскій, котораго Христось назвалъ діаволомъ (Іоан. VI, 70—71) и котораго тѣмъ не менѣе посылалъ на проповѣдь вмѣстѣ съ другими апостолами (Мтѣ. X, 4—5); забываете и то, что недостойный первосвященникъ Каиафа предсказалъ, что Іисусъ Христось умретъ за народъ *не отъ себя, но будучи на тотъ годъ первосвященникомъ* (Іоан. XI, 51). Прекращеніе въ Церкви истиннаго священства противорѣчило бы обѣтованію Господа о неодолимости Церкви и пребываніи Его въ ней до скончанія міра (Мѣ. XXVIII, 20; XVI, 18). Въ-третьихъ, неужели въ обществѣ баптистовъ и пресвитеровъ и остальные вѣрующіе— безгрѣшныя люди, когда, по апостолу, утверждая это, *обманываемъ самихъ себя и истинны нѣтъ въ насъ* (Іоан. I, 8, 10)?

— Есть грѣшники и среди насъ, какъ не быть! Только мы не оставляемъ безъ наказанія явныхъ грѣшниковъ, каковы: блудники, хищники, лихоимцы, пьяницы; мы отлучаемъ ихъ отъ своего общества, какъ Христось постановилъ и апостолы повелѣли (Мѣ. XVIII, 15—17; 1 Кор. V, 11). А у васъ, православныхъ, никакого суда надъ грѣшниками нѣтъ; одно распутство... Вотъ въ нашемъ селѣ земскій начальникъ имѣетъ служительницу и отъ нея дѣтей. Въ церкви бываетъ одинъ разъ въ году, когда говѣетъ, а отъ батюшки вашего ему почетъ, высылается просфора. А докторъ никогда въ церкви не бываетъ и не говѣетъ, и батюшка ему ни слова, напротивъ часто ходитъ къ нему въ гости!

— Напрасно Вы полагаете, что наша Церковь, терпя у себя грѣшниковъ, тѣмъ самымъ потворствуетъ грѣху. Въ земной Церкви всегда рядомъ съ праведниками будутъ грѣшники. Припомните притчи Спасителя о пшеницѣ и плевелахъ, которые оставлены по волѣ господина до времени жатвы; о не-

водѣ, захватившемъ рыбъ всякаго сорта; припомните ученіе ап. Павла о сосудахъ золотыхъ; серебряныхъ, деревянныхъ и глиняныхъ, которые находятся въ большомъ домѣ, т. е. Церкви Божіей (2 Тим. 2, 20). Святость Церкви чрезъ это не нарушается, потому что и врата ада не одолѣютъ ея (Мѣ. XVI, 18). Но мы скорбимъ о согрѣшающихъ нашихъ братьяхъ, молимся о нихъ, а наши пастыри *убѣждаютъ* вѣрующихъ жить достойно своего званія, *обличаютъ ихъ* и съ кротостію и съ строгостію, а укорившихъ и тяжкихъ нерѣдко *отлучаютъ* отъ Св. Причастія, т. е. подвергаютъ тяжкому наказанію, лишаютъ тѣснѣйшаго общенія со Христомъ, но дѣлаютъ это *тайно*, чтобы привести ихъ къ *раскаянію*, а не къ *ожесточенію* и *отчаянію* (Мѣ. XVIII, 14). Кроме того, ежегодно въ губернскихъ городахъ, при архіерейскихъ кафедрахъ, въ предѣлу православія произносится торжественный судъ, отлученіе отъ Церкви (анаѣма) еретиковъ—лжеучителей. Наконецъ, въ исключительныхъ случаяхъ отлучаются отъ Церкви тяжкіе грѣшники *открыто* и *поименно*. Таковъ судъ нашей Церкви, недавно произнесенный надъ извѣстнымъ хулителемъ христіанства графомъ Л. Толстымъ. Если извѣстный тяжкій грѣшникъ и продолжаетъ оставаться въ Церкви, онъ невидимымъ судомъ Божиимъ отдѣляется отъ нея; если видимо и будетъ принадлежать къ ней, то будетъ подобенъ сухой вѣтви на зеленѣющемъ деревѣ или омертвѣлой части человѣческаго организма (2 Тим. II, 19; 1 Тим. V, 24—25; Кол. 3, 25). *Кто благовѣстствуетъ вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѣма*, говоритъ апостоль (Гал. 1, 9); *кто не любитъ Господа Иисуса Христа, анаѣма, маранаѣа* (1 Кор. XVI, 22) говоритъ тотъ же апостоль въ другомъ мѣстѣ. И такъ, если кто учитъ не такъ, какъ всегда учила Церковь Христова, если кто не любитъ Господа, то таковой отлученъ отъ Церкви апостольскимъ судомъ, хотя бы объ этомъ судѣ ему никто не говорилъ лично.

— Послушаешь васъ будто и такъ, а присмотришься къ православнымъ, бѣдные люди! Не знаютъ, во что вѣруютъ, что дѣлаютъ. Понадѣлали себѣ иконъ, крестовъ, хоругвей, и кланяются имъ, какъ идоламъ; чтутъ Богородицу Смоленскую, Казанскую, Ахтырскую... Настоящіе язычники!

— Вы отмѣчаете искаженіе христіанства въ простомъ народѣ. Что же отсюда слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что его нужно научить, какъ правильно вѣровать, а не отвергать многія постановленія и обычаи Церкви, полезныя для нашего благочестія, какъ, напр.; почитаніе св. иконъ, креста. Иное дѣло, если бы вы могли уличить въ заблужденіи самое Церковь. Но вѣдь Церковь учитъ почитать одну Божию Матерь, *поклоняться предъ иконами*, и не чтить дерево, краски. Я бы вамъ совѣтывалъ читать богословскія сочиненія нашихъ писателей по интересующимъ васъ вопросамъ, вы бы во многомъ измѣнили свои взгляды...

— Да я читаю... Въ книгахъ одно, а въ жизни другое...

Бесѣда наша затянулась, грозя сдѣлаться безконечною. Всѣ мы уже значительно устали; къ тому же рассчитывали захватить еще къ знакомымъ помѣщикамъ. Мы начали прощаться съ хозяевами. На прощанье я спросилъ, когда у нихъ еще предполагается собраніе.—„Трудно сказать, когда будетъ, съ неохотою говорилъ Ч. Время теперь рабочее. Да при томъ постороннимъ лицамъ у насъ запрещается говорить. Для васъ мало интереса“... К.

1907 года, января 4-го.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Иванъ Георгіевичъ Айвазовъ.—1. „Христіанская Церковь и Современный социализм“—2. „Русское Сektантство“.—3. „Миссіонерская полемика“.—4. „Къ вопросу о смертной казни“.—5. „Религіозная правда Русскаго Самодержавія“.

Предъ нами—вышеупомянутыя брошюры, достопочтеннаго г. Харьковскаго Епархіальнаго Миссіонера Ивана Георгіевича Айвазова. Печатавшіяся раньше въ видѣ отдѣльныхъ статей то на страницахъ журнала „Вѣра и Разумъ“, то на страницахъ журнала „Миссіонерское обозрѣніе“, онѣ въ настоящее время изданы авторомъ въ видѣ отдѣльныхъ книжечекъ и появленіе ихъ въ свѣтъ въ такомъ именно видѣ нельзя не привѣтствовать, ибо въ отдѣльномъ изданіи онѣ легче могутъ сдѣлаться доступными болѣе широкому кругу читателей, внося собою истинный свѣтъ здраваго ученія, во всемъ согласнаго съ Божьимъ словомъ и Христовой истиной, и давая прекрасныя и всесторонне обоснованныя отвѣты

на тѣ злободневные вопросы, которые особенно волнуютъ въ наши дни общественную жизнь.

Въ послѣднее время,—время сильнаго соціального движенія въ нашемъ отечествѣ,—соціалистическія идеи всѣхъ видовъ и направленій, какъ извѣстно, проповѣдуются необыкновенно настойчиво и энергично и охватываютъ положительно всѣ слои общества... Книжный рынокъ въ послѣдніе дни, можно сказать, переполненъ такимъ обиліемъ, такимъ несчетнымъ множествомъ брошюръ и книжекъ соціалистическаго и атеистическаго характера,—подманивающихъ при этомъ еще многихъ необыкновенной дешевизной своего изданія,—что стоитъ удивляться, откуда только берутся эти неимоверныя усилія и средства на распространеніе всего этого книжнаго хлама, волной разливающего по лицу земли русской „смертоносный ядъ“ (Іак. 3,—8) своихъ разрушительныхъ мыслей!.. Точно «врагъ—человѣкъ» своей невидимой волшебной рукой обильно сѣетъ всѣ эти «пагубныя плевелы» соціализма и атеизма на сердца „незлюбивыхъ“ и „дѣтски вѣрующихъ“ русскихъ людей и увлекаетъ ихъ на путь безбожія, революціоннаго насилія, грабежей и кровопролитія!.. Теперь въ витринахъ книжныхъ лавокъ только и красуются имена: „Бебеля, Маркса, Лассаля, Энгельса, Лафарга, Моста, Каутскаго“ и проч. и проч. корифеевъ великой плеяды лжепроповѣдниковъ соціализма, въ своей „сожженной совѣсти“ дошедшихъ даже до полнаго отрицанія Бога, какъ внѣ мірнаго и личнаго Существа, Творца и Промыслителя міра и до полнаго отрицанія христіанской религіи, которая по ихъ словамъ есть „ничто иное какъ предразсудокъ“, а „христіане—это глупцы, желающіе купить у церкви спасеніе души“... «Ни Бога, ни господина!»—утверждаетъ лозунгъ соціалистовъ Бланки. „Уничтожьте понятіе о Единомъ Божествѣ“,—взываетъ Дитценъ. Богъ—это „древній тиранъ“ и „устарѣлый педагогъ“, котораго нужно «похерить». Мѣсто Бога занимаетъ культурное человѣческое общество. Воля народа является волею абсолюта. Вѣра въ Бога противорѣчитъ нашей вѣрѣ въ себя. Не Богъ создалъ человѣка, а человѣкъ Бога. Предъ свободною мыслью будущаго спасуетъ вѣра въ Бога, потому что она есть плодъ суевѣрія... Христіанская религія «это система для угнетенія человѣчества господствующими классами», средство «порабощенія народа», и его «эксплоатаціи»; христіанство «враждебно свободѣ и культурѣ» и «служить тормазомъ для соціального просвѣщенія пролетаріата» ...

«Я заявляю, пишетъ Бебель, что я противникъ всякой религіи... Съ точки зрѣнія прогресса человѣчества упраздненіе христіанства прямо таки необходимо»... «Нога ваша, взываетъ Мосьтъ къ рабочимъ массамъ, уже давно не вступала въ церковь... Но этого недостаточно. Скажите прямо, что вы отрекаетесь отъ Церкви.. Соберитесь подъ знаменемъ науки, которая отвергаетъ всякія суевѣрія» ¹⁾.

Плоды дѣятельной соціалистической пропаганды безвѣрія и ожесточенной борьбы съ Церковію на Западѣ достигли крайне печальныхъ результатовъ: тамъ, въ настоящее время, произошло полное отдѣленіе церкви отъ государства.. Тамъ «отъ церкви отнимается теперь не только государственная и общественная субсидія, но и ея собственное достояніе; забираются ея школы и церковный элементъ изгоняется изъ свѣтскихъ школъ; удаляется все церковное изъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій и публичныхъ мѣстъ, закрывается организованная церковно-общественная благотворительность, изгоняются конгрегации и духовныя лица изъ соціальной территоріи и службы, запечатываются монастыри, преслѣдуются религіозныя процессіи, ношеніе особыхъ одеждъ, обѣты бѣдности и цѣломудрія и т. д.» ²⁾.

Точно такую же противо-религіозную пропаганду социализмъ начинаетъ открывать и у насъ въ Россіи... Всѣ эти дешевыя изданія соціалистическихъ брошюръ имѣютъ именно ту пагубную и преступную цѣль, чтобы вытравить вѣру изъ сердца малопросвѣщеннаго русскаго народа, чтобы изгладить всякія христіанскія убѣжденія изъ народной души и самое христіанство представить не болѣе, какъ плодъ «предразсудка и суевѣрія», поддерживаемаго въ темной народной массѣ исключительно изъ своихъ личныхъ и матеріальныхъ выгодъ «ловкими жрецами» и «поповскимъ сословіемъ»... «Наша обязанность, говоритъ Либкнехтъ, тщательное искорененіе вѣры, и только тотъ достоинъ имени соціалиста, кто, будучи самъ невѣрующимъ, со всѣмъ усердіемъ содѣйствуетъ распространенію невѣрія»... «А Мосьтъ вопитъ: «богословіе съ его небомъ и адомъ—извѣстная чушь! Если бы даже все поповское сословіе закрыло солнце, налетѣвъ какъ саранча, соціалистическихъ рабочихъ все-таки не отвратить отъ ихъ путей и цѣлей» ³⁾...

¹⁾ „Христіанская Церковь и Современный Соціализмъ“—стр. 14—15.

²⁾ „Христіанская Церковь и Современный Соціализмъ“—стр. 20.

³⁾ Прот. І. І. Восторговъ: „Христіанство и социализмъ“, стр. 29.

Но этого мало... Кому неизвѣстно еще, что наше время—время широкаго развитія въ нашемъ отечествѣ всѣхъ видовъ сектантства, довершающаго дѣло социалистовъ и являющагося особенно серьезною болѣзью въ организмѣ Православной Русской Церкви, со времени Высочайшаго Указа 17 апрѣля 1905 года.. И эту болѣзнь неотложно усилено лечить... „Но какъ для успѣшнаго леченія тѣлесныхъ болѣзней врачи, обычно, прежде ставятъ діагнозъ болѣзни, т. е. распознаютъ ее,—говоритъ почтенный авторъ брошюръ,—такъ у врачей духовныхъ должна быть своя діагностика о болѣзняхъ души. И если мы, съ цѣлью предохранить себя отъ тѣлесныхъ болѣзней, стараемся изучать ихъ, пользуясь услугами популярной медицины, то и для огражденія себя отъ духовныхъ болѣзней мы также должны знакомиться съ ними. По этимъ причинамъ возможно большее знакомство съ „русскимъ сектантствомъ.“ и является „насущною потребностью особенно нашего времени“ ¹⁾..

Наконецъ, тревожныя событія нашего времени съ особенною сялою выдвинули на нашихъ же глазахъ и еще два очень важныхъ вопроса, правильное рѣшеніе которыхъ и освѣщеніе съ христіанской точки зрѣнія въ наши дни крайне необходимо: это—„вопросъ о смертной казни“ и вопросъ о „Русскомъ Самодержавіи“... И должно замѣтить, что всѣ эти социалистическія бредни—мысли, всѣ эти новые вопросы, новыя положенія и осложненія въ религіозной и политической жизни русскаго народа какъ-то сразу нахлынули и нависли надъ русской землей, точно темная, безпросвѣтная туча...

И вотъ всѣмъ, кому дорога истина Христова ученія, кто любитъ всѣмъ сердцемъ и душой св. матеръ Церковь Православную, кто цѣнитъ высоко и дорого чувство патриотизма и преданъ отечеству—русской землѣ,—тѣ должны прійти на помощь русскому народу, тѣмъ необходимо настойчиво и энергично бороться и съ противохристіанскимъ социалистическимъ направленіемъ нашихъ дней и безбожными социалистическими тенденціями; тѣмъ необходимо зорко слѣдить за причинами появленія, движеніемъ, и современнымъ состояніемъ „русскаго сектантства“ и быть знакомымъ съ правилами „миссіонерской полемики“, чтобы успѣшно защищать истину православія, чтобы, по словамъ апостола, „со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ“ (2 Тим. 3,—8; 4,—2) вести обличеніе, запрещеніе, увѣщаніе людей противя-

¹⁾ „Русское сектантство“, стр. 1.

щихся истинѣ, развращенныхъ умомъ и невѣждѣ въ вѣрѣ и “съ кротостію наставлятъ противниковъ, не дастъ-ли имъ Божъ покаянія къ познанію истины, чтобы они освободились отъ сѣти діавола, который уловилъ ихъ въ свою волю” (2 Тим. 2,—25—26); тѣмъ необходимо ясно и твердо знать на основаніи ученія слова Божія и лучшихъ убѣжденій и доводовъ разума „религіозную правду Русскаго Самодержавія“ — „эту твердыню русской народной души, русскаго народнаго благополучія“.. На встрѣчу всѣмъ этимъ добрымъ намѣреніямъ и пожеланіямъ, на помощь русскому народу разобраться въ должной оцѣнкѣ и освѣщеніи словомъ Евангельской правды, свѣтомъ Христова Ученія всей этой злободневной мути, взбаламученнаго житейскаго моря, и идутъ всѣ вышеупомянутыя брошюры Ивана Георгіевича Айвазова, какъ слово достойное искупеннаго и опытнаго миссіонера Православной русской Церкви!.. „На арену жизни,—звываетъ почтенный авторъ въ одной изъ своихъ брошюръ,—выступила новая, могучая сила, объявившая всякой религіи и христіанству смерть. Въ этомъ смертномъ приговорѣ одна изъ главныхъ задачъ современнаго намъ социализма... Нужна борьба, борьба неотложная и весьма сложная... Недостаточно заявить, что современный социализмъ противенъ христіанству. Нѣтъ!.. Намъ надо броситься въ пучину волнъ социализма и, если не разбить ихъ совершенно, то хотя смирить ихъ ропотъ настолько, чтобы спасти возможно большее число утопающихъ и захлебывающихся мутью ихъ“ 1).. „Итакъ, бросимъ рябить поверхность великаго русскаго моря! Заглянемъ въ глубины его!.. Проникнемъ въ душу человѣка и тамъ насадимъ божественный рай“!.. 2) Нѣкоторыя изъ брошюръ И. Г. Айвазова встрѣтили себѣ весьма сочувственный откликъ и въ періодической печати. Такъ, относительно брошюры: „Миссіонерская полемика“ 3) въ журн. „Церковныя Вѣдомости“ читаемъ: „имѣли сужденіе о необходимыхъ дополненіяхъ миссіонерской полемики. По выслушаніи составленнаго по сему предмету г. Айвазовымъ доклада, постановили: принявъ этотъ докладъ къ свѣдѣнію, напечатать оный въ „Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“ и отдѣльные оттиски

1) „Христіанская церковь и Современный Социализмъ“—стр. 21.

2) „Русское Сektантство“—стр. 38.

3) Эта брошюра представляетъ собою докладъ, читанный И. Г. Айвазовымъ въ VI отдѣлѣ Высочайше учрежденнаго Присутствія при Святѣйшемъ Синодѣ для разработки вопросовъ, подлежащихъ рассмотрѣнію на Помѣстномъ церковномъ Соборѣ, 10 мая 1906 г.

его разослать епархіальнымъ и уѣзднымъ миссіонерамъ для руководства при веденіи миссіонерскихъ бесѣдъ¹⁾).

Профессоръ А. Бронзовъ, въ своей статьѣ: „Русская противосоціалистическая литература“,—помѣщенной такъ же въ журн. „Церковныя Вѣдомости“,—указывая на многія сочиненія авторовъ, которыя могутъ оказать существенную помощь въ борьбѣ съ соціалистическимъ зломъ нашихъ дней, отмѣчаетъ въ числѣ ихъ и брошюру И. Г. Айвазова: „Христіанская церковь и современный соціализмъ“, говоря о ней кратко, но сильно: „съ знаніемъ дѣла и горячо написанная брошюра“²⁾!...

Къ этимъ авторитетнымъ отзывамъ намъ хотѣлось присоединить и свой слабый голосъ, рекомендуя брошюры И. Г. Айвазова благосклонному вниманію пастырей—собратовъ, какъ могущія оказать именно пастырямъ церкви весьма большую услугу, особенно въ наше время, когда, теченіемъ общественной жизни и политическихъ событій, пастыри зачастую поставлены въ необходимость по вѣсьмъ этимъ злободневнымъ вопросамъ „быть всегда готовыми всякому требующему отчета въ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ“ (1 Петра 3, 15). Прекрасныя и обстоятельныя по своему изложенію, недорогія и доступныя по цѣнѣ³⁾, онѣ весьма желательны для пріобрѣтенія въ церковныя и школьныя библіотеки, но особенно въ библіотеки Уѣздныхъ Отдѣленій Братства Озерянской Вожіей Матери, какъ имѣющихъ своею цѣлью⁴⁾ религіозно-нравственное просвѣщеніе русскаго народа...

Отъ души желаемъ самаго широкаго распространенія ихъ въ читающемъ русскомъ обществѣ и особенно въ средѣ пастырей православной русской церкви!...

Священникъ Николай Загоровскій.

1907 года. Марта 16 дня.

¹⁾ „Церк. Вѣд.“ 1906 г. № 22, стр. 1587.

²⁾ „Церк. Вѣд.“ 1907 г. № 6, стр. 279.

³⁾ „Христіанская Церковь и Современный Соціализмъ“,—ц. 20 к.

„Миссіонерская полемика“,—ц. 20 к.

„Русское сектантство“,—ц. 25 к.

„Къ вопросу о смертной казни“,—ц. 20 к.

„Религіозная правда Русскаго Самодержавія“,—ц. 10 к.

Цѣны обозначены съ пересылкою. Выписывать ихъ можно изъ всѣхъ книжныхъ магазиновъ большихъ городовъ и отъ автора: „г. Харьковъ, Екатеринопольская ул. № 81, Епархіальному миссіонеру И. Г. Айвазову“.

Архіерейскія богослуженія.

26-го апрѣля, въ четвергъ, по случаю перенесенія чудотворнаго образа Озерянской Божіей Матери изъ Харькова въ Куряжскій монастырь, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій совершалъ Литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Евгениемъ, Епископомъ Сумскимъ. Въ служеніи участвовали архимандраты: Вассіанъ, Іосифъ, Аѳанасій и Аркадій, игумены: Іоаннскій и Тихонъ и іеромонахи Покровскаго монастыря. За литургіей была произнесена по назначенію проповѣдь священникомъ кафедральнаго собора Васиіемъ Яновскимъ. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ Божіей Матери. Осѣнивъ чудотворнымъ образомъ молившихся въ храмѣ, Владыка вручилъ образъ двумъ архимандритамъ, и началось шествіе изъ храма. При выходѣ изъ храма образъ: принялъ Харьковскій губернаторъ генер.-л. Н. Н. Пѣшковъ. Крестный ходъ, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ (см. № 8 ж. „В. и Р.“) совершенно былъ въ обычномъ порядкѣ, во главѣ съ Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Арсеніемъ и Епископомъ Евгениемъ, при участіи всего градскаго духовенства и при громадномъ стеченіи народа. Владыка сопровождалъ образъ до Кафедральнаго собора, здѣсь, на площади онъ осѣнилъ образомъ народъ и вошелъ въ соборъ, а крестный ходъ во главѣ съ Преосвященнымъ Епископомъ Евгениемъ направился далѣе по обычному пути до Озерянской церкви, что на Холодной горѣ, куда прибылъ около 2 час. дня. Здѣсь Преосвященный Евгений въ послѣдній разъ осѣнилъ Харьковъ чудотворнымъ образомъ и передалъ его куряжскому духовенству. Послѣ этого образъ помещенъ былъ въ фонарь, народъ подвѣялъ фонарь и понесъ въ Куряжъ.

Въ этотъ день, въ 10 ч. 19 м. веч. Владыка отбылъ изъ Харькова въ г. Ахтырку для поклоненія чудотворному образу Ахтырской Божіей Матери и обозрѣнія церквей г. Ахтырки и Ахтырскаго Троицкаго монастыря.

— 27-го апрѣля, въ пятницу, Его Высокопреосвященство въ 9-мъ часу утра прибылъ въ Ахтырскій Покровскій соборъ, гдѣ, послѣ торжественной встрѣчи гражданскѣмъ духовенствомъ, совершилъ молебствъ Божіей Матери предъ Ахтырскѣмъ чудотворнымъ ея образомъ въ сослуженіи: архимандрита Аѳанасія, игумена Ахтырскаго монастыря—Архистарха, ключаря кафедральнаго собора протоіерея І. Гончаревскаго, благочиннаго 1 округа, Ахтырскаго уѣзда протоіерея Василія Федорова и 12 градскихъ священниковъ. Предъ молебномъ Владыка обратился къ предстоявшимъ съ рѣчью, въ которой сказалъ, что послѣ горестнаго событія похищенія Ахтырской иконы Божіей Матери и обрѣтенія ея, въ коемъ выразилась милость Божіей Матери, оныя считалъ своимъ долгомъ прибыть въ Ахтырку, чтобы помолиться Царицѣ Небесной; но разные препятствія не позволяли долго осуществлять это желаніе. Теперь, по прибытіи въ Ахтырку, оныя первымъ долгомъ считаетъ помолиться Царицѣ Небесной и вылить чувства благодарности ей за сохраненіе ея чудотворнаго образа и приглашаетъ всѣхъ собравшихся принять участіе въ этой молитвѣ. Служеніе Владыки при участіи большаго сонма духовенства, хорошему пѣнію и множествѣ молящихся имѣло весьма торжественный и умоплательный характеръ.

Послѣ этого Владыка совершилъ въ этотъ день обзоръ 10-ти ахтырскихъ храмовъ; въ каждомъ храмѣ Владыка былъ торжественно встрѣчаемъ духовенствомъ и множествомъ прихожанъ.

— 28-го апрѣля, въ субботу, Его Высокопреосвященство совершилъ въ Ахтырскомъ соборѣ въ 8^{1/2} часовъ утра, литургію при участіи сослужащихъ и при громадномъ стеченіи молящихся. Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ проповѣдь о значеніи и великой силѣ словъ „Христосъ воскресъ“ и „Востину воскресъ“, а послѣ литургіи раздавалъ молящимся ятосъ.

Въ этотъ же день прибылъ въ Ахтырскій монастырь, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ братією монастырскихъ братьевъ. Въ главномъ Троицкомъ храмѣ была совершена краткая литія, послѣ чего Владыка обратился къ братіи съ рѣчью, въ которой разъяснилъ ей величіе и значеніе монашескаго призванія и преподавалъ наставленія относительно монастырскаго богослуженія и жизни монашеской—внѣшней и внутренней, которая должна быть трудолюбивая, строгая, высокоправственная, мирная и смиренная.

— 29-го апрѣля, въ воскресенье, Его Высокопреосвященство, въ 8^{1/2} час. утра совершилъ литургію въ главномъ Троицкомъ храмѣ монастыря въ сослуженіи: архимандрита Аѳанасія, игумена Ари-

свѣрха, ключаря протоіерей Іоанна Гончаревскаго и трехъ іеромонаховъ. При служеніи, іеромонахъ Филаретъ былъ награжденъ набедренникомъ. Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ проповѣдь, въ которой изъяснилъ событія, соединяемыя съ первымъ воскресеніемъ послѣ Пасхи—сошествіе Іисуса Христа во адъ и явленіе Его ученикамъ своимъ вмѣстѣ съ Ѳомою. Слова Ѳомы,—объяснилъ Владыка,—„не повѣрю (воскресенію Іисуса Христа), пока самъ не увижу“—не означаютъ невѣрія или отрицанія, а означаютъ сожалѣніе любящаго ученика и желаніе насладиться видѣніемъ воскресшаго Учителя. Слова ап. Ѳомы—«Господь мой и Богъ», даютъ намъ великій урокъ вѣры, ибо эти слова ап. Ѳомы можетъ произносить только глубоковѣрующій христіанинъ; ихъ мы должны возможно чаще произносить. Другой урокъ даетъ намъ замѣчаніе Господа Іисуса Христа ап. Ѳома—„блаженнѣе тѣ, которые не видѣли и вѣруютъ“. Они имѣютъ къ намъ близкое отношеніе, обличаютъ маловѣріе наше, и внушаютъ необходимость вѣры, ибо все, что относится къ нашему спасенію, не видимо. Послѣ литургіи Владыка отслужилъ молебень Божіей Матери предъ иконою Скорбящей Божіей Матери и предъ выходомъ изъ церкви раздавалъ артосъ. Храмы были переполнены молящимися. Предъ вечеромъ Владыка въ теченіе трехъ часовъ обозрѣвалъ хозяйство и келіи монастырскія, а въ 9 часовъ вечера, проставшись съ братіей, собравшейся въ главной церкви, отбылъ изъ монастыря, торжественно провожаемый братіей.

— 6-го мая, въ день рожденія Государя Императора Николая Александровича, Его Высокопреосвященство совершалъ литургію въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи кафедральнаго протоіерей о. С. Любцакаго, ректора семинаріи протоіерей о. А. Юшкова, ключаря протоіерей І. Гончаревскаго, благочиннаго протоіерей о. В. Добронольскаго и соборныхъ священниковъ о. Г. Виноградова и о. Л. Твердохлѣбова. За литургіей слово было произнесено законоучителемъ института благородныхъ дѣвицъ о. П. Грома. Послѣ литургіи былъ совершенъ благодарственный молебень съ произнесеніемъ многолѣтій Государю Императору и всему Царствующему Дому. Въ храмъ присутствовали Харьковскій вице-губернаторъ, представители военнаго и гражданскихъ вѣдомствъ и много молящихся. При этомъ служеніи крестьянинъ Іаковъ Чалый рукоположенъ во діакона къ Успенской церкви с. Савинець, Изюмскаго уѣзда.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Годичное Собрание Членовъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ воскресенье 1-го апрѣля, въ часъ дня, въ Крестовой церкви Харьковскаго Архіерейскаго Дома, подъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, происходило общее собраніе членовъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Наканунѣ Собранія, 31 марта, въ Кафедральномъ соборѣ Пресвященнымъ предсѣдателемъ Комитета, Епископомъ Сумскимъ Евгеніемъ была отслужена соборне съ городскимъ духовенствомъ павхуда по усопшимъ членамъ Комитета.

Собраніе началось пѣніемъ молитвы Святому Духу, послѣ чего Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Предсѣдателемъ Собранія, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ Арсеніемъ была произнесена рѣчь о цѣляхъ и задачахъ Православнаго Миссіонерскаго Общества. Послѣ этой рѣчи законоучителемъ Харьковскаго реального училища, священникомъ І. Дмитревскимъ предложено было вѣнчанію присутствовавшимъ слѣдующее чтеніе о Іерусалимѣ.

„Кому не извѣстно, что для всякаго христіанина нѣтъ мѣста на землѣ болѣе святаго, нѣтъ города по своимъ священнымъ воспоминаніямъ болѣе дорогаго, чѣмъ Іерусалимъ? Но когда я думаю объ Іерусалимѣ, не на этомъ останавливается моя мысль,—меня поражаетъ историческая судьба этого города, какъ „матери церквей и Божія жилища“. Прослѣдить и идейно осмыслить эту судьбу и составляетъ мою настоящую задачу.

Совершенно безвѣстный вначалѣ, древній Іевусъ, потомъ—Іерусалимъ впервые вступаетъ на страницы исторіи со времени вѣцаренія Давида. Желаніе поровнять и умиротворить всѣ колѣна, изъ которыхъ каждое приглашало новаго царя жить въ свой городъ, родило въ Давидѣ мысль завоевать ни одному изъ колѣнъ не принадлежавшій тогда Іевусъ и сдѣлать изъ него столицу. Но рожденный идеей мира и равенства, Іерусалимъ заявилъ себя блуднымъ сыномъ на протяжении всѣхъ своей многовѣковой исторіи! Но это было потомъ. Итакъ, гордый своею неприступностію, Іевусъ взятъ; но идеѣ получаетъ себѣ и новое имя—Іерусалимъ—городъ мира. Расположенный на двухъ холмахъ—Сіонъ и Марія, окруженный съ трехъ сторонъ глубокими рывинами; высоко поднятый надъ окружающею мѣстностію и на 2,600 футовъ—надъ

уровнемъ моря, Іерусалимъ казался, какъ-бы, островомъ среди окружающей равнины и по высотѣ занималъ положеніе господствующее во всей странѣ. Это былъ по истинѣ царственный городъ. Укрѣпленія его на высокихъ холмахъ, Давидъ искалъ въ немъ непреступности для враговъ, а Промыслъ Божій выдвггалъ въ немъ высокой пьедесталъ для подножія креста Христова, чтобы болѣе былъ позоръ распятія в выше слова воскресенія, чтобы издали было видно, какъ возлюбилъ Богъ миръ и какъ Онъ Сына Своего предалъ за грѣхи мвра! Давидъ укрѣпиль Іерусалимъ и разширилъ его, а Соломонъ построилъ въ немъ величественный храмъ. Съ тѣхъ поръ Іерусалимъ сдѣлался центромъ религіозной жизни и пребывалъ и пребываетъ таковымъ во всѣ времена,— сначала для евреевъ только, а потомъ—со времени пришествія Христа—для эллина и іудея, обрѣзаннаго и необрѣзаннаго варвара и скива,—для всѣхъ, кто увѣровалъ въ пришедшаго Спасителя міра. И какъ трогательно любили его лучшіе изъ евреевъ: „если я забуду тебя, Іерусалимъ, зывали они изъ далекаго плѣна Вавилонскаго, забудь меня десница моя. Прильпни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалимъ во главѣ веселія моего“! (Пс. 136, 5—6). Однако, слава Іерусалима, достигши высшей своей степени при Соломонѣ, не пережила своего виновника. Со смертію Соломона лучезарная звѣзда Іерусалима быстро стала склоняться къ закату. Уже при сынѣ Соломона—Ровоамѣ, городъ, храмъ и царскій дворецъ были безпощадно разграблены египетскимъ фараономъ Сусакомомъ. Далѣе—было еще хуже. За то, что іудеи „дѣлали неудобное предъ очами Господа и ходили въ слѣдъ боговъ чужихъ“ Іерусалимъ дважды былъ на краю гибели, угрожавшей отъ Сеннахирима, царя Ассирійскаго и трижды былъ взятъ и разграбленъ Навходоносоромъ, царемъ Вавилонскимъ. Въ послѣдній разъ—въ десятый день пятаго мѣсяца, въ 19-й годъ царствованія Навходоносора—стѣны Іерусалима были разрушены, храмъ, дворцы и всѣ лучшія зданія—сожжены. Іерусалимъ сдѣлался грудой развалинъ и храмовая гора превратилась въ пустынную высоту! Страшный этотъ день и доннѣ вспоминается у іудеевъ строгимъ постомъ! Такъ кончилъ свою почти пять сотъ-лѣтнюю самостоятельную историческую жизнь преступный городъ. Идея религіознаго назначенія создала его исторію, эта же идея красною нитью видна въ судьбѣ Іерусалима и во всѣ времена. Стѣны города потому возстановлялись; возстановлялся храмъ, опять разрушался и опять

возстановлялся; мѣнялась царя, народы, времена; бурный потокъ политическыхъ переворотовъ, интригъ, потрясеній пронесся надъ злополучнымъ городомъ;— все мѣнялось, неизмѣнною только осталась идея религіознаго назначенія Иерусалима. Поставленный, какъ-бы, показателемъ религіозной состоятельности и несостоятельности народа іудейскаго въ періодъ подзаконный, Иерусалимъ временно сошелъ съ исторической сцены, когда народъ іудейскій окончательно палъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, но онъ не погибъ окончательно, какъ древніе Ниневія, Вавилонъ и другіе города, ибо миссія его была шире служенія одному только еврейскому народу. Промыслу Божию угодно было сдѣлать Иерусалимъ вѣчнымъ городомъ и онъ вновь возродился изъ пепла и развалинъ, чтобы быть воплощеніемъ религіозной идеи и во времена благодатныя, какъ онъ былъ носителемъ ея въ періодъ подзаконный. Трудями іудейскаго князя Заровавеля и первосвященника Іасуса, ввочерпія царя Артаксеркса, Нееміи и священника Эздры Иерусалимъ и храмъ его были возстановлены вновь. Правда, это не былъ уже тотъ славный Иерусалимъ времени Соломона, но все-же это было возрожденіе, новое пробужденіе къ жизни, повидному, совсѣмъ уже умершаго города. Идумеянинъ Иродъ богато украсилъ Иерусалимъ роскошными постройками. Побывавши послѣдовательно рабомъ Мидянъ, Персовъ, Македонянъ, Египтянъ Сирійцевъ и Римлянъ, Иерусалимъ однако не погибъ и подъ четырехъ-сотъ-лѣтнимъ гномъ этого рабства. Своимъ политическимъ рабствомъ онъ долженъ былъ обострять въ евреяхъ, усиливать сознаніе нравственнаго рабства предъ закономъ и чрезъ то воспитывать въ нихъ, возбуждать жажду освобожденія. Эта мессіанская идея и служила источникомъ возрожденія не разъ умирающаго города. Но вотъ „исполнилась полнота временъ“,— на землѣ, въ Вилеемѣ, въ семи перстахъ отъ Иерусалима родился Сынъ Божій,— явился въ міръ обѣтованный Мессія. Иерусалимъ къ тому времени сдѣлался общимъ центромъ всего іудейства по преимуществу. Онъ былъ сосредоточіемъ не только гражданской жизни, но и высшихъ идеаловъ религіозныхъ. Мессію большинство евреевъ ожидало, какъ царя земнаго, поэтому на Иерусалимъ, какъ на столицу, естественно смотрѣли, какъ на будущую резиденцію Великаго Освободителя. Ожиданіе это было до такой степени живо, что самые правители вѣрноподданнаго народа во времена Маккавеевъ принимали власть лишь условно,— „доколѣ возстанетъ Пророкъ вѣрный“ (Матт. 24,—41).

Понятнымъ, поэтому, представляется рассказъ, Евангелиста о томъ, что „Иродъ в весь Іерусалимъ съ нимъ *смутился*“ узнавъ, что съ востока пришли волхвы, и спрашиваютъ: гдѣ находится родившійся Царь іудейскій? (Мѡ. 2, 1—4). Смутился, хотя и ожидалъ, пораженъ былъ, какъ громомъ, хотя в видѣлъ, что атмосфера давно была насыщена электричествомъ. Такъ смущается преступникъ, узнавшъ, что напали на слѣды его преступленія! И было отчего смутиться.—Великій въ своемъ звѣрствѣ Иродъ, это, по выраженію Іосифа Флавія, безжалостное чудовище, весь былъ занятъ невинною кровію своихъ жертвъ; запятнанъ былъ вопіющей къ небу объ отомщеніи кровію и преступный городъ „избавшій пророковъ и камнями побившій посланныхъ къ нему“ (Мѡ. 23,—37). Суда только могъ ждать себѣ Іерусалимъ отъ Царя правды в этотъ судъ скоро совершился надъ нимъ! Христа—обѣтованнаго Мессію, не призналъ и не принялъ преступный городъ и народъ. Вмѣстодворца Царю своему Іерусалимъ готовилъ Ему Голгоѳу, вмѣсто трона—крестъ; за чудеса Его онъ назвалъ Его соучастникомъ Веельзевула, за благодѣянія—„ядцей и пійцей“, за любовь къ несчастнымъ—„другомъ мытарей и грѣшниковъ“, за безконечное самопожертвованіе,—опаснымъ реформаторомъ, который могъ погубить весь народъ: „лице оставилъ Его тако, разсуждали на экстремномъ засѣданіи Синедріона, всѣ увѣруютъ въ Него; и придутъ Римляне и возьмутъ мѣсто и языкъ нашъ“, и рѣшили: «ты еси намъ, да единъ человекъ умретъ, за люди, а на весь языкъ погибнетъ» (Іоан. 11,—47—50). Совершилось... Незареченная любовь, Спаситель міра, Господь—Царь славы позорно повѣшенъ на крестѣ! Земля затряслась, камни разсѣлись, а Іерусалимъ радовался. Такъ радуется убійца надъ дымящимся трупомъ убитой имъ жертвы! Но невинная кровь вопіетъ къ небу, и если Іерусалимъ получалъ прощеніе, убивая рабовъ, то онъ лишился всякой надежды на снисхожденіе, когда убилъ Владыку и Господа.—Іерусалиме, Іерусалиме, избившій пророковъ и каменіемъ побиваяй посланныхъ къ тебѣ! Колькраты восхотѣхъ, собрати жиды твоя, якоже собираетъ ковшъ пшеницы своя полъ крылъ, и не восхотѣсте.— Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ... Да придетъ на вы вся кровь праведна, проливаемая на землю, отъ крове Авеля до крове Захарія, сына Варахіяна, егоже убаста между церковію и алтаремъ. Аминь, глаголю вамъ, яко придутъ вся сія на родъ сей! (Мѡ. 23,—35—9).

— И пришло.—Это было въ 70 году по Р. Х. Весною этого года, незадолго до Пасхи, римскій полководецъ Титъ съ огромнымъ вой-

скомь подошелъ къ Іерусалиму. Городъ былъ надежно укрѣленъ, овъ былъ окруженъ тройною каменною стѣною, вдоль которой стояло до 90 сильно укрѣпленныхъ башенъ. Но, къ сожалѣнію, только въ стѣнахъ и башняхъ заключалась вся его сила. Распивши Царя мира, взявши на себя и на дѣтей своихъ кровь Его (Мѣ. 27,—25), Іерусалимъ теперь представлялъ изъ себя арену страшной, кровопролитной, междоусобной борьбы. Тамъ свирѣпствовали Зилоты, которые находились въ непримиримой враждѣ съ остальными евреями. Подкрѣпленные Идумеями, они въ нѣсколько дней убили до 20,000 человекъ. Кровавыми схватками и убійствами оскверненъ былъ даже храмъ. Бѣдствія города повстаніемъ были непримѣримы въ восторѣ. Къ празднику Пасхи сюда собралось болѣе двухъ милліоновъ однихъ мужчинъ. Въ Іерусалимѣ открылся страшный голодъ. Имѣвшіе кое-какіе запасы тщательно прятали ихъ; богачи зарывали деньги свои, боясь грабежа, а потомъ на вѣсъ золота покупали мѣру пшеницы или ржи. На рынкахъ перестали показываться съѣстные припасы. Кто имѣлъ что-либо у себя, тотъ ѣлъ тайно; ѣли зерна немолотыя. Достаточно было развести огонь, чтобы привлечь толпу грабителей. Съ оружіемъ въ рукахъ отнимали они у несчастныхъ послѣдній кусокъ хлѣба, послѣднюю горсть муки. Стали питаться травою, кореньями, гнильемъ, сѣномъ, ремнями; ѣли мышей, лошадей, всякую падаль. Наконецъ, дошло до того, что трупы умершихъ стали служить пищей. Развилась страшная болѣзнь и невѣроятная смертность. Улицы и площади города были завалены трупами, которые зловоніемъ заражали воздухъ. Трупы стали выбрасывать за городъ и въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ ихъ было выброшено до 600,000. Вѣглецовъ, пытавшихся проникнуть за стѣны города, римляне безжалостно распинали на крестахъ в число такихъ, говоритъ Іосифъ Флавій, бывало такъ велико, что иногда въ одинъ день погибало крестною смертію до 500 человекъ. При такихъ условіяхъ не оставалось, конечно, ни малѣйшей надежды на побѣду надъ римлянами; и 10 августа 70 года, въ день разрушенія перваго храма Навуходносоромъ, Іерусалимъ былъ взятъ Титомъ и совершенно разрушенъ. Считаютъ, что во время осады Іерусалима отъ меча, голода и болѣзней погибло до милліона ста тысячъ іудеевъ и сверхъ того около ста тысячъ было взято въ плѣнъ. Зданія были разрушены, храмъ совершенно уничтоженъ; только три башни, оставленныя Титомъ, стояли теперь одинокими свидѣтелями былаго величія и настоящаго ничтожества!

(Окончаніе бюджета).

Иноепархіальный отдѣлъ.

Призывъ къ трезвости

Новый туркестанскій епископъ Диматрій объявилъ войну тому вѣковому врагу нашей земли, который, въ всякого сомнѣнія, принесъ ей наиболѣе зла. Владыка напечаталъ въ епархіальномъ органѣ нормальный уставъ приходскихъ обществъ трезвости и сопровождалъ его слѣдующею знаменательною резолюціей: Господи благослови! Полагаю, излишне говорить о безусловной необходимости и великой пользѣ открытіи обществъ трезвости во всѣхъ городахъ и весяхъ нашего обширнаго Отечества, въ томъ числѣ и въ приходяхъ нашей епархіи. Смело и горячо молю Господа, да ниспошлетъ Онъ намъ, Всемогущѣйшій нашъ Спаситель, силу и крѣпость для борьбы съ самымъ безпощаднымъ и страшнѣйшимъ врагомъ нашимъ—пьянствомъ, да даруетъ намъ разумѣніе для вразумленія нашихъ дорогихъ духовныхъ чадъ и братьевъ и отвращенія ихъ отъ пагубнаго хмѣльнаго питья. Зная, какъ губятъ народъ нашъ водка, я именемъ Господа и Бога нашего Иисуса Христа молю васъ, пастыри Христова стада, вступать въ дѣлательную борьбу съ этимъ всенароднымъ недугомъ, посредствомъ лучшаго прамѣра, слова, убѣжденія, открытія обществъ—братствъ трезвости по приходамъ и привлеченія въ члены ихъ своихъ пасомыхъ помочь народу побѣдить мучителя-врага. Я же, недостойный, Духомъ Святымъ посланный епископомъ вашимъ, объявляю себя братствомъ всѣхъ настоящихъ и будущихъ братствъ обществъ трезвости въ вѣрвенной мнѣ Богомъ епархіи и общаю о Господѣ всѣми доступными мнѣ силами и мѣрами способствовать процвѣтанію этихъ обществъ. Я изгоняю изъ своего домашняго употребленія всякій хмѣльной напитокъ, общаю самому ни когда не пить и другимъ не предлагать. Къ этому приглашаю я и всѣхъ своихъ сопастырей, дерзновенно говоря, въ словахъ святаго апостола: „подражатели мнѣ бывайте“. („Туркест. Епарх. Вѣд.“), 01.

Оружіе и духовенство

Нѣкоторые изъ священнослужителей Пензенскаго уѣзда, въ виду настоящаго тревожнаго времени, обратившись къ уѣздному исправнику съ просьбамъ о выдачѣ имъ, или ихъ женамъ разрѣшеній на право имѣть въ домѣ оружіе для самообороны, безъ каковыхъ разрѣшеній оружіе, въ виду дѣйствія въ Пензенской губерніи положенія объ усиленной охранѣ, не продается. Исправникъ просилъ Консисторію увѣдомлять, не встрѣчается ли съ ея стороны препятствій къ удовлетворенію означенныхъ просьбъ священнослужителей. Разсмотрѣвши подвѣтый вопросъ, Консисторія постановила, что со стороны Епархіальнаго Начальства не можетъ быть изъявлено согласія на выдачу священнослужителямъ разрѣшенія на право имѣть въ домѣ и носить при себѣ оружіе даже и для самообороны, такъ какъ по каноническимъ правиламъ клирикъ не можетъ даже наносить кому либо ударовъ, тѣмъ болѣе запрещается ему убійство, хотя бы и невольное, почему клирикъ, поразившій даже нападающаго на него разбойника и вообще запятнавшій себя пролитіемъ крови человѣческой, не можетъ оставаться въ клирѣ и быть служителемъ безкровной жертвы (Апост. прав. 66, Васил. Вел. 55—56, Григ. Нпск. 5, Анквр. соб. 21—23). Въ поученіи же святительскомъ священнику запрещается даже закалать животныхъ. Да и миряне, оправдываемые иногда свѣтскимъ судомъ въ невольномъ убійствѣ, все же подлежатъ духовному наказанію. Такое опредѣленіе Консисторіи Его Преосвященствомъ утверждено. (П. Е. В.)

Разныя извѣстія и замѣтки.

Резолюція Архіепископа Волынскаго Антонія.

На постановленіи правленія Волынской духовной семинаріи относительно увольненія воспитанниковъ первыхъ 4 классовъ, рѣшившихъ не держать переходныхъ экзаменовъ, Архіепископъ Антоній, какъ передаетъ „Волынская Жизнь“, положилъ слѣдующую резолюцію:

„Утверждается. Пусть несчастные юнѣши образумятся хоть тѣмъ, что сельскія общества въ приговорахъ заявляютъ негодованіе на

нецерковныя направленіе учениковъ семинаріи, называя ихъ „ворами народныхъ денегъ“, жертвуемыхъ на церкви, и угрожая отнять ихъ. Прежде семинаріи страдали недостаткомъ дисциплины, но вскупали его усердіемъ къ учебнымъ обязанностямъ, а нынѣ, пренебрегая послѣдними, и безъ всякаго стыда отказываясь отъ нихъ, семинаристы возбуждаютъ презрѣніе къ себѣ даже со стороны свѣтскихъ студентовъ и школьничковъ, которые при всемъ безобразномъ нарушеніи всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, все таки никогда не рѣшались отказываться отъ своей учебной отвѣтственности, т. е. отъ экзаменовъ и сочиненій, не желая получить названіе тунеядцевъ и паразитовъ. Неужели въ такое позорное прозвище пойдутъ ученики той школы, которая прежде всегда первенствовала въ трудолюбіи и любознательности въ ряду всѣхъ видовъ школы? Неужели нашему учащемуся поколѣнію семинаристовъ суждено быть послѣднимъ, которое будетъ выброшено церковнымъ народомъ, выведеннымъ изъ терпѣнія святотатственнымъ хищеніемъ церковныхъ средствъ? Если за подѣлку фальшивой монеты людей наказываютъ каторгою, то чего заслуживаютъ тѣ, которые, принявъ обязательство быть служителями православной вѣры и церкви, окажутся на самомъ дѣлѣ неспособными къ труду, не къ послушанію, никудашниками? Опомнитесь, бѣдные юноши, не калѣчите себя, вспомните, какими добрыми, христіански воспитанными дѣтьми вы пріѣзжали въ семинарію. Богъ и народъ ожидаетъ васъ, какъ проповѣдниковъ Евангелія, какъ подвижниковъ истинной вѣры; в если какой предатель и взмѣнивъ избѣжить мести народной, то не избѣжитъ кары Божіей. Сей журналъ и резолюцію доложите Святѣйшему Синоду*.

Представители православнаго духовенства въ Государственной Думѣ

Православнаго духовенства въ составѣ Думы 11 человекъ:

Епископы—Евлогій и Платонъ, протоіерей Ф. И. Владмирскій (Нижегород. губ.); Священники: А. Г. Гриневичъ (Под. губ.), М. П. Гашкевичъ (Могилев. губ.), А. В. Архиповъ (Оренбург. губ.), Д. Герштанскій (Волин. губ.), И. Ф. Дроглевъ (Волин. губ.), Протоіерей Н. В. Пирскій (Полтав. губ.). Священники: Г. С. Петровъ (Петерб. губ.) и К. А. Колосольниковъ (Дерм. губ.)

Ученикъ Императорской Академіи Художествъ

ИЗУЧИВШІЙ РЕЛИГИОЗНУЮ ЖИВОПИСЬ

предлагаетъ на весну и лѣто священникамъ Харьковской епархіи, услуги для написанія иконъ и картичь религіознаго содержанія на стѣнахъ церкви за умѣренное вознагражденіе.

СПБ. Академія Художествъ Ефиму Чепцову.

СЕЗОНЪ ВЕСЕННІЙ И ЛѢТНІЙ.

ПОЛУЧЕНЫ ГРОМАДНЫЯ ПАРТІИ

шелковыя ткани, черныя и цвѣтныя шир. отъ 12 верш. до 26 вершковъ.

Сатинъ де-шинъ всѣхъ цвѣтовъ для платья и кофточекъ отъ 1 руб. до 2 р. 50 коп.

Льонинъ нарядная ткань, матовая отъ 90 к. до 2 р.

Фанза, че-су-ча, тюнеизъ, экосе отъ 50 коп. до 1 р. 20 коп., громадная партія англійскихъ и русскихъ фабрикъ.

Альпакъ, парусинки и тафты особенно рекомендуемъ для кофтановъ и рясы.

Батисты 16 верш., 20 верш. и 22 верш., отъ 16 к. до 50 к.

Полотна и столовое бѣлье лучшихъ Россійскихъ и заграничныхъ фабрикъ.

Драпъ, трико и шевіотъ двойной ширины въ равныя цѣны.

Шерстяныя ткани новѣйшихъ выработокъ "двойной" ширины отъ 40 к. до 3 руб.

Магазинъ И. П. Развалинова

ПОДЪ СОБОРОМЪ, ХАРЬКОВЪ №№ 1, 2 и 3-й.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владимира Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихристѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Диницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика в религіи въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудравцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній: Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ ИСТОМИНЪ.